

АНАСТАСИЯ СОБОЛЕВСКАЯ

ХРОНИКИ РАЗРУШЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

ЛОЖНЫЙ КОРОЛЬ

Анастасия Соболевская
Ложный король
Серия «Хроники разрушенного
королевства», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69900460

Ложный король: Animedia Company; Прага; 2023

ISBN 978-80-7499-508-8

Аннотация

Принцесса Вечера повержена, армия короля Осе разбита, а сам он находится в бегах, спасаясь в тайном укрытии королей. Альмандиновая корона захвачена Ложным королем Теабраном Роксбургом, но действительно ли он занял престол незаконно? Кто на самом деле его мать, и что за странная армия с запрещенными колдовскими рунами на шлемах помогла ему захватить власть? И закончена ли вообще борьба за трон Ангенора?

Новый король пытается утвердиться на троне под гнетом властной матери и старшей леди Адельхейда, но отнюдь не все в королевстве рады новому владыке.

Тем временем открывается тайна Влахоса-Бродяги и истинная причина его предательства, самрат Тонгейр совершает роковую ошибку, за что платит самую высокую цену, а граф Южных

земель сталкивается с последствиями своего проигрыша у стен Паденброга в битве с Ночной гарпией.

Перед вами продолжение эпической саги о мире Ангенора. О мире кровавых битв за власть, лжецов, древних богов, королей, графов, диких племен и безжалостных убийц – всех, кого свела борьба за власть. О мире великих преступлений, предательств и политических интриг.

Содержание

Анастасия Соболевская	5
Карта	6
Пролог	7
Глава 1 Победителей не судят	20
Глава 2 Ночная Гарпия	45
Глава 3 Тихие залы Туренсворда	63
Глава 4 Змеиная королева	97
Глава 5 Король изгнанный	130
Глава 6 Отравленное перо	157
Глава 7 Искусство дипломатии	177
Глава 8 Бастард	206
Глава 9 Ведьмы	227
Глава 10 Ягнята, гарпии и змеи	244
Конец ознакомительного фрагмента.	249

Анастасия Соболевская

Ложный король

*Книга вторая из серии «Хроники
разрушенного королевства»*

© Анастасия Соболевская, 2023

© Издание, оформление. Animedia Company, 2023

Возрастное ограничение: 16+

Корректор: Мария Скворцова

Выпускающий редактор: Мария Ланда

Карта

Пролог

Под колесом кареты протяжно хрустнула кость. Молодая, болезненного вида, женщина в платье из тяжёлого шелка с узором из лилий закрыла уши младшего сына руками, чтобы малыш Дункан не слышал этого омерзительного треска.

– Ваше величество, – в тёплой полутьме кареты, пахнувшей выделанной кожей и дорогими духами, блеснули крысиные зубки Симоне Буккапекки, прелата Севера, а маленькие и плоские, как у дохлой тилапии, глаза приобрели угодливое выражение, – не стоит оберегать маленького принца от жестокой реальности этого мира. Когда-нибудь их высочество всё равно услышит и хруст сломанной кости, и звук рвущейся плоти, и крик умирающего...

– Если мне понадобится ваше мнение, я его спрошу, – с неприятной грубостью прервала священника женщина, сверкнув глазами, полными нескрываемого отвращения.

Прелат поджал хищные губы, пожалев, что рядом сейчас не сидит лстивый лизоблюд отец Ипатий, который всегда ему услужливо поддакивал. В пучке света, что пробивался

внутри кареты сквозь оконные занавески, рыбы глаза сощурились в две злые щёлочки.

– Иммеле! – одёрнул жену Теабран и поспешил извиниться перед оскорблённым представителем церкви: – Прошу прощения, преподобный монсеньор. Моя жена сегодня, по всей видимости, опять плохо спала и, похоже, снова не в духе.

Бледное лицо королевы вспыхнуло раздражённым румянцем.

– Ты бы знал точно, если бы делил ложе со мной, а не предпочитал моему обществу пустую кровать.

– Я бы с удовольствием, дорогая, – ответил король супруге с той же любезностью, – но уж лучше тишина, чем твои истерики.

Прелат почувствовал перевес силы в свою сторону, как животные чуют запах свежей крови.

– Что вы, что вы, ваше величество, – серое лицо Буккапекки расплылось в такой широкой заискивающей улыбке, что уголки его губ, казалось, остановились в миллиметре от его ушей, однако рыбы глаза не изменили своего холодного выражения. – Я прекрасно понимаю её величество. Сейчас мы находимся на пороге сложного времени, как это принято говорить. Вы только что выиграли войну за корону, Ангенор вас не знает. Мне самому порою не спится, – бессовестно соврал священник, даже не запнувшись, – столько мыслей в голове. Ну что вы! Я нисколько не обижен...

– Значит, в следующий раз я приложу к этому больше усилий, – взгляд заплаканных глаз Иммеле заставил прелата подавиться последним словом.

– Как ты себя ведёшь?.. – голос короля стал грубее.

– Где же Ройс? – женщина отодвинула пальцем край тяжёлой скользкой бархатной занавески, за которой пряталось окно кареты, и вгляделась в щель.

Ядовито-жёлтое солнце отражалось от позолоченных кирас покойников, как от зеркал, и жгло глаза, как луч, пропущенный через линзу. Снаружи было жарко и душно, дул липкий противный ветер, смердящий грязью, бычьим потом и кровью. Горизонт почти не просматривался из-за сваленных вдоль дороги тел людей и животных, над которыми суетливо кружили облака падальных мух.

– Дитя скоро найдётся, – Теабран не разделил беспокойства жены по поводу отсутствия новостей о Ночной Гарпии и продолжил изучать богато расшитый золотыми лилиями рукав нового сюртука, подаренного ему накануне матерью в честь будущей победы над узурпаторами. – Ты прекрасно знаешь, Ройс всегда исчезает после драки, чтобы выспаться, а ты места себе не находишь – между прочим, совершенно зря. Ты и так уже истощила себя ожиданиями наихудшего. Закрой окно.

– Целых два часа – и ни слова, – Иммеле продолжала смотреть в окно в надежде не увидеть среди тел павших в бою своего ребёнка.

– Гарпия не даст себя в обиду, ваше величество, – заметил прелат, бессознательно, но с каким-то странным непотребством водя средним пальцем вокруг круглого замочка на корешке «Четырёхлистника». – Сами знаете, один неверный взгляд, и голова обидчика уже катится по полу, отсечённая от тела, – мне ли вам рассказывать? Один воин, десять – в случае с Гарпией и разницы особой нет. Скорее всего, их высочество уже давным-давно хозяйничает в замке, наводя страх на его обитателей. Не стоит беспокоиться.

– Не вам решать, надо мне беспокоиться о своих детях или нет. У вас их нет вообще.

– Иммеле, прекрати! – зашипел на жену Теабран. – Ещё раз прошу прощения, отец Симоне. Иммеле, ты ведёшь себя как капризный ребёнок! Если бы с Дитя что-то случилось, нам бы уже давно дали знать. Так что, если ты не выпалась, это не причина грубить монсеньору.

– А то, что вы оба отправили моего ребёнка на войну, тоже не причина?

– Ройс и мой ребёнок тоже, – заметил Теабран. – И ребёнок уже достаточно взрослый, чтобы самостоятельно принимать такие решения.

– Решение умереть?

Теабран ещё больше надулся.

– Если ты забыла, численностью наши воины во много раз превосходили врага. Вероятность проигрыша была чрезвычайно мала.

– Скажи это тем солдатам под нашими знамёнами, чьи трупы ты бы увидел в окно, если бы набрался смелости отодвинуть занавеску. Или смерть для тебя не есть проигрыш? Дитя могло погибнуть!

– Если мне не изменяет память, дорогая, – а она мне не изменяет, – Гарпия с нескрываемым энтузиазмом встретила идею самостоятельно вести в бой целый батальон, прекрасно осознавая риски. И что-то я не припомню, чтобы ты бросилась кого-то отговаривать от этой затеи.

– Отговаривала, когда ты не видел, но Ройс разве слушает?

– Да, не слушает, – и в этом король был полностью с супругой солидарен.

– Боже, сколько трупов... – Иммеле отвернулась от окна. Карета сильно накренилась, наехав на тело одного из кирасиров. Женщина подавила приступ тошноты и прижала к носу истерзанный шёлковый платок, пропитанный мятной настойкой. Где-то рядом противно крикнул стервятник.

– Что за гнусная глотка? – поморщился отец Симоне, будто крик хищной птицы осквернил его тонкую душевную организацию. – Недаром святая Лиммета одним своим взглядом истребила этих ужасных птиц после битвы Трёх Графов пять веков назад.

– Почему нельзя было подождать, пока не расчистят дорогу к воротам? Мы же едем прямо по костям! – Иммеле прижала к носу платок. – Это? И это твой путь к короне?

– А у меня тоже есть кости? – малыш Дункан, до этого пытавшийся приладить на место случайно оторванную руку деревянного солдатика, поднял к матери личико. Королева нежно пригладила вьющиеся, как у неё самой, золотые локоны сына. – Р-р-ройс говор-р-рит, они есть у всех, – принц Дункан старался выговаривать звук «р», хотя у него это плохо получалось. – Их можно сломать?

– Почему ты спрашиваешь, милый?

– Р-р-ройс говор-р-рит, что когда кости ломаются, то можно услышать смешной звук, – мальчик хлопнул губами, пытаясь повторить для мамы тот звук, который услышал накануне вечером в палатке, где жили дети нового короля.

– Ройс иногда говорит жуткие вещи.

– Я стану воином, когда вырасту, и тоже буду ломать кости. – Дункан оставил в покое прикрученную к солдатику конечность, а убедившись, что она держится крепко, хлопнул игрушкой по коленке и засмеялся, когда рука снова отвалилась, закатившись под кресло.

– Нет, милый, ты станешь королём и не будешь никому ничего ломать. К тому же, когда кости ломаются, людям становится больно. А когда людям больно, они плачут, – Иммеле нагнулась и достала повторно оторванную руку игрушки. – Ты хочешь, чтобы люди плакали?

– Р-р-ройс делает больно.

– Ройс не знает, что творит, – Иммеле вернула деревянную руку на место и отдала игрушку сыну.

– А, по-моему, как раз-таки прекрасно знает, – фыркнул отец Симоне. – Всё-таки их высочество руководит отрядом Огненосцев, а это не какая-то кучка пилигримов.

Королева мгновенно выпустила шипы:

– Да, Буккапекки, это сборище фанатиков и убийц, которые спят с мечами под подушкой, когда очистят их от крови тех, на кого укажет ваш святейший перст, – Иммеле без какого-либо страха посмотрела на прелата. – Не вы ли отдали моего ребёнка в их лапы?

Священник безглаголиво скривил губы и процедил:

– Формально это сделал ваш супруг, что в любом случае было совершенно правильным решением, учитывая то, что, во-первых, нет цели более благородной, чем служить в армии кардинала, а, во-вторых, вы сами прекрасно знаете причину, по которой их высочеству была дарована возможность пополнить их ряды, пусть даже вопреки всем правилам и требованиям, предъявляемым кандидатам. Носить плащ Огненосца и служить церкви, ваше величество, есть путь к спасению души, и не каждый может похвастаться подобной возможностью, тем более человек, совершивший столь серьёзный проступок, какой совершило Дитя, учась в Конвилактории. Не будь Ройс ребёнком короля, едва ли кардинал уступил бы моей просьбе. Вы должны быть благодарны за эту возможность. Огненосцы – избранные воины, исполняющие великую миссию.

– Так говорили и о кирасирах.

– Кирасиры – варвары, верящие во всякую богомерзкую чушь, – степенно произнёс прелат, как на очередной проповеди, которые всегда производили на Иммеле жутковатое впечатление словесной порки. – Ересь, недопустимую для просвещённых людей, дикарство, примитивные верования в несуществующих божков, а руками Огненосцев вершит правосудие сам Бог!

– Он вам сам об этом сказал? Как сказал и пустить карету прямо по костям?

Теабран побелел от раздражения.

– Иммеле, ты сегодня принимала свою успокоительную настойку?

– Нет.

– Я так и думал. Мне стыдно за тебя перед отцом Симоне.

– А мне за тебя перед сыном. Поэтому мы квиты.

– Ты ведёшь себя просто отвратительно.

– А как я, по-твоему, должна себя вести? – нахмурилась Иммеле.

– Как леди Блэйк, которой выпала честь стать королевой Ангенора, а не как базарная баба.

Иммеле с достоинством выдержала оскорбление.

– Так вот как ты обо мне думаешь? Что я базарная... баба? Ты не забылся, дорогой? Ведь это моя семья приютила твою, когда та нуждалась в помощи и была гонима кирасирами от Эмронских холмов аж до залива. Ни графы, ни даже мелкие лорды, соседи твоего деда, вам помогли, и не кар-

динал, а семья, как ты выразился, базарной бабы была единственной, кто протянул вам руку помощи.

Теабран почувствовал укол совести, но извиняться не стал.

– Прошу прощения, ваше величество, – почти пропел увидевший замечательную возможность получить благосклонность новоиспечённой королевы служитель церкви, перестав созерцать на своём холёном пальце новенький прелатский перстень, который он, как и его южный коллега, носил вместо золотой подвески. – Но я считаю, что королева имеет право немного погрузиться и быть не в настроении. Видите ли, я тоже отчасти согласен, что мы немного поспешили, пустив нашу карету прямо сейчас, и, бог свидетель, я уговаривал вашу бабушку, леди Улиссу, немного подождать, но вы же знаете её. Ничто не способно остановить эту восхитительную женщину в её намерениях, – он осенил себя перстом в знак четырёх лепестков чистотела. – И потому я искренне прошу прощения у покойных и молюсь, чтобы Единый Бог даровал усопшим душу и пустил под своё крыло, как мучеников, несмотря на их дикие верования.

Иммеле осталась к его словам равнодушна, и раболепные надежды опытного льстеца втянуть в свои сети королеву лопнули, как мыльный пузырь.

Отец Симоне оскалил крысиные зубки, затаив ядовитую обиду.

– Как хорошо, ваше величество, – заметил священник,

расплывшись в елейной улыбке, обращённой к более благосклонному к своей персоне Теабрану, – что ваша матушка вместе с леди Улиссой, сэром Ричардом и сэром Виллемом уже в Туренсворде и к нашему приезду всё будет готово. Сэр Ричард говорил, что распорядится предоставить своей дражайшей сестре и матери лучшие покои – разумеется, лучшие после покоев короля, а ваших детей разместит в покоях принцесс. Конечно, в них полно дамских безделушек, но слуги всё приберут. Опять же едва ли кто-то поспешит примерить платья принцессы Вечеры, но ткани, из которых они пошиты, прекрасно подойдут для иного декора.

– Девочка мертва всего несколько часов! – вспыхнула Иммеле. Бледная, с синими жилками рука сжала платок. – А вы уже распоряжаетесь её вещами, как мародёры!

– Что такое «маратёры»? – отвлёкся от покалеченного солдатики Дункан и прислонился щёчкой к маминой руке.

– Иммеле! – прикрикнул на жену Теабран, вовсе растеряв самообладание от такой вопиющей, по его мнению, наглости.

– Её простыни ещё не остыли, а вы уже думаете, куда деть её вещи, будто это какое-то барахло! Что ещё ты сделаешь? Драгоценности её отдашь матери? Отдашь её платья на тряпки?

– Если я так захочу, – с холодной злобой ответил Теабран. – Я – король.

– Я – кор-р-роль, – повторил за отцом Дункан, опрокидывая солдатику.

– Пока ещё нет, – спокойно ответила Иммеле. – Или коронация уже состоялась?

Теабран помрачнел.

Карета снова сильно накренилась, раздался жуткий треск. Теабран выглянул в окно сквозь узкую щель между плотными занавесками. Из-под колеса выскочил осколок отломленного бычьего рога. Серая, искромсанная мечами туша осталась недвижимой. Рядом с пробитой головой животного валялся заляпанный засохшими на жару кровавыми разводами кирасирский ксифос. Губы мужчины брезгливо скривились, и он зашторил окно, в отличие от отца Буккапекки, который в ответ на ужасный крен улиткой выпучил глаз в щель между стенкой кареты и занавеской.

– Сколько же добра пропадает, – вздохнул священник. – И эти дикари ещё украшали латы своих животных золотыми бляшками с альмандинами. Вон и шлемы позолоченные. Надо бы дать распоряжение счистить всё золото и переплавить на монеты.

– И пожертвовать церкви, я полагаю? – ядовито заметила Иммеле.

Прелат ошетинился, но снова был вынужден расплыться в заискивающей улыбке.

– Церковь никогда ничего не требует, ваше величество, все жертвования сугубо добровольны. Но если король пожелает пожертвовать это золото и камни церкви, кто я такой, чтобы этому противиться? В таком случае я лично просле-

жу, чтобы их пустили на благие нужды.

– Нужды священников, надо понимать?

Теабран испепелил жену взглядом.

– Мама... – слышался едва различимый в шуме снаружи слабый надтреснутый голос.

Сердце Иммеле сжалось до размера горошины.

– Ройс, – испуганно прошептала женщина, узнав голос своего ребёнка, и отдернула занавеску. – Ройс!

Темноту кареты тараном разбил яркий солнечный столб. Вместе с ним внутрь ворвался смрад разлагающейся на жаре плоти, запёкшейся крови и пыли. От запаха прогорклого пота защекотало в носу.

– Ройс!

Недалеко от того места, где карета пробивала себе путь по окровавленным останкам, среди груды изрубленных тел и оружия шевельнулось что-то чёрное.

– Мама...

Рядом с грудой изломанного металла и ошпаренной раскалённым маслом бычьей тушей заблестели длинные волнистые волосы. Показалась покрытая кровью рука.

– Остановите карету! – закричала Иммеле. – Стойте!

Карета резко остановилась, упёршись в тушу коня.

– Дитя!..

Теабран открыл глаза.

Снова этот сон. И снова как наяву. Он сел на кровати и огляделся. Спальню копьём пронзал солнечный луч и па-

дал точно на подушку, где только что спал король.

Он встал и подошёл к окну. От стёкол в стрельчатых окнах башни Юрто, чью увитую плющом стену было видно слева, отражались лучи нового дня. Окна горели, будто изнутри Туренсворд пожирало пламя.

Глава 1 Победителей не судят

Посередине главной гостевой комнаты Туренсворда сидела маленькая, похожая на мумию овцы старуха. Её небольшие водянистые глаза смотрели жёстко, если не сказать жестоко, хотя она и старалась придать своему взгляду выражение мудрости и глубины (как она себе их представляла), а тонкие губы её были сжаты в ниточку в попытке придать своему облику, опять же по её представлению, решительность, свойственную представителям благородных домов. Кожа её была бледной и сухой, как старый выцветший пергамент, а волосы, завязанные в модный в Приграничье лет сорок назад тугой пучок на затылке, – совершенно седыми и тусклыми, как и редкие волоски усиков на губе, среди которых сидела жирная бородавка. В руках она сжимала маленький «Четырёхлистник» из травленной бычьей кожи и золотой цветок чистотела, который придворный художник всё время просил держать чуть повыше, чтобы не нарушать композицию.

– Леди Улисса, – очень вежливо просил он, несмотря

на нарастающее в его душе раздражение, когда бабка короля в очередной раз опускала реквизит, — руку чуть-чуть выше, да, вот так. Иначе на ваши пальцы падает тень от платья и скрывает украшения. Теперь намного лучше.

За спиной леди Улииссы стоял уже оформленный в раму из дорогой породы эвдонского тиса портрет её дочери, которой по завершении неофициальной коронации сразу после битвы у стен города был дарован почётный титул королев-матери. И хотя настоящая коронация ожидалась ещё только через несколько недель, на портрете леди Петра уже была изображена в золотой плетёной диадеме, которая возвещала о её высоком титуле, и в чёрном кушаке с вышивкой в виде короны, который носили вдовствующие королевы. Сама леди Петра с поистине царским величием сидела чуть поодаль от огороженного шёлковой драпировкой под портрет пространства и вышивала.

Вопреки тому, что местность, где находился её фамильный замок Адельхейд, была далека от столицы и незнакома с лоском придворной жизни, в леди Петре всегда чувствовалась какая-то чуждая Приграничью королевская стать. Леди Улиисса сразу разглядела это необычное свойство в своей дочери, едва та научилась сидеть, и потому всегда предполагала, что рано или поздно обстоятельства сложатся так, что Петра окажется в Туренсворде в роли камеристки принцессы или самой королевы. Но даже она, с её честолюбием и желанием вырваться из захолустного Приграничья, не помыш-

ляла, что однажды единственный подвернувшийся ей шанс воплотить мечты в реальность обернётся для дочери результатом, который превзойдёт все её чаяния.

Устав от сосредоточенного вышивания золотыми стежками, Петра иногда переводила взгляд на рубиновый перстень матери, который та нашла в шкатулке королевы Суаве и с которым теперь не расставалась, как с настоящим трофеем, добытым в кровавой схватке; иногда – на сапфировую заколку принцессы Вечеры в её волосах; а когда же ей надоело любоваться сверкающими на солнце самоцветами матери и сравнивать их со своими драгоценностями, она созерцала собственный портрет. Изображение на холсте вполне отвечало её чувству прекрасного, потому что, как любая, уже не юная, но красивая женщина, леди Петра ценила то, с каким мастерством художник сумел подчеркнуть достоинства её внешности и скрыл незначительные недостатки в виде морщинок. Впрочем, по отнюдь не скромному мнению леди Улиссы, её дочь всё ещё сохранила привлекательность, которой когда-то был покорён сам король Эсегрид Золотой Щит.

– Вы прекрасны, моя кор..., м-м, э-э, ваша светлость, – с профессиональной, а потому простительной в своей очевидности лестью восхищался моделью придворный художник. – Голову чуть-чуть правее. Вот так. Восхитительно, просто великолепно. Ваш портрет в Красной галерее займёт почётное место рядом с портретом вашего внука и бу-

дет изумительно смотреться в раме из позолоченного альмидона с вставками из альмандинов и кантамбрийских жадеитов. Мой подмастерье уже заказал её в багетной мастерской, а камни предоставит королевский ювелир. Дагмар обещал лично выбрать лучшие самоцветы.

Уже давно не видящая разницы между лестью и искренним восхищением старуха оценила его медовые речи, и её глаза приобрели благодарное выражение.

Сэр Ричард Абертон сидел в стороне от сестры и матери, за столиком у стрельчатого окна, сквозь которое внутрь гостиной залы струился слабый ветер, пахнувший нагретой травой и дёгтем. Как всегда собранный, сосредоточенный, наблюдательный. Облачённый с пяток до подбородка в похожий на казначейский, но из очень дорогой ткани сюртук, он производил впечатление сухого, как кирпич, и отстранённого, как крепость на отроге высокой скалы, человека.

Его правая рука властно лежала на небольшом окованном сундучке с замочком в виде серебряной маски с пустыми глазницами, а вторая покоилась на колене. Глаза цвета отколотых льдинок внимательно наблюдали за тем, как придворный художник кладёт краски на холст.

Живописцу, рожающему шедевр, до рези в боку не нравилось ощущать себя как на экзамене из-за этого морозного взгляда, пристально следящего за каждым его движением будто с намерением предотвратить возможное покушение на лик её светлости достопочтенной леди Улиссы, гра-

фини Адельхейда и Аранских холмов и прочие-прочие кудрявые титулы на половину свитка, которыми нарекла себя тщеславная бабка, и потому он старался не оборачиваться, хотя и продолжал чувствовать себя кроликом, которого приметила голодная гончая.

– Ричард, неужели тебе не жарко? – старалась не шевелить губами, чтобы не портить композицию, Улисса и взглядом указалана руки сына, которые тот скрывал под перчатками. – Снии их немедленно. Сейчас не зива. Мне душно на тебя свотреть. Снии!

Шея старухи, казалось, скрипела от усилий не шевельнуться.

– Благодарю за заботу, мама, но нет, – голос Ричарда, как у любого любителя шенойского табака, был груб, как у рычащей собаки, и громок, как гудящая горница, отчего сказанное им прозвучало как безапелляционное заявление.

Иммеле искося поглядела на руки дяди Теабрана и хмыкнула про себя: «А может быть, он просто колдун и скрывает метку Чарны?»

– Почему ты ухмыляешься? – холодный пренебрежительный взгляд угольно-чёрных глаз Петры, обращённых в сторону невестки, противоречил доброжелательному выражению её лица.

– Разве? – переспросила Иммеле.

– Ричард, ты же не прокажённый! – оковы, налагаемые высоким искусством, были сорваны и с грохотом упали на пол

вместе с книгой. – А ты не смей ухмыляться. Это недостойно!

– Я просто вышиваю, – попыталась оправдаться леди Блэйк, вдев нить в игольное ушко.

– Мы все знаем, что значит твоё вышивание. Ты думаешь.

– Разве это плохо? – Иммеле напустила на себя искренне непонимающий вид, чем вызвала ещё большее раздражение.

– Нахалка! – воскликнула леди Аранских холмов, окончательно испортив композицию. – Вот она, северная спесь. Во всей своей красе!

– Моя мать пытается донести до тебя, Иммеле, – вкрадчиво уточнила Петра, взяв поднесённый слугой кубок, – что тебе как королеве теперь нужно сдерживать свои порывы урождённой северянки и вести себя достойно своему новому положению. Ты больше не леди Блэйк, последняя из рода графов Холодных островов, а королева Ангенора.

Иммеле оскорбилась.

– И какие же мои порывы вас так смутили, прошу уточнить?

Петра закатила глаза и повернулась к сыну.

– Теабран?

– Мама? – отвлёкся от книги король.

– Твоя жена снова мне дерзит. Может быть, ты что-нибудь сделаешь?

– Иммеле, прекрати, – устало попросил король.

– Разве так мужья учат своих испорченных жен уваже-

нию? – возмутилась Улисса, заёрзав в кресле.

– Бабушка, мама, я сам разберусь со своей женой.

– Что-то не очень-то видно, мой милый внук, как ты с ней разбираешься. В моё время жёны никогда не позволяли себе повышать голос на старших. За это их привязывали голыми к столбу и секли плётками.

– Ты предлагаешь мне высечь мою жену?

– Не помешало бы. Я считаю.

– Я не буду никого сечь, – чувствуя, что вот-вот закипит, Теабран попытался сосредоточиться на чтении.

– Но я ни на кого не повышала голоса, – на молочно-белойшее Иммеле проступили пятна от обиды. – Я просто вышивала.

– А что же ты делаешь сейчас? – властным тоном заявила Петра. – Даже если ты молчишь, на твоём лице написаны все твои мысли, Иммеле, а они должны быть скрыты. Именно это и отличает леди от простолюдинки.

– Значит, когда мне понадобится научиться притворяться, я непременно обращусь к вам.

– Теабран, вот о чём тебе и говорят, – снисходительно ответила Петра, пытаясь привлечь внимание сына. – Самоуверенность, наглость и пренебрежение по отношению к любому авторитету. К сожалению, этой особенностью отличаются все Блэйки. В этом Дитя целиком пошло в свою мать.

– Ох, прошу прощения, ваша светлость, – поспешил сгладить острый угол сэр Виллем, который в этот момент пил

чай по другую от Иммеле сторону стола. – Боюсь, что в том, что королева Иммеле сейчас немного не в духе, есть моя вина. Сегодня утром моя дорогая супруга Идэ играла вместе с нашим сыном, и этот маленький поросёнок испачкал грязью подол платья её величества, – советник приложил руку к груди. – Я ещё раз искренне прошу прощения за этот ужасный инцидент.

Иммеле удивлённо посмотрела на покрытое сетью морщинок приятное лицо мужчины и, поняв его немую просьбу ему подыграть, кротко улыбнулась.

– Ничего страшного, сэр Виллем, слуги уже давно всё почистили. Я уже всё забыла.

– Я, право, сильно переживал. Мой мальчишка всё ещё не привык к тому, что мы больше не живём на Холодных островах, где можно сутками кувыркаться в грязи и строить замки из палок и глины, и иногда забывается. Да, мы с Идэ приучаем малыша Бентона отныне вести себя совсем иначе, согласно его новой жизни и дарованному нашим королём титулу, но дети есть дети.

– Ему всего шесть, – лицо Иммеле смягчилось при упоминании маленького непоседы. – Когда ещё прыгать по грязи, как не в этом возрасте? Мой Дункан, насколько мне известно, с радостью составляет ему компанию и скачет по крышам конюшни с зари до самых сумерек, отвлекаясь лишь на обед.

– И такое поведение ты считаешь достойным наследника трона! – Улисса, как кобыла, зашевелила усатой верхней гу-

бой. – Играть с детьми вонючих конюхов и слуг! Я ведь права, Ричард? Скажи ей!

Сэр Ричард поднял на Иммеле глаза:

– Возиться с отпрысками кухарок – забава для простых мальчишек, но не для сына барона и тем более короля. Доношу до твоего сведения, Иммеле, в ближайшее время мы с мамой, Петрой и Теабраном снова вернёмся к вопросу подготовки системы воспитания для наследника трона.

– Опять? – Иммеле обречённо воззрилась на Ричарда, упорно желающего, чтобы она признала всё своё ничтожество. – Неужели прошлая попытка не оказалась достаточно неудачной, чтобы вы оставили эту глупую идею?

– Твой сарказм здесь неуместен.

– Как и материнские чувства? – злость и негодование захлестнули мать, прибавив её решимости не идти на поводу у своего безотчётного страха перед сидящим напротив неё и непробиваемым в своей практичности человеком. – При всём уважении, сэр Ричард, но вам следовало бы для начала обзавестись собственными детьми, чтобы разрабатывать какую бы то ни было систему воспитания чужих. Вы уже пытались воспитать из Дитя человека, который бы отвечал «требованиям короны», и я не дам вам ставить новые эксперименты на моём втором ребёнке.

– Как много слов, – шепнула Петра, в немом отчаянии возведя глаза к потолку, и вздохнула так тяжело, будто на её плечи вдруг обрушились все тяготы этого мира. – Теабран,

тебе определённо пора поговорить с женой, чтобы она поняла, когда лучше держать язык за зубами.

Теабран промолчал.

– Не могу не согласиться с её величеством, – встал на сторону королевы сэр Виллем. – При всём моём уважении к вам, сэр Ричард, ваше прошлое предложение в плане воспитания их высочества дало весьма неоднозначный результат. Стоит ли нам предпринимать дальнейшие попытки вмешиваться в развитие наследников? Кто знает, чем обернутся наши, так сказать, опыты в этот раз? Принц Дункан не Ночная Гарпия и будет управлять не отрядом воинов, а целой страной.

– Не хотите ли вы сказать, советник, – старой кошкой выгнулась леди Улисса, – что в том, как ведёт себя сейчас Дитя, виноват мой сын?

Виллем ожидал, что его слова воспримут в штыки, и потому был готов ответить.

– Нет-нет, вовсе нет, – он со всем почтением поклонился старухе. – Но осмелюсь напомнить, именно сэр Ричард когда-то стал инициатором идеи отправить Дитя, как плод нематримониальных отношений леди Иммеле и её тогдашнего жениха, на обучение в Конвилакторию для получения духовного образования и дальнейшей карьеры при Престоле. А что последовало из этого решения, мы все прекрасно знаем. Но я бы не стал в чём-то кого-то обвинять. Как и вмешиваться в воспитание королевских детей вопреки желанию их матери.

– Бросьте, советник, – буркнула Петра, уделяя, казалось, всё внимание исключительно тому, как портретист водит кистью по холсту. – Разве обучение в Конвилактории способно кого-то испортить? Будь она так ужасна, как вы считаете, из её ворот бы выходили преступники, а не священники и игумении. Если бы не спесивый нрав Дитя, из него бы вышел достойный человек, но нет! Откуда у отпрыска Блэйков взяться благодарности за то, что он не ведёт жизнь обычного бастарда, запертого в какой-нибудь глуши вместе с няньками? Неоткуда. Потому что и у его матери такового не наблюдается, иначе она была бы благодарна сыну за то, что он взял её себе в жены, порченную каким-то вонючим князьком, и дал её щенку свою фамилию.

– Мама! – воскликнул Теабран, отшвырнув от себя книгу, как дохлую ворону. – Хватит, я тебя прошу!

Возглас короля возымел ожидаемое действие. Шакалы отступили от королевы.

– Детям нужна дисциплина, и только она! – воспалённый чувством собственной важности ум Улиссы не воспринял повисшую паузу как призыв заткнуться и сменить тему. Искренне верящая в то, что является настоящей поборницей морали, она причмокнула губами и заверещала крикливым старческим фальцетом: – В Конвилактории Дитя должны были привить умение слушаться и подчиняться приказам. И сделали бы это, если бы не твоё тлетворное влияние, Иммеле, и не твоя северная кровь!

Ричард, солидарный с матерью в вопросе способности крови подчинять себе чей-либо характер, поднял руку. Улисса замолчала.

– Не стоит позволять эмоциям застилать разум, мама. Но я с вами согласен. Дитя приняли в Конвилакторию на особых условиях и только благодаря фамилии, что оно, увы, не оценило в силу твоего, Иммеле, потакания каждому его капризу. Поэтому нет ничего удивительного, что методы воспитания святых отцов и сестёр- настоятельниц не возымели нужного действия и не вытеснили из белокурой головы всю ту чушь, которая сейчас цветёт в ней буйным цветом, поощряемая опять же матерью. Нам повезло, что хотя бы благодаря Огненосцам их высочество отчасти усмирило свой скандальный нрав и научилось подчиняться приказам.

– Огненосцы сделали из моего ребёнка убийцу! – вспыхнула Иммеле.

– Не убийцу, – возразил Теабран, не согласный с женой, и процитировал слова прелата, – а длань Господа. Тебе следовало бы лучше слушать отца Симоне и ознакомиться с его трудом «О силе Огонь носящих и роли их деятельности в просвещении». Там очень подробно и доходчиво пояснено, кто они и почему важен сам факт их существования. Огненосцы, Иммеле, благословлённые люди. Они жертвуют своей душой во имя Бога, а значит, после смерти будут прощены за каждую пролитую ими каплю крови во имя Его и обретут вечный покой под Его покровом. Ройс выполняет свя-

ценную миссию, и тебе следовало бы выказать хоть каплю благодарности мне за то, что Дитя дали шанс искупить вину.

– Говоришь ты, но я слышу голос прелата. И когда же он начал говорить твоими устами? Огненосцы – фанатики, верящие в свою непогрешимость, что бы ни совершили. Не они ли устроили настоящую охоту на Полудниц, войдя в город? Вешали, резали невинных дев. Неужели наш Бог учил их этому?

– Блудницы в услужении у лживых богов! – рявкнула во всю силу старой глотки Улисса. – Шлюхи, устраивающие оргии с архонтом, погрязшие в грехах! Пусть скажут Огненосцам спасибо за то, что смерть очистила их и дала возможность обрести душу!

– Ваша светлость, прошу головку чуть левее, – попросил художник.

Петра же усомнилась в силе всепрощения Единого Бога.

– Гарпия уже порядком испорчена, мама, и я сомневаюсь, что даже во главе Огненосцев она получит хотя бы шанс на спасение своей души. Но мы обязаны дать Дункану шанс стать достойным человеком. О Конвилактории мы поговорим через год, принц ещё слишком мал, чтобы углублённо изучать «Четырёхлистник», но прелат после того вопиющего случая с Дитя всегда просил нас отдать младшего принца ему на попечение. Бог с ней, с Ночной Гарпией, здесь уже ничего не исправить, да и наследовать трон Ройс не может, но Дункан! Мы обязаны предотвратить влияние на него крови ма-

тери и всеми силами воспитать достойного короля. Я считаю, если отдать моего младшего внука монсеньору Буккапекки сейчас, церковь быстро привьёт ему достойное его статуса поведение и научит почитать четыре добродетели, а Конвильяктория через год довершит начатое вовремя и предотвратит все возможные... отклонения.

– Прелат не прикаснётся к моему ребёнку! – побледнела от испуга Иммеле. – Теабран, скажи что-нибудь! Теабран, ты же знаешь, что о нём говорят!

– Иммеле, сядь, – с мрачным гневом король указал жене на кресло. – Отец Симоне служит церкви больше, чем ты живёшь на свете, а ты смеешь его в чём-то обвинять, слушая грязные сплетни? Это низко и недостойно тебя.

Иммеле села.

– Кстати, где Ройс? – обернулась на сына Петра.

– Известно, где, – удручённо ответил Теабран. – Утром их высочество видели у покоев с каким-то слугой, сами понимаете, при каких обстоятельствах.

Худое лицо Улиссy сморщилось, будто она только что надкусила гнилой помидор.

– Вот что делает с детьми твоя любовь, Иммеле! О чём я и говорила. Это из-за тебя!

– Я люблю обоих своих детей, какими бы они ни были и что бы ни предпочитали. И вы не можете приказать мне их не любить, будь на вас хоть три короны.

– Люби их сколько угодно, – улыбнулась Петра самой гад-

кой своей улыбкой, — а воспитание оставь людям поумнее.

— Сами вы дура, милая свекровь.

— Вот она, знаменитая дерзость Блэйков! — заорала старуха, обращаясь сразу ко всем и побагровев от радости, что наконец явила миру сокрытое до той поры ничтожество королевы. — Дурная северная кровь! Если бы род этой дряни не был достаточно знатен, я бы никогда не разрешила внуку связать себя с ней узами брака!

— Тогда вам повезло, что мой род оказался достаточно беден, чтобы позволить вам совершить подобную глупость.

— Теабран, пожалуйста, поговори со своей женой, — Петра призывно посмотрела на не менее озадаченного наглостью Иммеле сына. — То, что она себе позволяет, недопустимо.

Придворный художник незаметно спрятался за мольберт.

— Поговорю, — заверил мать Теабран, глядя на жену.

Иммеле почувствовала исходящую от мужа угрозу.

— А ещё я обдумаю предложение насчёт Дункана и вынесу своё решение. Результат твоего воспитания слишком экстравагантен, и лично мне не хотелось бы, чтобы в моей семье со временем появилась вторая совершенно неуправляемая Ночная Гарпия. Таково моё слово.

— Вот слово короля! — просияло восхищением лицо Улисы.

— Милый, я в тебе не сомневалась, — Петра поощрила решение сына улыбкой, в которой, впрочем, не была ни тепла, ни доброты. Это была холодная улыбка королевы, полная

лишь удовлетворения от победы над соперницей.

– Признаться, – сэр Виллем задумчиво потёр седую бородку, – по моему скромному мнению, воспитанная всепоглощающей любовью королевы «неуправляемая Ночная Гарпия» выиграла для своего отца войну. Вы сами видели разработанные Дитя схемы боя и помните, кто вёл переговоры с самратом, который, между прочим, редко проявляет склонность к выслушиванию собеседника. Я ни в коем случае не хочу умалять достоинства военачальников войск кардинала, но не мне вам говорить, что Огненосцы – прекрасные воины, да, но они лишь исполнители, лишённые всякого воображения. Их учат слушать кардинала и его заместников, но не думать самим. Их приучают рубить еретиков, толком не разобравшись, и их высочество было бы таким же, не окажись рядом королевы Иммеле и не случись всего того, в чём вы спешите её обвинять. А результатом стала корона на голове истинного короля. Согласитесь, в данном случае сложно утверждать, что влияние её величества на своё дитя обернулось для короны чем-то плохим? Я бы осмелился выразить мнение, что это, несмотря на всем нам известные события, о которых не принято говорить, раскрыло в их высочестве потенциал, который был бы в лучшем случае никому не известен, останься оно в Конвилактории. И кто знает, вполне может стать так, что в будущем нам ещё понадобятся навыки Ночной Гарпии, если учесть, что некоторые графы не так уж безропотно приняли присягу новому коро-

лю, а некоторые и вовсе её отвергли, хотя я бы предпочёл ошибиться. Впрочем, мечты о будущем без войн остаются мечтами. Вы же слышали о баладжерах? Местные говорят, они нападают на Соляную башню каждое полнолуние. Раньше с ними дрались кирасиры. Теперь, по всей видимости, это наша с вами головная боль, как и Гарпии.

Искусство, с которым советник перевёл разговор с побивания королевы камнями в другое русло, был достоин восхищения.

– Нападали, – уточнил сэр Ричард, обозначив тот факт, что войны за Вильхейм как будто бы канули в прошлое. – Полагаю, вести о величии нашей армии дошли и до Псарни, в какой бы дыре в Диких горах она ни находилась, потому Волки Ночей и не показывают носу в Ангенор уже несколько месяцев, – его рука сильнее сжалась на резной крышке сундучка, будто подчёркивая важность момента. – А если так, то о племени Грязной Крови можно забыть, по крайней мере на ближайшее время, – его благородный лоб пересекло несколько глубоких морщин. – А вот что меня действительно волнует и что вы, сэр Виллем, заметили совершенно к месту, так это то, что отнюдь не все графы присягнули моему племяннику.

Он полез в карман своего отделанного шёлковой оторочкой сюртука и достал свёрнутый пергамент.

– Больше всего опасений на данный момент вызывает граф Полулунной башни Ростан Богарт – он первым заявил,

что никогда не присягнёт Ложному королю и Кукольнику с Диких гор, как они зовут Теабрана и меня благодаря бурной фантазии их высочества и сплетням.

– Ненавижу это прозвище, – брызнула слюной Улисса. – Нельзя было разрешать Дитя распускать язык. Кукольник! Кукольник – что это за прозвище такое?

– Но продолжим. Армия Богарта во время войны за трон уцелела почти полностью, будучи оттеснённой от кирасиров воинами кадерхана, а это около двух с половиной тысяч человек. Далее идёт граф Амбер из Стрельцовых башен, который присоединился ко мнению своего ближайшего соседа, что и понятно, учитывая, что мать Осе и Эдгара была из его рода, и граф Элендрой из Старого двора. Их войска малы, но лучниками Стрельцовых башен руководит небезызвестная нам леди Хесанте, чей отряд почти полностью перебил Ловчих на стене со стороны севера.

– Не слишком ли много чести называть её «леди»? – с тайной ненавистью уточнила Петра. – Её отец служил в Адельхейде камергером, а мать была баладжеркой.

– Возможно, для нас с вами чести и много, сестра, но по законам Ангенора по отцу она имеет вполне официально признанный титул.

– Ещё один повод пересмотреть порядок наследования титулов в нашем королевстве, – вздохнула Петра.

– Я всегда знала! Всегда знала, что эта шлюха предаст родной Адельхейд! – дряблые щёки леди Улиссы затряслись, как

у злобной старой бульдожки, как если бы обращение «леди» давало предводительнице стрельцов права на престол. – Ещё когда только эта дрянь появилась на свет, я знала, что она – предатель! А всё грязная баладжерская кровь! Кровь не водица. Иначе и быть не могло!

– Ни к чему преувеличивать, – Ричард не разделял категоричности матери, – Адельхейд едва ли можно назвать домом леди Хесанте. Когда наш замок был сожжён, она была ещё совсем ребёнком, и после смерти родителей ей надо было на что-то жить, потому она и стала наёмницей. В этом нет ничего личного. Впрочем, и она, и её хозяин сейчас в один голос заявляют, что никогда не преклонят колена перед «служанкой».

– Да как они смеют?! – оскорблённо воскликнула старуха.

– Всё ещё зовут служанкой! – озлобился король. – Разве мы не распространили по Ангенору письма, что моя мать никогда не была ничьей прислугой?

– Распространили. Я проследил, – отчитался о своей деятельности Ричард. – Но боюсь, что нам понадобится ещё много времени прежде, чем мы уничтожим ту крамолу, которую поселил в головах своего народа король Эдгар, лишив тебя, Теабран, любых притязаний на престол.

– Ещё при первой встрече я поняла, что от этого мальчишки будут одни неприятности! – всё больше закипала Улисса. – Когда он увидел мою дорогую Петру с Эссегридом во время прогулки по долине Рассыпанных Бус, король взял

её за руку, а его сын посмел одёрнуть его! Сопливый мальчишка посмел одёрнуть короля! Ох, если бы не он, мы бы продолжили жить в нашем семейном гнезде в Адельхейде, а не бежали на острова. Ваш брак с Эссегридом, Петра, был полностью легитимен! Конечно же, этот Эдгар приложил все усилия, чтобы нас уничтожить. Мой внук стал главным наследником альмандиновой короны, а он не дал тебе даже проститься с мужем прежде, чем его тело положили в гроб и унесли в долину Королей! Вместо этого, едва король испустил дух, к нам в замок пришли кирасиры с мечами и факелами! Но Единый Бог всё видит! Он всё расставил по своим местам, и теперь ты, Теабран, занял своё законное место!

– Но продолжим, – сэр Ричард остался будто совсем равнодушен к излишне эмоциональной тираде матери. – Касарийский кадерхан во главе с Тонгейром признал нового короля Ангенора, но не обещал участвовать в каких-либо битвах под нашими знамёнами, что вполне ожидаемо. Тонгейр сказал, что его ничего не связывает с Ангенором, и потому он нам ничего не должен. Даже тот факт, что у нас под стражей до сих пор находится его племянник, судя по всему, не имеет для него особенного значения. В отличие от него преданность графа Корбела не вызывает лично у меня никаких вопросов. Он по-прежнему обещает предоставить нам Озёрный замок в любой удобный для нас момент, как и свою армию, благо она во время сражения потеряла немногих солдат.

– Его сын весьма приятный молодой человек, – заметила Петра. – И к тому же смелый. Сэр Адарих видел его в бою через эту подзорную трубу, которую изобрёл Алмекий, и сказал, что его сын храбро сражался. Надо бы наградить мальчика.

– Это успеется, – деловито отметил сэр Ричард и вернулся к списку. – Огненосцы, само собой, на нашей стороне, Шеной склонил голову.

– И граф Урбино? – осведомилась Петра.

– Виттория-Лара над этим работает. Кстати, о ней: вчера нам пришли три сундука с подарками от купцов Шеноя – лучший шёлк и тончайшее кружево. Графы Мраморной долины также выслали свои дары – несколько тонн лучшего белоснежного мрамора для колонн в часовне у кирхи.

– Удивительно, не правда ли? Родители опальной королевы Суаве первыми склонили головы перед новой властью, – ехидно заметила мать короля.

– Скорее весьма грустно, ваша светлость, – вздохнул сэр Виллем. – Одна их дочь замужем за графом Южных земель, чья участь теперь печальна, вторая в изгнании, а сами родители поспешили примкнуть к их врагам, как бы я ни хотел избежать этого слова.

Сэр Ричард окунул перо в чернильницу и что-то подписал рядом с названием замка графов Ферро.

– Жители Мраморной долины уже давно доказали, что в процессе успешного развития общества главную роль игра-

ет умение приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам, – сказал он, ставя размашистый росчерк, – и графы Ферро – яркое тому подтверждение. Далее, Пелегр Димах-сис или, как тут говорят, Даимах – впрочем, неважно, – по-прежнему безумен и нейтрален, как и наши северные соседи касарийцы. Речные города и долина Нагуфор признала новую власть. Столпы недавно прислали подписанное всей семьёй согласие служить новому королю – как и граф Ревущего холма, что на юге Мраморной долины, который пошёл на поводу у дочери, что особенно интересно, учитывая обстоятельства, связанные с его зятем у нас в плену. Кантамбрийцы, по крайней мере те, кого привёл из Альгарды Эрнан Монтонари, полностью разгромлены, и новых воинов, учитывая новости с юга, бывший протектор наследников трона едва ли соберёт для новой атаки в ближайшие несколько лет. Кирасиры в прошлом. Даже те, кто уцелел и сейчас прячется в Редколесье, едва ли представляют для нас опасность. Даже не углубляясь в расчёты, можно смело заявить, что мы победили целиком и полностью.

– Я слышала, граф Корбел вызвался отправить свой отряд схватить беглецов, что прячутся в лесу, – повела бровью Петра. – Это так?

– Так, – кивнул Ричард. – Кстати, прелат вчера упомянул, что армия его святейшества тоже всегда к нашим услугам в этом вопросе. Но и те, и те пока нам будут нужны в Паденброге.

– Ты уверен, что кирасиры не угрожают сыну? В городе ходят слухи, что в Редколесье прячется гораздо больше беглецов, чем мы думаем, и у них во главе сын Согейра.

– Да! – воскликнула Улисса. – Да, тот мальчишка-кирасир! Пока живы все наездники на быках, нам покоя не будет! Я считаю, что нам нужно натравить на них Огненосцев. Пусть выжгут Редколесье до последней травинки, а кирасиров развешат на альмионах вдоль дороги до самого Паденброга! А лучше отправь туда Ловчих! – не унималась злобная бабка. – Влахос с первого дня, как мы тут, требует от нас выполнить обещание. Его нужно отвлечь!

– Это жестоко, – почти шёпотом произнесла Иммеле.

– Иммеле, – попытался приструнить жену король.

– Что Иммеле? Теабран, разве так можно? – королева звала к совести мужа. – Верни Влахосу Меланту. Ты дал ему слово.

– Да, но он не выполнил обещанного, – не согласился король. – Влахос должен был запереть Осе и Суаве в покоях, пока мы не войдём в город, а он упустил их обоих.

– И поэтому ты его наказываешь? Теабран, послушай...

– Хватит.

– Никто не мог предвидеть, что Согейр отправит к покоям Осе своих людей, но в этом нет вины Влахоса. Зачем он тебе? Угодно ли богу, чтобы ты разлучал мужа и жену по собственной прихоти? Сжался, они же не виделись целых пять лет!

– А ты не думаешь, что выполни я данное Влахосу обещание сейчас, Ловчие сорвутся с цепи и в лучшем случае дезертируют и вернутся в Гирифор? – поделился своими опасениями Теабран. – А в худшем вернутся сюда с армией и оружием, чтобы отомстить, и не мне тебе говорить, что за пять лет Влахос изучил все тайные ходы в город и Туренсворд. Он опасен, и потому он нужен мне здесь, под контролем. Пока Меланта у нас, Влахос будет куда сговорчивее и послушнее.

– Ты думаешь, если он поймёт, что мы его обманули, он останется подвластен тебе?

– Я надеюсь, ты не собираешься его просветить?

– Я на твоей стороне, Теабран, и меня оскорбляет твоё недоверие, – обиделась Иммеле. – Даже если Влахос и вернётся в Гирифор, он не дурак, чтобы поднимать против тебя восстание. Он знает, на что способна наша армия, знает, на что способен Огонь Алмекия. Просто отдай ему Меланту, и пусть уходит. Он и так этого ждёт уже пять лет, не зная, жива ли она вообще.

– Меланта жива, – хмыкнул Теабран. – Тебя послушать, так я зверь какой. Жива она, живет всех живых. И ей очень неплохо живётся в Ровенне.

– И ты веришь словам Гастера Болта? Он, как и его люди, никогда не любил гирифорцев, и их много, а леди Ровенны там одна, и она красива... – Иммеле многозначительно посмотрела на мужа.

– Именно поэтому я и оставил при ней Гастера. Он может удержать в узде своих солдат. Он служит моей семье уже больше десяти лет, и я верю ему, – Теабран также оскорбился недоверием Иммеле. – У меня нет причин не доверять его отчётам. В последнем письме он сказал, что заболел, стар уже, сама знаешь, да и люди его подхватили болезнь желудка, и твоя несчастная Меланта сейчас по своей воле ухаживает за ним и его людьми. Делала бы она это, если бы они над ней издевались?

– Но...

– Лучше молчи.

– Как пожелает мой король, – потухшим голосом ответила Иммеле.

Глава 2 Ночная Гарпия

Тем временем на кухне разгорался нешуточный спор. Спорщиков было двое. Первая – Марет, пухлая, как дрожжевая булка, кухарка, которая вопреки обманчивой безобидности росточка могла отстаивать своё мнение вплоть до драки. Второй – также упёртый в непоколебимости своей правоты дворцовый палач Бен.

Спор был жарким, пыльным и грозил в самом скором времени перерасти в рукоприкладство, если бы не широкий обеденный стол, разделяющий противников, и сидящие вокруг ни в чём не повинные слуги. Причём, зная Марет и её сильные руки, привыкшие целыми днями тягать тяжёлые корзины с овощами и рубить баранью рульку одним ударом топора, прислуга испытывала определённые сомнения в том, что в случае драки победителем из неё вышел бы мужчина, пусть и более крупный.

– А я тебе глаголю – девчонка! – крикнула Марет, хватив полотенцем по столу так сильно, что подскочили стоящие рядом тарелки. – Ты подбородок ейный видал, нет? Он глаже

моей коленки. Ни единого тебе волосочичка. Где ж ты встречал такой у мальчишек?

– Так ежели ж Ихнее высочество не бреется ещё? – Бен потряс руками, призывая женщину прислушаться к голосу разума. – Откуда ж волосочичкам тем взяться-то, а, баба? Вот и гладкий той подбородок, как и у сына моего, вон! – он схватил за лицо сидящего рядом мальчишку лет тринадцати. – Но его ж ты девкой не зовёшь!

Мальчик вырвался из-под отцовской руки, грозно посмотрел на родителя и вернулся к обеденной похлёбке из чечевицы.

– Парень, парень, – поддакнул собутыльнику сидящий рядом Гурт, который буквально выкапывал ложкой из миски свой корм и пожирал, жирно причмокивая.

– Или вон бишь на Инто глянь, – Бен указал ложкой на сидящего напротив парнишку. – Подбородок, как воском натёртый, и тож парень. Инто, у тебя в штанах тычинка или пестик? Скажи этой тётке.

Мальчик в ответ на обращённый к нему бестактный вопрос посмотрел на Бена как на придурка.

– Глухой? – Гурт больно пнул сына под столом. – Тебя спрашивают. Ответить надоть, олух.

– Тебе ноги мешают? – зашипела на конюха Марет. – Буш пинаться, я тебе твои култышки нахрен повыдираю и в задницу тебе засуну!

Гурт хмыкнул, но сына пинать перестал.

– Дитя короля уж постарше нашего Инто побудет, – кухарка снова обратила лицо к Бену. – Чай, доспехи вон уже носит, а, значить, и бриться уже должен, коли парень, а не бредся. А значит, то девица!

– Леди Нила? – Бен обернулся к сидящей рядом женщине. – А вы тоже так рассуждаете? Может быть наша Ночная Гарпия девчонкой?

Женщина не услышала вопрос и продолжала молча жевать казавшуюся ей пресной еду. Малютка Има растерянно подняла на маму глазки. Бен с глупым видом ждал ответа.

– Нила? – зашептал палач. – Что думаешь? Хромоножка наша размалёванная – принц или принцесска?

– Не лезь, – одёрнула Бена Марет. – Ёйный муж в темнице, а ты, дурында, лезешь со своими глупостями.

– Так почти у всех мужья-то в темнице, кого король и его лупоглазые в масках скрутили после битвы, и што ж?

– Што ж, што ж! Говорю, не лезь!

– Но мне интересно.

– Я тебе и без того сейчас докажу, что Ихнее высочество – девица, – буркнула Марет.

– Ну, просвети меня, настырная ты женщина.

Марет положила арбузные груди на столешницу и нависла над тарелкой, приблизив лицо к не менее уверенному в силе своих доводов мужчине.

– А потому Дитя – девица, что пальцы ейные длинные и тонкие, как у принцессы Ясны. Сразу видно – девичьи. Во-

лосы золотом блестять и длинные, на вид, как шёлковые, как у королевы Иммеле, а глаза огромные, серые...

– Голубые, – поправил её Бен.

– ...И ресницы густые и длинные, до бровей. Как ни мажется энтой своей краской, как страховыдло, а видно. Где ж ты у мальчишек такие видал?

Кто-то из слуг согласно закивал, но под грозным взглядом палача поспешил вернуться к еде.

– Железный аргумент! – брызнул слюной Бен. – А там и видал, душечка, что везде. Дитя не в поле работает по уши в навозе, чтобы ручки пачкать, даже меч держит в толстой перчатке, как принцесса Вечера, упокой боги ейну душу, с чего б рукам тем грубеть? И волосы, между прочим, у любого паренька молодого будут такие, коли мыть их будет. И ресницы у нашего виночерпия такие же длинные. Фин?

– Что?

Бен жестом привлёк внимание скучающего над своей тарелкой юноши лет шестнадцати.

– А ну, глянь на меня.

Мальчик поднял глаза на Бена. Длинные, чёрные, на зависть девкам ресницы коснулись бровей.

– Вот! А ты говоришь. Такие же длинные, как у высочества. Как Беркана захотела, такие у них у обоих и повыврастали.

– Девица – Ихнее высочество, потому что Гарпией себя кличет, как ты не понимаешь понятных-то вещей? Стало

б ему вольно себя так звать, коли парень? Гарпии-то кто? Девки, которые забирают души убийц, воря и прочих извращенцев и тащат в лапах в Ледяную Бездну. Была б эта нечисть мужчинами, так звалась бы поиначе. Ночной Гарпий было бы тогда наше высочество. А она Ночная Гарпия – женского полу. Вот! А ещё Ихнее высочество девица, потому что стол, как самая вульгарная девка из Миртового дома, бедром подпирает. Ходит, как кошка, сидит нога на ногу, кубок держать, оттопырив мизинчик. Где ты парней с такими манерами-то видал?

– Ну и пусть Гарпия манерничает, как кокетка, ото ж мы парнишек таких на своём веку не видали! Ну и что?

– Конечно, видали. Конечно, видали, только вот по всем ним видно, что то выюноши, а тут совсем другое дело.

– Ну хорошо! – воскликнул Бен, порядком подуставший и разозлённый нежеланием кухарки сдаваться. – Хорошо, допустим, Ройс – девка. Но где ты встречала в Ангеноре девиц по имени Ройс? Не слышал я что-то, чтоб на Холодных островах были какие-то особливые имена.

– Дурень упёртый, вот не знаешь, так и помалкивай. На островах Ройс – не имя вообще, а прозвище. «Задира» это значит по-северному, так-то! А имя нашей Ройс – Рене! Я сама слыхала, как королева обозлилась, что доча обозвала прелата оч-ч-чень нехорошим словом, и окликнула её по имени! А на островах так, между прочим, каждую пятую девку звать. Усёк? Зовут Ихнее высочество Рене, а за острый

язык прозвали Ройс, а значит, то всё равно самая настоящая девка! Выкусил?

– Рене – мужское имя вообще-то, – довёл до сведения кухарки палач.

– Это в Ангеноре. А на островах-то всё по-другому. Жила я там с детства, уж лучше тебя знаю.

– «Уж лучше тебя знаю». Ихнее величество, если ты забыла, болезная, ангенорец по крови, – напомнил женщине оппонент, – так, может, он и назвал дитяню приёмную не по правилам острова, а по правилам родного Ангенору, а? Не думала?

– Тогда почему наша Ройс жмётся к слугам, а не к служанкам по углам, а? – кухарка ткнула в виночерпия поварёшкой. – Фин, вот скажи ты этому придурку!

Виночерпий загадочно улыбнулся и со знанием дела ответил:

– Девчонка это.

– Вот! – возликовала Марет. – Уж Фин-то в этом-то кое-что смыслит – уже всех девок во дворце перещупал. Уж кое-что у нашей Ройс наверняка заметил бы. Ну, Фин, видал ты её голой или нет? Говори!

Фин перестал жевать, будто заколебался, усомнившись в собственной уверенности:

– Скоро. Но что девка – зуб даю. Уж сколько мы по углам тем тискались...

– А вот и брешешь! – внезапно возразила личная служан-

ка Дитя Нелле, высунув мордочку из-за Инто. – Я вот точно вам выскажу, вот прям хоть душой мамкиной вам тут вот всем и поклянуся – Ихнее высочество той нисколечки ни девчонка. Вот нисколечки.

Все слуги вопросительно уставились на девушку. Нелле вдруг заулыбалась и, опустив глаза, зацарапала донышко своей плошки с похлёбкой.

– Так ты и тут поспела? – присвистнул Бен.

– Та мы так просто, ну, было пару раз, да и не так чтобы. Просто было, да то же несерьёзные были дела-то. Так, просто. Ну и мы... там всё просто было, вечером же ж, это же не возбранится.

– Чего? – ничего не понял Бен, как, впрочем, и все остальные.

– Ой, да ну тебя, глаза вылупил! – надула щёки покрасневшая, как редис, Нелле. – Залупай обратно – нечего. Глядит как сычник. Балакали мы-то пару раз. У высочества язык без костей – языком чесать ой как любит. Задыхается, а всё туда же – балаболит ещё как. Глуаса вусмерть затрындит, коль тот на пути евоном появица. Ну и мы балакали, делов-то?

– Делов-то, – усмехнулся Бен. – Знаем мы твои дела. Одно потом к Леди Полудня за настойкой «Детского плача» скачешь, аж пятки сверкают, чтобы не принести в подоле балаканье своё. Или тебе просто нравится вкус жжёного сахара, а?

Слуги засмеялись. Нелле закатила глаза.

– Ну, не было ничаво особливово между нами, говорю ж. Вот не было. Мне, что ль, врать надобно? Вот не надобно.

– Ну-ну.

– Ой, ну и было кое-што, – фыркнула служанка. – Но так то ж так. Просто.

– Чего уж тут хитрого? Вот и Фин подтвердит, что невелика наука-то. Ага?

– Так ты видала Дитя без штанов или нет? – допытывалась Марет.

– Ихнее высочество всегда супротивляеца, как мне надоть стянуть эти евонные доспехи перед тем, как оно спать уляжется, и бегит в другую комнату. Вчера вона поспрашивала, не хочет ли он повязку евоную эту на бедре сменить. Так он...

– Она, – пробурчала Марет.

– ...раскричался, развопился и повыгнал меня с покоев, швырнул кубком, всю забрызгал. Еле ноги вона поунесла.

– Стоп, – Бен вдруг выставил два указательных пальца по направлению к Нелле и Фину, – то есть никто из вас двоих не видел Дитя голым, но каждый из вас убеждён, что... что?

– Дитя фелуется, как тефчонка, – первым ответил Фин с набитым ртом.

– Как мальчонок, – опротестовала его уверенность Нелле. – И штоб ты вразумел, как мальчонок умелый. И руки евонные умелые, и уж как в ход их запустит...

– Так, без подробностей, – буркнул Бен.

– А как дело доходить до чего посурьёзнее, так бегит, – девушка, будто на что-то обидевшись, поджала губки. – Я уж и ванную ему, ну, этого, ну, того... принять вместе предлагаю вместо в одиночную, чтобы веселее. Так натаסקаю ему той воды, а он опять гонит, и сижу в коридоре, пока Ихнее высочество наплещется, да пообратно в доспехи той повлезет по самый подбородок, да лицо намажет этой евоной краской от волос да до кончика носа.

– Фин, ну а ты что скажешь? – маленькие и острые, как два гвоздя, глаза палача уставились на виночерпия. – Чево́й не добрался до нашей «принцессы»? Слышал, высочество с того дня, как король Осе бежал, обрета́ется у погреба с винными бочками. Неужто ни разу и не обжимал её, хмельную?

– А тогой, – передразнил виночерпий, деловито потерев шрам от ожога под мизинцем. – Дитя по вечерам заливает за воротник больше нашего Гурта, – согласился слуга. – Северное, южное вино – вливает в себя всё подряд, а потом надышится, как бишь королева Иммеле, настойкой снотворного маку, падает на кровать прямо в доспехах, будто в палатке среди лесу, да дрыхнет и трётся лицом о ейные подушки.

Дворцовые прачки вздохнули. Чернильные пятна на наволочках от краски, под густым слоем которой Дитя прятало своё лицо, отстирывались только после нескольких грубых стирок, из-за чего даже самый дорогой комплект постельного белья принцессы Вечеры быстро превратился в потёртые тряпки.

– А иной раз криком вопит, вещи кидает, бесится. Мать её за ногу! Но дайте мне ещё пару недель. Уж после коронации я вам точно скажу.

– И что ж, ты ни разу не раздел высочество, как оно засыпало? – поинтересовался Бен.

– А на кой? – ухмыльнулся Фин.

– А на той, что ты – это ты.

– Ну и что? Это наша Нелле у высочества трётся, будто у ней утробная горячка, а я парень терпеливой, вот высочество ко мне само и тянется, краснеет, как ей поулыбаюсь, уж не говорю о другом. Спорим, пальцем поманю после церемонии, так быстро Гарпия свои доспехи-то и снимет.

– Терпеливый и самоуверенный, – Бен вытащил из своего кубка с пивом мошку и вытер палец о штаны. – Но хоть тогда мы точно узнаем, высочество – парень, девка то ли вообще мужеблуд.

Фин поперхнулся.

– А ты что притих? – пытливый взгляд Бена перекинулся на алхимика короля.

Алмекий отвлёкся от травника, который всегда читал за обедом. Тёмно-рыжие кустистые брови вопросительно поползли вверх; впрочем, он был уверен, что от чтения его едва ли отвлекли ради чего-то стоящего внимания.

– Их высочество – парень или девчонка?

– Не имею ни малейшего понятия, – честно ответил алхимик и перевернул страницу.

– Ты живёшь при его величестве уже несколько лет и не знаешь? – не поверила Марет. – Как так-то?

– Всего два года, и всё это время их высочество не расставалось ни с доспехами, ни с краской. Вы предлагаете мне спросить королеву, какого пола её ребёнок?

– Да.

– Нет. И мне это и неважно.

– А нам важно.

– Тогда спросите сами. Нет? В таком случае смею предложить больше не поднимать этот вопрос. Данка, налей мне, пожалуйста, ещё вина.

Данка исполнила просьбу алхимика.

– Был бы Ройс девчонкой, – гнул своё палач, – уже бы давно переоделся из доспехов в платье. Так нет же, обрядился весь в железки, как к войне готовится. Парень и есть.

– Как главная Стрельцовых башен? – возразила Марет. – Та тоже всегда в латах.

– Вот не надо, – сощурился Бен. – Леди Хесанте часто носит платья, мне брат говорил, а он в Стрельцовых башнях служит уже десять лет. Тигрица Башен рядится в доспехи только от случая к случаю. Даже соблазнила старика. Пускал бы он на ней слюни, болтайся у неё между ног какая фи-тюлька? А даже если бы и постоянно их носила – ясно, что женщина, хоть и не красотка, как Еёное высочество Вечера. А тут даже лица не видать и голос такой, что так и так понимаю. Вот и вопросы.

– Вот ты пристал! – со злостью гаркнула Марет, всплеснув руками. – И лезет, и лезет! Тебе не всё равно, кто из нас прав?

– Нет, потому что прав я.

– Ох, раз такой умный, вот сам бы у неё... у него... у них бы и спросил!..

– А может, и спрошу!

– Спроси-спроси.

– Спрошу-спрошу!

– Вас что-то интересует? – в стороне двери раздался звонкий, как стёклышко, голос.

Слуги подняли головы и обернулись, застигнутые врасплох. На фоне подсвеченного факелами коридора, прислонившись к дверному косяку, объятые тёплым уютным светом, стояло диковинное создание с волнистыми золотыми волосами до плеч, облачённое в филигранно исполненные из тонких пластин доспехи из чёрнёного касарийского сплава со вставками из травлённой воском кожи, которые буквально обтягивали поджарое тело, как надёжный гибкий панцирь. Посередине чёрного неопрятного пятна вместо половины лица насмешливо сверкали большие, точь-в-точь как у королевы Иммеле, серые глаза.

– Не помешаю? – создание застенчиво улыбнулось. Впрочем, застенчивость эта сквозила какой-то странной двусмысленностью. Между верхних резцов мелькнула маленькая щербинка.

– Ваше высочество? – первой опомнилась Марет и попыталась встать.

– Нет-нет, не стоит, – Дитя изящным жестом запретило кухарке подниматься. – Я всего лишь хочу взять яблоко.

В грациозном жесте, которым их высочество призвало служанку сесть, девичья натура бастарда новой королевы была настолько очевидна всем присутствующим, что не нуждалась в каких-либо дополнительных доказательствах.

Фин одарил Нелле взглядом победителя.

– Ваше высочество, так вон там они, в углу. Я сейчас принесу.

– Я возьму, – Дитя снова остановило кухарку и, звякнув железными пластинами юбки, на манер кожаной у кирасиров, чуть прихрамывая, прошло к корзине, а подойдя, вдруг обернулось. Даже сквозь густую краску угадывались тонкие черты лица их высочества.

– Ну, что же вы? – мягкий, но в то же время чуть надтреснутый, не самый приятный голос отразился от грубых каменных стен кухни. – Не смущайте меня, – длинные тонкие пальцы с розовыми ноготками тронули пухлые, пересечённые наискосок шрамом губы и скользнули по нежному, лишённому какого-либо изъяна, подбородку. – Ешьте. Вы же голодны.

Их высочество достало из корзины самое большое сочное яблоко и, облокотившись бедром о стол для кастрюль, прижалось измазанным, чуть вздёрнутым носиком к ароматной

розовой коже с жадой, с которой любовник лънёт к шее возлюбленной.

– Марет, тебя же так зовут? – пресытившись сладким яблочным ароматом, Дитя снова обратилось к кухарке. – Приготовь сегодня яблочный пирог. Знаю, бабулька приказала готовить пироги из малины, но сделай это для меня. На Холодных островах совсем нет яблонь, представляешь? Одна рябина, малинник с ночной смородой, от которых меня уже выворачивает наизнанку. А от яблок пахнет солнцем. Я их люблю. А ещё говорят, это символ познания. Кто знает, может быть, я не яблоки люблю на самом деле, а хочу что-то познать? Или кого-то?

То, с какой женственностью Дитя держало фрукт и опиралось на стол, не оставляло никаких сомнений в том, что перед слугами стояла хрупкая девушка, из-за какого-то странного каприза облачившая себя в мужские железки. Однако едва сдерживаемая кроткая улыбка вкупе с весьма красноречивым откровенным взглядом шлюхи производили весьма двойственное впечатление, которое в свою очередь заставляло сидящих на кухне отводить взгляд от чумазого лица и смущённо ёрзать.

– Э-э-э, да, ваше высочество, сегодня же приготовлю, – пролепетала раскрасневшаяся до кончиков ушей кухарка, будто сбросив с себя путы какого-то любовного колдовства.

– Благодарю.

Дитя уже прошло к двери, как вдруг развернулось на каб-

лучках, сделало несколько шагов к общему обеденному столу и остановилось рядом с палачом.

– Так что ты хотел у меня спросить?

Глаза Дитя вдруг изменились. Насмешливое томное выражение за долю секунды сменилось на холод и даже враждебность.

– Да так... Ничего, – Бен почувствовал, как от обращённого на него пытливого взгляда у него пересохло во рту.

– Правда? Значит, мне послышалось?

– Наверное, тут эхо такое. Слышно, что болтают на другом конце замка...

– Неужели?

Стальные, как лезвие меча, глаза, не моргая, смотрели на слугу.

– Правда, ваше высочество. Честное слово.

В руке их высочества появилась выхваченная из печи черга.

– Вот как?

Секунда – и красный раскалённый железный конец впился в плечо сидевшего с самого края поварёнка. Зашипела обожжённая кожа, завоняло пригоревшим мясом. Слуги, как распуганные куры, бросились от стола врассыпную.

– Ай! Ай! – до хрипа надорвав связки, завопил поварёнок, пытаясь укрыться от огненного жала под столом, как вдруг Дитя схватило его за шиворот, выволокло из укрытия и прижало щекой к столешнице. Раскалённый железный ко-

нец прута впился мальчишке в шею.

– Ай!

– Он врёт? – Их высочество без особых усилий держало свою жертву, взирая на белых как мел слуг. – Ну? Мне долго ждать ответ?

– Ваше высочество! – закричала Данка. – Пожалуйста, не надо!

– Сядь, – приказало Дитя густым, как смола, голосом. – Простой вопрос – простой ответ. Учтите, у меня нет никаких дел до ночи.

Данка не села.

В воздухе дрожал, ввинчиваясь в мозг, пронзительный вопль ребёнка. От вонии сожжённой плоти Нелле согнулась пополам и вытошнила на пол всё содержимое желудка.

– Ваше высочество, ему же больно!

– Ему и должно быть больно, Данка, иначе пытки потеряли бы смысл, – кочерга отлипла от жертвы, вырвав с места ожога частицы опалённой кожи. – Так что он хотел спросить? – Дитя продолжало сжимать детскую шею. Поварёнок плакал и прижимал ручки к ожогу.

– Ничего... Ничего я... я не хотел у вас спрашивать! – испуганно лепетал палач, мгновенно растерявший наглость и прыть, глядя в холодные глаза бесполого создания. – Ничего! Ваше высочество, отпустите его, пожалуйста! Богами прошу!

– Точно?

Бен ощутил, что его сейчас стошнит от этого въедливого безжалостного взгляда.

– Точно!

– Уверен? В моих силах сделать ему и гораздо большее.

– Пожалуйста, хватит!

– Задай вопрос.

Бен схватил ртом воздух.

– Ну?

– Я бы спросил: кто вы? Какого полу? У вас... У вас интрижка с Финном и Нелле. Но Фин-то по девкам таскается, а Нелле не оторвать от мужиков...

– Что ж, в этом и весь смысл.

Рука Дитя разжалась. Мальчик, вереща, жалким затравленным комочком скатился на пол. Данка выскочила из-за лавки.

– Ваше высочество, ему надо помочь!

– Считаешь?

– Прошу.

Синие наглые глаза встретились с зелёными глазами Данки. Циничная усмешка скользнула по пересечённым шрамом губам. Дитя взяло с пола отброшенное яблоко, подбросило в воздух и сунуло кочергу обратно в печь.

– Помогай.

Данка опустилась на колени и, быстро оценив нанесённый ущерб, нашла в корзинке у той же печи какую-то тряпку, намочила в ведре с холодной водой и приложила к ожогам.

Дитя с ухмылкой наблюдало за её умелыми манипуляциями, как и за остальными, которые боялись пошевелиться.

Разительная перемена произошла прямо у них на глазах. То, как Дитя стояло, подперев спиной стену, ухмылка, взгляд, поворот головы – решительно всё говорило в пользу того, что перед ними самый настоящий юноша.

– Хм, а ты смелая, – всё тем же густым мужским голосом произнесло Дитя.

– Приходится, – ответила Данка, смачивая тряпку снова.

– Моя кузина Вечера тоже, говорят, была такой, пока один из касарийцев не перерезал ей горло до самого позвоночника и не бросил её труп в бездонную яму.

– Я знаю.

– Будь осторожна, – улыбнулось Дитя и, надкусив яблоко, подмигнуло Фину и исчезло в темноте пустого коридора.

Глава 3 Тихие залы Туренсворда

Корвен стоял рядом с тронном, у столика, где обычно покоилась альмандиновая корона, когда её не надевал король, и бережно протирал алые сверкающие зубцы. Его рёбра и позвоночник все ещё болели. Дубинки, которыми воины кадерхана избили хранителя ключей, когда тот бросился защищать свой замок от мародёрства северных головорезов и солдат Озёрного замка, были крепкими, а синяки и ушибы, оставленные ими, не прекращали саднить, но лишь в своей комнате Корвен позволял себе болезненно согнуться прежде, чем тяжело сесть на кровать и заплакать.

Всё изменилось с тех пор, как армия Туренсворда проиграла битву за корону. Ослепительно белый тронный зал, как и весь замок после демонстративного сожжения алых агдеборгов с чёрными бычьими головами прежних королей, всюду был завешан флагами из белого шёлка с алой лилией посередине. Статуи богов на площади Агерат, оскверняющие взор набожной леди Улисс, теперь закрывали плотные полотна, принцесса Ясна томила в своих покоях под охраной

нескольких Ловчих, а двуличные придворные, которые ранее сгибались до самого пола перед королём Осе и королевой Суаве, теперь в открытую очерняли беглого короля и память павшей в бою принцессы Вечеры. Будь Корвен моложе, он бы донёс до каждого своё негодование пощечиной, что ему вполне позволял его титул, но поскольку с каждым годом силы и ловкости у него оставалось всё меньше, он прибегал к мести менее открытой, но от этого не менее действенной, и подмешивал особенно желающим угодить новому королю дамам и их мужьям в еду слабительных трав, а то и вовсе помёт.

Вечера... Бедная девочка. Надо было видеть, с каким удовольствием те двое грязных касарийцев рассказывали, как перерезали побеждённой принцессе горло и бросили тело в Змеиную яму. Даже не самый лучший уровень знания им касарийского позволял камергеру ознакомиться с мерзкими подробностями.

– ...Она реветь, а я её – раз! – за косу как натянул. А она глаза как вытаращила, а я ножом её по шее да до самой кости. Кровь как брызнула, будто из коровы, а она захлёбывается, на меня смотрит. Мы её и пнули в яму ту, чтобы не глядела...

– ...Она ещё за траву пальцами хваталась...

– И бык её ещё так кряхтел: кхмп-кхмпкх...

– Смешно так упала!

– «Спасите, помогите!»

И хватались за горло, изображая предсмертные муки,

и хохотали, праздную расправу пинтами пива.

Да что уж теперь? Оставалось только и надеяться, что хотя бы боги не забыли о ней, и сейчас огонёк её души нашёл покой среди себе подобных и бродит по горным склонам в вечных поисках города Богов.

Как же пусто стало в Туренсворде... Сначала без задорного смеха принца Кирана, потом без шороха алой юбки любимого платья Вечеры, без прячущейся по углам и следящей за Влахосом Ясны, без всех... Туренсворд стал голым, осквернённым и чужим. Только корона у Корвена в руках будто вовсе не заметила перемен и продолжала сиять в ожидании официальной церемонии коронации.

Позади послышались тихие шаги.

– Корвен?

Это был Сальвадор Монтонари. Облачённая, подобно монаху, в скромные чёрные одежды худощавая фигура младшего брата графа Южных земель с момента их последней встречи стала заметно тоньше, даже в лице он несколько изменился – щёки побелели и впали, скулы заострились, придав его лицу ещё более хищное выражение. Красивые светлые глаза портили тёмные круги, по всей видимости, полученные хранителем казны после нескольких бессонных ночей. Только натёртые казначейские золотые монетки вместо пуговиц все так же блестели на его груди, как и прежде.

– Сальдо? – камергер обернулся. – Рад вас наконец-то видеть. Где вы были?

– Только что вернулся из Мраморной долины. Надо было решить дела в банке. Как вы? – спросил хранитель казны, голос его звучал так, будто его обладатель был сильно простужен.

– Бывало и лучше, – признался старик. – А вы неважно выглядите.

– И вы, – ответил королевский казначей.

– Стараниями псов самрата. – Хранитель ключей горько ухмыльнулся и вернулся к работе. – Никогда не думал, что когда-нибудь на собственной шкуре узнаю, что значит тяжёлая рука воинов кадерхана или сидеть в темнице на камне и соломе. Мечтал встретить смерть тихо, без единой сломанной кости. Видимо, у богов на сей счёт были другие планы. Спасибо, что похлопотали за меня.

– Это был мой долг.

– Всё хотел спросить, а вы как избежали моей участи? Вы же Монтонари. Меня кинули в темницу по понятной причине, но вы!.. Думал, вас-то первого выволокут на Агерат и повесят.

– В общем-то, так и было задумано. Не прояви я чудеса дипломатии, сейчас бы болтался на виселице, как желала леди Улисса. Благо толковые казначеи в Ангеноре наперечёт, и сэр Ричард оказался в этом более сведущ, чем его мать. К тому же на его решение ещё могло повлиять и то, что я на его глазах кинул в огонь половину бухгалтерских книг, где были записаны долги графов Ангенора перед короной,

что значило бы, что все счета канули бы в небытие, прояви Улисса больше иступлённой настойчивости.

Корвен усмехнулся.

– Вы действительно хитры, мой друг. И как же вы теперь будете взимать долги без бумаг? Благодаря феноменальной памяти на цифры и авторитету?

– Скорее благодаря копиям, о которых Абертону знать не обязательно.

– И вы снова меня удивили.

– Я рад, что с вами всё хорошо, – Сальвадор вдруг снова посерьёзней. – Я боялся не успеть.

– Неважно. В любом случае сейчас мы оба находимся в куда более выгодном положении, чем легат.

Мужчины вдруг замолчали. Корвен медленно полировал алый алмандиновый зубец.

– Всё-таки удивительная вещь – корона, – задумчиво произнес хранитель ключей, взглядевшись в отблеск на натёртой поверхности так, будто желал увидеть в отражении своё будущее. – Я сам видел – после того, как во время парада кирасиров король Осе упал, корона стукнулась об пол и закатилась за кресло. Королева Суаве...

– Ради всеобщего блага, мой друг, вам больше не следует называть их вот так, – учтиво предупредил седого камергера казначей.

– Вы правы. Привычка, – признал свою вину Корвен и показал пальцем на один из зубцов. – Так вот, я лично видел

на короне, прямо тут, трещину. Она шла отсюда сюда, через весь бок и была заметна даже при обычном освещении. Суаве отдала её ювелиру, чтобы он замаскировал её, если сможет, а чуть позже Дагмар вернул корону со словами, что не нашёл нигде никакой трещины. Разве такое возможно? Я стар, но не слеп. Она была, а теперь её нет.

Сальвадор взгляделся в место на короне, куда показывал камергер.

– Значит, ювелир соврал, – хранитель поджал губы, также не обнаружив повреждения, – и затёр её так, что она стала не видна глазу.

– В таком случае странно, что он не взял и оплату.

– Отнюдь. Дагмар весь трясся, как студень, от желания услужить Теабрану. Было бы странно услышать от него просьбу расплатиться, пусть и за полировку. Кстати, я слышал, вы тоже уже приняли присягу королю.

Умные глаза камергера погрузнели, что не ускользнуло от внимания хранителя казны.

– Да, как только меня выпустили из темницы. Выбор был прост: или остаться на своём месте под знаменем лилии, или плаха.

– В таком случае вы сделали правильный выбор.

– А чувствую себя предателем. Я и сына заставил преклонить колена, и его жену. А они не хотели – верили, что со дня на день ситуация изменится. Но Аннит только что родила, и я воззвал к её здравомыслию и заставил их обоих подумать

о сыне. Вы видели, что сделали со шлемом принцессы Вечеры? – глаза камергера вдруг наполнила какая-то особенная печаль. – С тем, в котором она вышла на поле битвы?

– Нет.

– Один из касарийцев, что её убил, пронёс его, ещё покрытый её кровью, по внутреннему двору на острие своего меча, а потом бросил его на землю возле конюшни и помогился в него, как в ночную вазу. Инто увидел это и бросился на него с воплями и кулаками – двое его оттаскивали, представляете? Если бы не Тонгейр, мальчишку бы обезглавили прямо там, не моргнув и глазом. А Инто потом забрал шлем и стал отмывать его в корыте с водой для коней. Я видел, как он плакал. Я уговорил короля поместить этот шлем в стеклянный ящик возле портрета принцессы в Красной галерее, как-никак она его племянница, но Петра приказала убрать картину вместе с изображениями Эдгара, Осе, Суаве, Ясны и Кирана. Их хотели сжечь, но я их выкрал.

– Да, Петра проявляет невиданную прыть в наведении в Туренсворде своих порядков.

– О да, она и её мать – удивительно инициативные женщины.

– Объясните мне, Корвен, кто они? – серое лицо казначея приобрело озадаченный вид. – Они, сэр Ричард, все эти люди? Признаться, я ничего не понимаю. Разве матерью Теабрана не была служанка из Озёрного замка, о которой говорил Осе? При чём тут лорды и леди Абертон? И почему

Петра называет Теабрана сыном? Что вообще происходит?

– Её светлость зовёт Теабрана так, потому что он её сын, – вздохнул Корвен. – Кор... Осе был ещё слишком мал, чтобы всё помнить. Потому лично мне понятно, почему всё, что произошло в Озёрном замке во время визита отца и брата, он помнил только со слов Эдгара, а позже его словам поверил и весь Ангенор.

– Не томите.

– Вы знаете, кто такой Герард Абертон?

– Разумеется. Я встречал его имя на страницах старой отчётности, но лично мы не виделись, он же давно умер, а Адельхейд в руинах, – признался Сальвадор. – Насколько мне известно, хозяин замка вёл достаточно закрытый образ жизни и никогда не появлялся при дворе короля.

– Да, граф предпочитал вести жизнь затворника и редко выезжал за пределы своих владений. За это его прозвали Граф-Невидимка. Бывало, раз в несколько лет вообще появлялись слухи о его кончине. Но граф Озёрного замка, единственный человек, знавший с отшельником, обычно спешил их развеять. А поскольку Герард исправно платил короне налоги, его жизнь или возможная смерть среди холмов и лесов не вызывали у придворных какого-то интереса. Его женой была уже известная вам леди Улисса. Я мало о ней слышал, и слухи о ней в основном противоречивые. Одни говорят, что её отец был кузеном хозяина замка Ферелит.

– Ну-ну.

– Вот именно. Другие утверждают, что её отец состоял в родстве с самим графом.

– Что ж, Пелегра бы это порадовало, – усмехнулся хранитель казны, памятуя об озабоченности эвдонского постула чистотой крови каждой из каст на своём острове.

– Лично я, мой друг, охотно верю в сплетню о кровосмешении. Я видел графа Абертона однажды... и, знаете, есть у них с леди Улиссой что-то общее.

– Неужели усы? – злобно пошутил казначей, не изменив скверного выражения лица.

– Скорее, то чудище, что прячется в них, – так же злобно ответил камергер. – Но так или иначе говорят, что это был брак по любви, какой бы смысл ни вкладывали сплетники в это слово. У них родилось двое детей.

– Надо понимать, это Ричард и Петра?

– Точно. Как я уже говорил, граф Озёрного замка был едва ли не единственным другом Герарда Абертона, и потому они иногда гостили друг у друга. Так, в день, когда король Эссебрид Золотой Щит пожаловал с визитом с семьёй к протектору Приграничья, граф Адельхейда тоже оказался там вместе с наследниками.

– А это уже интересно. Кажется, я начинаю понимать.

– Говорят, в то время Петра была весьма привлекательной особой, но вы же знаете, король бы и не посмотрел на уродину. Эссебрида даже не смутил слишком юный возраст девушки – тринадцать. Но, как бы там ни было, король и в этот

раз влюбился, как мальчишка, и, по слухам, стараниями леди Улисссы даже разорвал свой брак с королевой Эддрой.

– Разорвал? – переспросил Сальвадор.

– Говорят, король трижды отрёкся от своего брака с королевой Эддрой при свидетелях, графе Озёрного замка и Ричарде Абертоне, лишь бы иметь возможность разделить с юной Петрой своё ложе.

– Как удобно.

– И в тот же вечер, если верить словам Петры, они с королём Эссегридом связали себя узами брака, который скрепил местный архонт.

– И этому есть доказательства?

– Сэр Ричард обмолвился, что бумага о браке между королём и его сестрой находится в Озёрном замке на хранении у графа Корбела, который и выступил поручителем.

Казначей нахмурился.

– То есть, если это правда...

– Да, с точки зрения престолонаследования выходит, что король Эдгар, как и его брат, всё это время занимали трон незаконно именно в силу того, что брак с их матерью королём был расторгнут, а сами они признаны незаконнорождёнными. Если верить слухам, конечно же.

– Любопытно. А дальше?

– А дальше Петра забеременела и родила мальчика, названного Теабраном, которого, впрочем, король так и не успел увидеть. Эссегрид был на редкость влюбчив,

а также отличался умением остывать к предмету своего обожания быстрее, чем догорит спичка, и поэтому к моменту, когда Петра уже носила под сердцем ребёнка, живя в родном Адельхейде, король успел вернуться домой, покаяться перед королевой Эддрой и забыть о своём скоропостижном браке.

– Хм.

– Он даже уверял королеву, что во время бракосочетания был пьян и вообще околдован чародейкой, к которой часто заживала леди Улисса, и что «брак», как и его «развод», не имеет силы, и что подтверждение со слов так называемых свидетелей – пустышка. Говорил, что ему стыдно, валялся у королевы в ногах, уверяя, что из-за своего опрометчивого поступка начал больше пить и потерял сон. Королева ему поверила и простила, но от этого Золотой Щит, что для меня не было неожиданностью, меньше пить не стал. Даже наоборот, с тех пор его было трудно увидеть без бутылки, будто его и впрямь заколдовали. В общем, когда Петра Абертон родила, король уже допился до горячки, и к тому моменту, когда в Туренсворд прибыли новости о рождении его сына, он успел так налакаться, что во время попытки забраться под очередную юбку умер от разрыва сердца.

– Хотя бы это во всей истории похоже на правду.

– Само собой, Ричард Абертон провозгласил себя дядей наследника трона. Герард, кстати, говорят, был против, но всего через неделю после похорон короля скончался, упав с лошади во время охоты, так что Ричард на правах главы

Адельхейда мог творить что ему вздумается. А вздумалось ему ехать ко двору и требовать соблюдения правил престолонаследования, а именно провозгласить Петру королевой-регентом. Разумеется, король Эдгар его требование не удовлетворил. Тогда он был юным, но, несмотря на это, проявил лучшие черты характера Роксбургов, а именно быстро собрал кирасиров и, не обращая на призывы к дипломатии графа Озёрного замка, направился в Адельхейд, чтобы задушить в зародыше мысли наследника графа претендовать на престол для своего племянника. Конечно же, охотникам и крестьянам Приграничья с королевской армией было не тягаться, замок был сожжён, а Абертоны – изгнаны на Холодные острова, где и оказались вынуждены вести тихую жизнь до известного момента. Там Теабран вырос, женился на леди Иммеле, наследнице дома Блэйков, стал отцом и после гибели принца Кирана посмотрел в сторону Ангенора – надо полагать, не без помощи матушки.

– Что ж, теперь всё становится на свои места, – подытожил Сальвадор, приняв к сведению услышанное. – И даже нездоровый энтузиазм леди Улиссы. Попробуй проживи на островах среди собачьего холода и болот с её амбициями и самомнением.

– Не спорю, – согласился хранитель ключей. – Слышал от неё самой, что она так радовалась, узнав о смерти принца во время тавромахии, что назвала этот чудовищный случай воздаянием за своё незаконное изгнание и закатали пир

на всю округу вокруг Афенора. Если так пойдёт и дальше, боюсь, что скоро она может додуматься отдать приказ вынести из гробниц тела всех Роксбургов, протащить за ноги по городу и сбросить в Руну.

– Полагаю, на этот случай у вас уже есть план по спасению королевских останков?

– Разумеется, – Корвен многозначительно посмотрел на казначея. – К тому же её величество Иммеле весьма однозначно заявила, что никогда, ни в каком виде не поддержит глумление над трупами и пообещала мне всяческое в этом вопросе содействие.

– Да, королева достаточно благоразумна и мягкосердечна.

– И слаба – как в своём положении в семье, так и физически. Гарай и Алмекий постоянно готовят ей успокоительные настойки, без которых, представляете, бедняжка не может уснуть: настойки пиретрума от головной боли, настойка солнцелиста от тошноты и женского недомогания... Признаться, мне её даже жаль. Мне всё чаще кажется, что она единственный разумный человек среди всего их семейства. Сэр Виллем обмолвился, что в детстве у неё была ещё и болезнь лёгких, которую унаследовала... унаследовал... в общем, унаследовало их высочество.

– Почему вы говорите о принце Ройсе в среднем роде? – вопросительно приподнял бровь Сальдо.

– Не уверен, что их высочество мужского пола.

– Я слышал, что это юноша.

– Ну а я, что это девушка. Эксцентричная, мужеподобная – но девушка. Признаться, я пока не нашёл в себе смелости узнать у короля или королевы точнее. Платьев высочество не носит, как и камзолы, моется только самостоятельно, без слуг – загадка. Даже в покоях принцессы Вечеры напустило туману, надымив дурманными травами против своей болезни – Нелле всё время жалуется, что во время уборки там нечем дышать. И ведь липнет девочка к виночерпию, а в другой день целует Нелле в губы в промежутках между кубками вина. Кстати, о вине. Я слышал, вас повысили.

Казначей удручённо хмыкнул.

– Что считать повышением? Король назначил меня своим представителем на юге.

– О, Кантамбрия! – обрадовался хранитель ключей. – Родные земли. Но не вижу, чтобы вы были очень этому рады.

– Поводов для радости у меня меньше, чем для уныния. Если бы я хотел вернуться домой, уже был бы там. Но пока что король посылает меня в Шеной, я пересекусь с братом лишь раз, и то лишь по просьбе Четты.

– И что же теперь входит в ваши обязанности, извольте спросить?

– Помимо обязанностей хранителя казны? Заключение союза с Витторией- Ларой и принятие присяги графа Урбино.

Корвен иронично хмыкнул.

– Что ж, удачи.

– Это всё равно, что вогнать себе занозу под ноготь, – бледное лицо казначея приобрело кислое выражение. – Старик на редкость упрям. Слышал, недавно он написал письмо королю, где назвал его неприличным словом.

– Я тоже об этом слышал. Но можно повлиять на его старшего сына. Говорят, он гораздо сговорчивее отца.

– И более здравомыслящ. Чего не скажешь о его младшем отпрыске.

– Он всего лишь бастард, – отмахнулся камергер.

– В глазах всех, кроме его отца. Граф недавно официально признал его своим законным сыном, упомянул в завещании и даже отправил в Коллегию для обучения на должность хранителя казны.

– Надо же. Впрочем, мы же говорим о графе Урбино. Видимо, парень смыслён. Не каждый может учиться в Коллегии. Уж вам ли не знать.

– Да, но, насколько я знаю, ему не нравится там учиться, хотя от саботажа его и удерживает положение в обществе его отца и неоднозначная репутация матери. Впрочем, как я слышал, и у него случаются драки с однокурсниками. В свободное же от учебников по учёту время он грезит о карьере полководца, и даже придумал себе герб – два дерущихся ворона и надпись: «Лавры или Смерть», представляете?

– Мальчик – романтик. В его возрасте я тоже был таким, – грустно улыбнулся Корвен. – По всей вероятности, он весьма разочарован тем, что в Шеное нет ни одного вооружённого

конфликта?

– Это я скоро и узнаю. Я выезжаю через час.

– Так скоро? И не останетесь на коронацию?

– Полагаю, и без меня есть кому подать королю корону.

– Что же, тогда в добрый вам путь, мой друг, – Корвен бережно положил корону на бархатную подушку и протянул Сальдо руку для рукопожатия. – Мне будет не хватать ваших ферзевых эндшпилей. Желаю удачи на новой должности.

– И вам, мой друг.

Казначей крепко пожал жилистую руку, и они расстались.

Работа над портретом Улииссы на сегодня была закончена. Старшая леди Адельхейда осталась очень довольна тем, как придворный художник ей польстил, и то, что от этого лицо бабушки короля стало выглядеть намного моложе, чем у её собственной дочери, её ничуть не смутило, а скорее, к радости хозяйки портрета, даже послужило лишним поводом для лести услужливых придворных в адрес «красавицы».

В хорошем расположении духа Улиисса вместе с дочерью покинула зал, где работал художник, и отправилась в часовню при Туренсворде, чтобы провести остаток дня в фанатичных молитвах за справедливость, восторжествовавшую для её семьи.

Туренсворд, несмотря на наполненность алыми лилиями, Теабрану казался чужд и неблагосклонен. Красные цветы на полотнах напоминали ему, как и Иммеле, пятна крови на саванах, какими на Холодных островах накрывали рыба-

ков, которым не посчастливилось встретиться с барракудой. Мать же настояла, что этот символ единственно правильный для сына. Белым было полотно Адельхейда, а алые лилии росли у Афенора, и сочетание такого полотна и лилий она называла особенно символичным, будто для неё в нём соединялась память о родном доме и символ возвращения из изгнания, которое помогло ей вырастить настоящего короля.

– Да, ты совершенно права, – перебивал он мать при очередной попытке восславить своего сына и от всей души желал, чтобы она делала это пореже.

Вопреки тому, что он прожил в замке уже несколько недель, Теабран ещё путался в его коридорах и многочисленных лестницах, уходящих спиралью неизвестно откуда и неизвестно куда. Например, он мог пойти к себе в покои, а натыкался на двери, ведущие в башню Юрто; хотел найти комнаты своих детей, но попадал к матери или к Иммеле; а то и вовсе оказывался в таких закоулках, где не было ни души, будто сам замок противился его в нём присутствию и временами решал сгноить нового хозяина среди безлюдных мест, где не появлялись даже слуги.

Он со всей искренностью, на которую был способен, ненавидел придворных. Улисса прожужжала внуку все уши, что местные вельможи будут ему верными друзьями, потому что они сразу признали истинного наследника Эссегрида, но самого Теабрана тошнило от их фальшивых раболепных улыбок, за которыми трусливо прижимал хвост примитивный

страх за своё место при дворе и общее благополучие под крылом новой власти.

Теабран, в отличие от ослеплённой своим победоносным шествием к короне бабки, очень сомневался в том, что, случись переворот среди мятежных мелких графов Севера, эти придворные не отрекутся от него в течение пары секунд. Выгнать бы их всех, лишить титулов и прав – но тогда существовала довольно большая вероятность, что обиженные бывшие вассалы уж точно поднимут против короны восстание. Короля не покидало ощущение, что с тех пор как его нога ступила на порог Туренсворда, его безопасность зависела лишь от силы армии его дяди и Огненосцев, которые будут на его стороне, пока он потакает кардиналу, что вовсе не добавляло ему уверенности в завтрашнем дне.

Может быть, всё-таки внять требованиям Влахоса, начать пытки и выведать место расположения Грота, где прятался Осе, чтобы пресечь попытки бунта его сторонников на севере? А найди он его, что тогда? Спрятать его вместе с женой и дочкой в подвальных комнатах в попытке удержать мятежных графов? Или устроить показательный суд, казнь на Агерат? Иммеле бы его никогда за это не простила. Хотя что она смыслит в политических делах? Вот её отец, граф Холодных островов, бы это одобрил, будь он жив, но она... Как же он ненавидел жену, когда ей удавалось удержать его от решительного поступка, как ненавидел и мать, благодаря убедительным речам которой он их совершал!

Коридоры замка были настолько длинны и гадко освещены, что король невольно ускорял ход, будто ощущая, что его преследуют.

Завернув за угол, вместо тронного зала Теабран попал в очередной закуток и увидел ЕГО. ОН стоял у стены, полностью облачённый в доспехи. Тихий, недвижимый, словно мёртвая оболочка, внутри которой пряталась тёмная пустота и гуляло эхо мокрого подвала. Таких, как ОН, в замке находилось превеликое множество, и все они, солдатики Ричарда Абертона, настолько походили друг на друга, что в глазах постоянно терявшегося в коридорах короля никак не могли послужить ему полноценными ориентирами. Когда он проходил мимо них, они не шевелились; когда он спрашивал – они молчали. Может, и правда то были не люди, а пустые болванчики, как сплетничали в городе, шёпотом называя Ричарда Кукольником? Спина Теабрана покрывалась холодным липким потом от одной только мысли, что в движение этих Молчаливых приводит не жизненная искра, а немая воля Ричарда и невидимая колдовская сила. Иначе как объяснить, что ЭТИ реагировали на людей только по указке своего Кукольника, а в остальное время просто подпирали стены, как декоративные доспехи? Может быть, Иммеле была права и Ричард действительно... колдун? Вдруг её догадка, что под перчатками он прячет метку Чарны, правда?

– Проклятье! – выругался король и огляделся. Вокруг не было ни единого человека. Он вернулся назад до ближай-

шей развилки коридоров, где только что свернул, как оказалось, не в ту сторону, и выбрал другое направление. За очередным поворотом он, к своей великой радости, набрёл на какого-то мальчика из тех, что днём моют полы, и тот указал королю идти дальше и налево, потом прямо, вверх по лестнице и вправо.

– Там моя сестра, ваше величество. Там поверните налево и потом направо, обогните винтовую лестницу и снова вниз за поворот и чуть левее. Направо не ходите, хотя можно, но тогда нужно будет снова пойти левее и снова налево...

– А есть дорога попроще? – поинтересовался король, почувствовав, что всего одно слово слуги отделяет его от бешеного вопля.

Мальчик пожал плечами.

– Ясно.

Слуга поклонился и через секунду исчез за поворотом с такой скоростью, что король усомнился, был ли это человек, а не какой-нибудь призрак такого же заблудившегося, как и он.

Следуя указаниям странного слуги, Теабран свернул налево, пошёл прямо и поднялся по обнаруженной лестнице. Замешкался, свернул направо, налево, будь оно неладно! Направо или налево? Обернулся.

– Свят-тая Инициа! – воскликнул король, перепугавшись до седых волос.

У винтовой лестницы по стойке смирно, положив руку

на рукоять меча, стоял очередной солдат сэра Ричарда. Святая покровительница заблудших не отреагировала на визг короля, как не отреагировал и этот верный графу Адельхейда человек. Теабран взгляделся в блестящую, отмеченную запрещёнными рунами Тейт и Райтис маску, в зеркальной поверхности которой отражалось его собственное возмущённое лицо. Чёрные круглые глазницы, которые будто были двумя дырками, ведущими прямо в череп, смотрели на него в ответ с равнодушной тупой отрешённостью. По шее заскользил знакомый холодок. Король настороженно, как на пса без цепи и намордника, посмотрел на солдата.

– Ты не видел, тронный зал там? – Теабран указал по направлению коридора.

Ожидаемое им молчание. Король присмотрелся.

– Ты меня слышишь?

За маской не слышалось даже дыхания. Нет, ну точно кукла. Не потому ли дядя никогда не говорит, как под его командованием оказалась огромная армия вот таких вот одинаковых даже по росту молчаливых марионеток? Как, если не силами Чарны?

Теабрану стало не по себе от предположения, что эти маски вообще не отделяются от лиц или там под ними могут прятаться голые черепа.

– Эй?

На дне глазниц почудилось движение, как если бы в глубине дырок шевельнулись два пузатых червя. Теабран заспе-

шил от этого странного субъекта. Всё-таки надо уговорить дядю убрать этих мрачных постовых, которых тот расставил по всему Туренсворду.

Поблуждав по пустым коридорам, король скоро всё же нашёл нужное направление и с облегчением обнаружил себя в искомом тронном зале. Теабран мысленно прочертил сюда маршрут от своих покоев и пообещал никогда его не забыть или, по крайней мере, пройти несколько раз от двери до двери. Меньше всего ему хотелось опозориться, заплутав в коридорах, и опоздать на собственную коронацию.

Корона, бережно натёртая камергером и оставленная на подушке, ждала своего нового обладателя.

«Альмандиновая корона никогда не ранит того, кто достоин», – мать часто повторяла эти слова, словно заклинание, как и то, что у короля Эссегрида были шрамы на лбу, наверняка имеющиеся и у Эдгара, который, судя по портрету, прятал их под волосами.

– Король Жезлов – лживый король, – с презрением шептала она. – Вся его история строится на лжи и лицемерии. И у брата его были шрамы. А у тебя не будет – потому что ты тот, кто достоин этой короны.

Хотелось бы и ему разделять её убеждённость.

Сзади, постукивая дорогими набойками на бархатных туфлях высокопоставленных церковников, подошли. Это был прелат Севера и всюду следовавший за ним бесшумной тенью служка Акке, паренёк не старше пятнадцати, худень-

кий и хорошенький, как девочка, в задачу которого входило по большей части всюду носить за своим преподобным хозяином тяжёлый требник и с рабской покорностью выполнять все его поручения. Позади них, заложив руки за спину и с удивлением озираясь на помпезно нарядные стены, шёл сэр Виллем.

– К церемонии, как мне доложили, уже почти всё готово, – с заискивающей улыбкой произнёс монсеньор Буккапекки, оглядываясь на покрытые разноцветными солнечными бликами витражей стены. Маленькие рыбки глазки скользнули по выложенной самоцветами карте Ангенора за тронем и сузились. Язык по-змеиному лизнул сухие губы. – Ближе к церемонии привезут вина из Шеноя, а к пиру повара, которых нам предоставит сам кардинал, забьют нескольких самых крупных быков.

– Преподобный монсеньор, а вы уверены, что это так уж необходимо? – усомнился в правильности подбора блюд для праздничного меню сэр Виллем. – Моя дорогая супруга говорит, что к быкам в Ангеноре не относятся как к пище. Всё же это боевые животные, а не еда.

– Ох, тавромахия! – возвёл глаза к сводчатому потолку отец Симоне. – Развлечение пещерных людей. С началом новой эпохи ей в королевстве будет не место. Старые короли застряли во мраке, а новый приведёт Ангенор к просвещению.

– Поедая священных животных?

Прелат обернулся к королю:

– Ваше величество, вы ведь уже приняли решение относительно этого обряда? Я помню нашу с вами беседу накануне.

– Я ещё не решил, – ответил Теабран, тронув подлокотник трона. – Решу после коронации. Это не к спеху.

– Но как же, ваше величество? – оскорбился прелат, отступив назад и едва не сшибив своего безропотного служку. – Тавромахия – пережиток прошлого, который требует внимания короля, причём незамедлительно!

– Возможно, вы и правы, а возможно, и нет, – аккуратно заметил советник.

– Возможно? – серое лицо святого отца вытянулось. – Простите, но...

– Я лишь прошу вас проявить тактичность в этом вопросе, ваше величество, – деликатно воззвал к совести короля сэр Виллем. – Ангенор и тавромахия веками были неделимы. Поспешное решение может привести к бунту, особенно среди крестьян. Всё же обряд был у их детей единственным шансом получить привилегии и лучшую жизнь.

– Или умереть на потеху толпе, которая не умеет даже считать, – резко оборвал рассуждения конкурента Буккапекки. – Тем более с годами тех, кто хочет быть проткнутым рогами, становится всё меньше.

– Как и становится больше тех, кто поступает в армию церкви. Велика ли разница?

– Конечно же, велика, – задрожал в праведном негодова-

нии прелат. – Конечно же, велика! Армия церкви священна и не может сравниться с дикарями- язычниками на быках! Огненосцев благословил сам кардинал, их ведёт Бог!..

– Я лишь прошу ваше величество об аккуратности, она никогда не бывает ни к месту, иначе то, что произошло на прошлой неделе, покажется нам небольшой дракой на рынке.

– А что произошло? – спросил король. Его рука нерешительно застыла над алым зубцом.

– Не берите в голову, ваше величество, – поспешил отмахнуться отец Симоне. – Мелочь. Не стоит вашего внимания.

– Отчего же?

– Огненосцы по просьбе вашей матери и бабушки убрали с площади Агерат алтарь, – пояснил сэр Виллем, проигнорировав немой призыв священнослужителя заткнуться. – Горожане, которые пришли почтить своих богов, устроили потасовку, которая очень быстро обернулась пятью жертвами среди мирян.

– И мне не доложили?! – вспыхнул негодованием король, воззрясь на отца Симоне.

– Ваше величество, – прелат бесцеремонно оттеснил советника, что ему весьма спокойно дали сделать. – Это был всего лишь мелкий бунт, который длился меньше десяти минут. Ингемар всё решил.

– Ингемар – лишь глава одного из отрядов Огненосцев, а не судья.

– Зачинщики уже наказаны. Леди Улисса обо всём распорядилась, – серое прелатское лицо снова озарила ласковая улыбка угодника. – Конфликт исчерпан. Не всё ли равно?

– Тогда, может быть, мне следует уступить ей своё место во время коронации? Нет, мне не всё равно.

Прелат на секунду замялся, поняв, что сболтнул лишнее. Повисла неловкая пауза. Огромные, как площадки, глаза служки испуганно уставились на хозяина. Голова его невольно втянулась в плечи, будто гнев Буккапекки, очевидный для всех присутствующих, угрожал лично ему.

– Вы правы, – прелат склонил перед королём голову. – Этого больше не повторится.

– Очень хочется верить, – Теабран сел на трон. – Я надеюсь, сэр Виллем, за то время, что я живу в Туренсворде, в городе не произошло больше ничего, о чём мне не посчитали нужным сообщить?

– Насколько мне известно, нет, – уверил короля советник. – Но всё же я посмею напомнить вашему величеству, что вас воспитывал как ныне покойный предшественник нынешнего прелата, так и архонт Холодных островов, а потому, по моему личному мнению, вам следует проявлять деликатность по отношению к верящим в богов Норинат, иначе вы начнёте своё правление с религиозной войны.

– Её светлость Петра другого мнения, – рыбыи глаза священника вылупились на графа.

– Не сомневаюсь. Но на её месте я бы подумал не о своём

желании скорее самоутвердиться на троне, а о том, что едва ли будет разумно для этой цели распорядиться уничтожить алтарь, украсив его золотыми элементами собственные покои, и надеяться на понимание со стороны тех, кто ещё вчера совершал на нём свои подношения богам, – не сдавался сэр Виллем. – Вот скажите мне, какая была необходимость солдатам Озёрного замка убивать архонта?

– Это было необходимо, – ошетинился прелат. – Города противника нужно покорять, а не носиться с ним как с писаной торбой.

– Покорять нужно, никто не спорит, но зачем глумиться над трупами, отец Симоне? Насколько было необходимо вместе с Огненосцами тащить по городу тело старика и вешать за ноги с моста королевы Сегюр? А забираться по лестницам на статуи и мочиться оттуда на алтарь? А что солдаты сделали с Полудницами, вы слышали? Отловили, кого смогли, и заперли в Ласской башне. Там же заперли и женщин из разорённых днём позже Миртовых домов и теперь творят с ними не пойми что. Вы слышите их крики? Вы вообще хоть иногда выходите во двор?

– Неуместно, советник, называть потаскух женщинами, – не шевеля губами, прошипел прелат.

– Не будем придирааться к терминологии, монсеньор. Факт состоит в том, что в башне остаются запертыми десятки *женщин*, – подчеркнул сэр Виллем с заметным нажимом, – с которыми солдаты обращаются так, что уже трудно разобрать,

кто Полудница, а кто проститутка. И всех насилуют во имя Бога! И мы зовём себя цивилизованными людьми, ваше величество? Тогда кто же в таком случае вандалы?

– Уж лучше так, чем оставить Паденброг в руинах, – возмущение советника не возымело на священника никакого действия. – То, что этого не произошло, заслуга исключительно нового короля, а что до брэнной оболочки представительниц лживого культа... Что есть их страдания по сравнению с той болью, которую испытал святой Нимилий во время своей встречи с Великой Блудницей Малам? Благодаря ей они получили шанс на спасение, ибо только пройдя долиной лишений и страданий, человек может найти путь к Свету, – ощерился прелат и воззрился на Теабрана в ожидании того, что тот примет его сторону в ответ на неприкрытую лесть.

– То есть, по вашему мнению, эти изнасилованные, изуродованные девушки должны сказать своим насильникам спасибо? – сэр Виллем посмотрел на святого отца так, будто тот над ним издевался.

Глядя на со всех сторон опрятного и чистенького Симоне Буккапекки, чьей брэнной оболочке едва ли были знакомы лишения и страдания страшнее заусенцев на святых перстах, Теабран задумался.

– Я во всём разберусь, – пообещал он советнику. – А как были наказаны зачинщики той драки на площади? – произнёс король после недолгих раздумий. – Улисса, как я догадываюсь, от моего имени приказала их казнить?

– Нет, – ответил священник. – Пока каждый из них получил лишь по двадцать ударов палками. Сейчас они все находятся в темнице в ожидании ещё пятнадцати. Потом им за нападение на стражников отрежут языки.

– Отпустить, – решительно произнёс король.

– Прошу прощения, ваше величество, но наказание ещё приведено в исполнение не в полном объёме.

– Вы меня плохо расслышали?

Пауза.

– Нет.

– Тогда будьте любезны, передайте камергеру, пусть он сообщит о моём решении охране. Лично. Вас же это не затруднит? Вам же в радость нести страждущим благие вести?

Прелат похолодел и с превеликим трудом кивнул.

– Разумеется, – неприятное лицо озарила не менее неприятная улыбка. – Как вам будет угодно. – И, цокая набойками, прелат удалился.

Сэр Виллем и Теабран остались наедине. Теабран встал с трона и отдернул занавес, который отделял тронный зал от балкона, снизу поддерживаемого огромной бычьей головой. Снизу доносились звуки пилы и молота – шла какая-то работа. Вопили извозчики, о брусчатку стучали колёса, под балконом Корвен на кого-то ругался, смеялся ребёнок.

– Думаешь, я поступил правильно? – задумчиво произнёс король, глядя на шумный город внизу.

– В отношении наказанных? – уточнил советник. – Не со-

мневаюсь.

– Нет, в отношении того, что послушал чужого совета.

Сэр Виллем задумался, но лишь на мгновение.

– Думаю, что не стоит стыдиться быть милосердным.

– Может быть. Но впредь давай договоримся, что ты будешь давать мне советы без присутствия третьих лиц.

– Виноват, – Виллем покорно склонил голову перед правителем.

– Ты мой друг, – обернулся король и задёрнул занавес, – по этой причине я привёз тебя с Холодных островов. Мне нужен рядом кто-то в здравом уме и не ослеплённый амбициями.

– Кто-то, кроме её величества Иммеле?

– Моя жена ничего не смыслит в политике. Она как наседка – только и носится за нашими детьми, балует... а не балует, так истерит. Как же меня достали эти её истерики, если бы ты только знал. Говорила мне мать на ней не жениться, что у неё дурная кровь, что порченная, что мне найдут другую! А я... Мне рядом нужен вменяемый человек, понимаешь? А это ты.

– Я польщён, – поклонился Виллем. – Но я возьму на себя смелость с вами не согласиться. Болезни нашей королевы во многом вызваны её страхами, а причин бояться у неё более чем достаточно. Иммеле – умная, преданная вам женщина, лишённая чрезмерных амбиций и жажды к деньгам. Если вам необходим мой совет – вам нужно чаще к ней прислу-

шиваться. Пусть ею и движут больше эмоции, нежели разум, но разве вы взяли её в жены за умение размышлять о политике?

– Наверное, ты, как всегда, прав, – Теабран был вынужден признать очевидное.

– В таком случае я могу понадеяться уговорить вас внять просьбе жены в вопросе если не воспитания ваших детей, то хотя бы касательно Меланты Ээрдели?

Король нахмурился.

– При всём уважении, ваше величество, Ловчие закрыли ворота перед отступающими кирасирами, перебили лучников, с которыми до этого пили в одной таверне, Ловчие охраняют ваши покои и патрулируют город. Люди Влахоса защищают вас от любой опасности, кроме той, что может исходить от их хозяина. Не стоит забывать, кто он. Отдайте ему Меланту, без неё он может быть гораздо опаснее.

Теабран с шумом выдохнул через ноздри, оперев взгляд в носки сапог.

– Хотел бы я, чтобы всё было так просто, Виллем. Если хочешь знать, я уже сто раз пожалел, что взял в заложницы его жену. Думал, что прижал к ногтю обычного князька из захоlustья, который будет послушно следовать приказам, а разозлил настоящего отморозка. Ты слышал, что он сделал с отцом, чтобы получить корону Гирифора?

– Слышал.

– Ну и кто он после этого? Ты представляешь, что он мо-

жет выкинуть, получив то, что желает?

– А что он может выкинуть, этого не получив? Вы же понимаете, что у вас не получится сдерживать его вечно?

– Понимаю, – вздохнул король. – Понимаю. Сегодня я напишу письмо в Ровенну. Хочу узнать у Гастера Болта, что у них там происходит, и попросить его прислать в ответ письмо Меланты. Может быть, для начала этого Влахосу будет достаточно?

– Как знать?

– Только я могу попросить тебя об одном одолжении?

– Разумеется, ваше величество.

– Я знаю, что мама и Улисса проверяют мою почту, поэтому, когда я напишу в Гирифор письмо, отправь его, пожалуйста, с соколом сам. Если мои женщины узнают о записке, то начнут меня пилить, что я пошёл на поводу у Иммеле, а мне это сейчас вообще не надо.

– Ревность матерей к невесткам не такая уж и редкость. Я отправлю ваше письмо, можете не беспокоиться, – заверил король Виллем.

– Хорошо, – с облегчением вздохнул король. – Ты меня спас. Что же? Теперь самое время пойти помолиться, чтобы жена меня простила за ту сцену у портрета и пустила к себе на ложе.

– Разрешите небольшое замечание, ваше величество?

– Да.

– Бог далеко, а Иммеле всегда рядом с вами. Не проща

ли попросить жену о прощении лично, не уповая на милость незримых посредников?

– Моя Иммеле сейчас меня на версту к себе не подпустит, – вздохнул Теабран, прекрасно понимая свою вину. – Боюсь, в этот раз у меня не будет шансов без вмешательства высших сил.

– Иммеле всегда вас прощает, ваше величество.

– Ты сам знаешь, что далеко не всегда.

– Да, прошу прощения, те события... да, – прикусил язык советник, содрогнувшись от воспоминаний о самом страшном дне в семье нового короля, который разделил их жизнь на до и после. Будь он на месте Иммеле, он бы Теабрана тоже никогда не простил, но вслух сэр Виллем сказал другое: – Ужасно. Но именно поэтому вы, ваше величество, должны понимать: она мать, и она всегда будет защищать своих детей от малейшей опасности.

– А разве отец Симоне опасен? – засомневался король. – Он же всего лишь прелат, слуга кардинала, хоть и ушлый карьерист.

– Не могу знать, ваше величество. Но на вашем месте я бы не стал узнавать точнее при помощи своего ребёнка.

– Может быть, ты и прав, – король вытер лицо. – Считаешь, меня простят и в этот раз?

– Есть только один способ это узнать.

– Что ж, надеюсь, ты прав, Виллем... надеюсь, ты прав.

– Рад был вам помочь, – учтиво склонил голову Виллем.

– О, ради всех святых, и прекрати уже кланяться мне, когда мы наедине! Мне от этого не по себе.

– Боюсь, что вам придётся к этому привыкнуть.

Теабран удручённо вздохнул.

Глава 4 Змеиная королева

Ровенна до пожара была огромным замком с неисчислимым количеством высоких башен, теперь же от неё осталась только часть донжона, два вольверка и кусок обглоданной огнём вышки, служащей маяком. Всё это архитектурное богатство, по представлению Гастера Болта, если ранее и могло посоперничать размерами с Голой башней, то теперь запросто помещалось на её заднем дворе в качестве загона для домашней скотины. Собственно, гирифорцев в массе своей он таковыми и видел: маленьким, затравленным своими правителями послушным скотом, приготовленным Теабраном на заклятие.

Фамильное гнездо рода Ээрдели, даже судя по его останкам, было не самым изящным творением зодчих. Но весьма функциональным – если учесть, что стояло оно на Аяраке, самом высоком холме долины, и сутками билось насмерть с морозными ветрами, дующими с залива. Узкие, утопленные в толстых стенах, как прорези, окна, маленькие тяжёлые двери, невысокие потолки, тесные спиральные коридоры

вокруг грузного донжона — весь внешний вид и внутреннее убранство Ровенны были настолько компактны, что вызывали у привыкших к просторам валеворцев ассоциацию скорее с жутковатыми катакомбами, чем с замком правящего древнего рода. Впрочем, все, кто знал представителей семьи Эрдели, знал и то, что они всегда славились весьма своеобразным представлением об уюте.

Холм Аярак был густо покрыт можжевельновыми кустами, камнями и мхом. Мох рос повсюду: на почерневших от старого слоя сажи деревьях, под засохшими кустами, покрывал каменные мегалиты на берегу, полз вверх по покрытым оспинами обвалившейся штукатурки стенкам Ровенны, лепился к ступенькам и вымощенным касарийским чёрным мрамором дорожкам, пролез он даже в забитый мусором и листво́й фонтан во внутреннем дворе замка, где на самом верху обрубленного, как култыш, гранитного постамента шипели друг на друга две сплетённые в узел змеи.

Там, где не было мха, в неравной борьбе с благородными растениями отвоёвывали себе место самые живучие из существующих сорняки: ползучий выюн и гусиная лапка. Вдобавок не делало чести долине и то, что она с начала времён кишела ядовитыми змеями всех расцветок и размеров: от крошечного слепуна длиной с мизинец до огромных кобр, которые при желании могли заглотить целую кошку. Всё это вместе с пронизывающим ветром, частыми проливными дождями и скудным однообразием в еде создавало вокруг зам-

ка атмосферу общей заброшенности и крайнего недружелюбия.

Перевесившись через перила маленького балкончика бывших покоев князя Ээрдели, Гастер Болт, оставленный Теабраном в качестве зрителя, уже несколько минут с любопытством наблюдал, как одна из тварей с пёстрым жёлтым хвостом с погремушкой, подначиваемая лениво почёсывающим в паху помощником Гастера Мехедаром, неторопливо нарезала круги вокруг зазевавшегося дикого кота, ведя по воздуху раздвоенным языком. Глядя на то, как аспид всё больше сужает капкан вокруг будущей жертвы, зритель сломал зелёную веточку густо выющейся по стене актинидии и сунул её в рот. Меланта давно ему внушала, что сок этого растения унимает боль в желудке, которой Гастер мучился уже не первую неделю, и что ему пора бы уже перестать упрямиться и послушать совета, как сделали Веснушка, Мехедар и другие его люди, одолеваемые тем же недугом, иначе скоро он совсем потеряет сон и замучает себя до смерти. Но только сегодня боль старого воеводы стала настолько невыносимой, что он наконец решил внять совету гирифорской власти и попробовать это неизвестное на Валеворе лекарство.

– Эхх! – крикнул Болт, когда кислый сок, брызнувший в горло, заставил его скривиться пуще, чем проглоченная половина дикого лимонника, из которого его покойница-жена когда-то гнала питьё от похмелья. Гастер почувствовал, что

его вот-вот стошнит, и согнулся пополам.

– Только не выплюньте, – приподняв тонкую бровку, предостерегала его Меланта своим низким голоском с металлическими, как и у её мужа, нотками. – У здешнего вида актинидии неприятный вкус, но вы же не неженка, не так ли? Хотите, чтобы больше не болело, – придётся терпеть.

Всего через пару секунд Гастер с изумлением обнаружил, что боль в его растревоженной утробе стала заметно слабее, потом ещё слабее, а через минуту и вовсе прекратилась. Вовсе прекратилась. Во-
вода хмыкнул и покачал головой:

– Ишь, девка.

Он прожевал остатки ветки и выплюнул мякиш.

С залива дул пробирающий до костей ветер и тревожил на небе разноцветные всполохи света, которые колыхались в выси подобно многочисленным стайкам светящегося планктона, что каждую ночь выносило на берег внизу. Осень у залива Горящего Неба пахла тиной, мхом и грязью. Сегодня небо над вздымающейся пенистыми волнами водой горело не так ярко и дерзко, как накануне, но радужные переливы в облаках определённо предупреждали о грядущем катаклизме. Слуги из местных, что остались у бывшей хозяйки Ровенны, шептались, что розовые и жёлтые всполохи – это верная примета шторма. Гастер уже видал, какие Ровенна переживала шквальные ветры, когда у донжона срывало кровлю, а из окон со стороны залива выбивало всё стекла. Год назад во время одной такой бури одна из молний попала

прямиком в шпиль маяка, разбушевался пожар, из-за чего едва заживо не сгорело несколько охранников, а причинённый ущерб пришлось ликвидировать больше недели.

Но штормы в этих землях были не самой страшной напастью. Несчастную Ровенну постоянно терроризировали лезущие из долины ядовитые змеи. Порой их под ступеньками и лавками находилось больше, чем в ином замке крыс. Гастер ещё в первый год своего дозора в сердце Гирифора приучился к тому, что перед тем, как войти в тёмное помещение или выйти в коридор, нужно светить перед собой факелом – всякая нечисть пугалась яркого света и расползалась по щелям через мгновение.

А ведь Буккапекки ещё до нападения на Ровенну предупреждал, что местная земля кишмя кишит ползучими тварями, но к тому, что их будет так много, даже монсеньор оказался не готов. Напугалось святейшество тогда до такой степени, что приказало привести себя в выделенные ему покои только после того, как их трижды проверили солдаты, чтобы, не дай боже, какая змея не укусила святейшего отца за святейшую пятку. А покусали тогда много кого – каждый день с обрыва кидали не меньше десятка покойников – так хвостатые гады напоминали пришельцам, кто в Гирифоре настоящий владыка. Проредили в тот год местные змеи его людей очень сильно, даже жену не пощадили. Укусила её за палец маленькая красная змейка, и через два часа Гастер уже овдовел, а гирифорские бабы все как одна повторяли за властой:

– Наша земля не терпит чужаков.

– Можно подумать, что чья-то земля их когда-то терпела, – злился Гастер и с нетерпением ожидал своего возвращения на родные Холодные острова. Снежные, по половине года, покрытые ледяной коркой у берегов даже весной, суровые – те места казались ему более безопасными, чем обманчивые можжевельниковые поля Гирифора, где под каждым камнем или кустом прятался треклятый аспид.

Уж где-где, а на островах было выжить куда проще, когда знаешь, где дикая тварь прячется, и видишь её, не сокрытую высокой травой. На Валеворе что ни день, так с гор спускались дикие кабаны или из леса на их деревню шли медведи в поисках пищи – местные егеря сразу собирались всей гурьбой и били их топорами, а как забивали, так тушу на костер, а шкуру с костями на рынок или сразу в лавку девкам на побрякушки, а здесь только ходишь и слышишь, как то тут, то там шелестят невидимые змеиные погремушки, а из темноты повсюду глядят жёлтые глаза с узкими вертикальными зрачками. Не дыши, гляди под ноги – не наступил ли кому на длинный гибкий хвост, чтобы отправиться за это к праотцам. Ох уж и прыгучие бывали эти твари. Меланта одна их ловить умела: как они на хозяйку свою пасть разевали, ногой их голову придавит к земле – и на разделочную доску, потчевать своих охранников супом из ужей и гадюк, с которым даже похлёбка из горной рыси не шла ни в какое сравнение.

К слову, солдаты отряда, который Теабран оставил в Ро-

венне для охраны или, как выразился прелат Севера, «поддержания мирных отношений между нашими правителями», с первого дня пребывания в замке стали относиться к бывшей хозяйке как к самой настоящей служанке, каждый раз напоминая ей, по чьей вине она оказалась в столь незавидном положении пленницы. Гастер и сам этим грешил поначалу, почувствовав власть, не оспариваемую сверху какими-либо проверками, но позже, года через три, начал отучать и хамоватого Мехедара вести себя с хозяйкой Ровенны по-свински. Пожалуй, власть оказалась единственной гирифоркой, за которую воевода когда-либо вообще заступался.

Власть Гирифора вместе со служанками сейчас как раз сервировала внизу стол к обеду. Солдаты Гастера, как и все остальные, ели в тронном зале, который был хоть и мал, но достаточно вместителен, сам же Гастер предпочитал трапезничать в покоях хозяев Ровенны. Здесь, по его мнению, была самая уютная обстановка: всюду рысий мех, песцовые пушистые хвосты да змеиная кожа, и всегда горел большой камин в половину дальней стены, а большая супружеская кровать, отделённая от помещения тяжёлым бархатным балдахинном с эмблемой в виде золотой змеи, кусающей собственный хвост, и вовсе горячила его кровь воображаемыми сценами из жизни разлучённых супругов Ээрдели.

Меланта тоже ела с ним, но не потому, что хотела, а по личной просьбе зрителя, который нет-нет, но со временем начал испытывать к ней что-то похожее на симпатию,

в которой он бы никогда не признался без пыток.

– Кушать, пожалуйста! Готово! – раздалось где-то внизу.

Это кричала служанка Симза, которую все звали просто Сим, – сдобная такая девка, кровь с молоком, пышная и, по меркам Холодных островов, просто красавица. Портит впечатление о ней только то, что она была глупа как курица и зачастую вообще не понимала, что от неё хотят, хоть на пальцах объясняй, зато голос у неё был такой силы и густоты, что на её призыв о начале обеда сбегались все, и даже те, кто находился за пределами замка.

Гастер покинул балкон, где только что стал свидетелем удачного побега дикого кота от огромной змеюки, и подошёл к зеркалу, чтобы поправить мятые манжеты и воротник. На воротнике он заметил крошечное пятнышко от жёлтого сока актинидии, который, судя по всему, брызнул у него изо рта, и быстро затёр его пальцами. Незаметнее пятно от этой нехитрой манипуляции не стало, и Гастер досадливо махнул на него рукой, затем пригладил редкие седины и посмотрелся в зеркало ещё раз. Волосы грязноватые, на лбу огромные залысины, тёмные круги под глазами, впалые щёки уже неделю не видели бритвы. В своих глазах Гастер уже давно перестал быть мужчиной хоть куда, но, вопреки этому неприятному обстоятельству, Болт с присущей ему северной нескромностью считал себя всё ещё достаточно привлекательным и достойным внимания оставшейся без крепкого мужского плеча власти Гирифора.

Иолли и Мейра, личные служанки Меланты, вошли в покои.

Мейра, самая худая и высокая женщина, которую Гастер когда-либо видел в своей жизни, держала поднос с двумя пиалами – с супом из змеи для Гастера и похлёбкой из овощей для своей хозяйки, а Иолли, девочка лет пятнадцати с огромными оленьими глазами и крошечным ротиком в форме сердечка, несла корзину с выпечкой и винную бутылку с оплёткой. В корзинке на белом полотне лежала свежая надломленная булка, которая источала такой изумительный аромат, что у Гастера сразу засосало под ложечкой.

– Власта сейчас будет, сэр Болт, – сделала реверанс Иолли, поставив корзину и бутылку на круглый обеденный столик.

– Только расставит последние чашки... – Мейра без поклонов расставила на салфетке пиалы, – ...сэр.

Гастер знал, что помедлила она с обращением «сэр» специально. Эта дылда никогда не скрывала своей неприязни к велеворцам, бесцеремонно поселившимся в Ровенне, и неприязнь эта за последние годы окрепла настолько, что ею впору было заряжать пушки. Даже небольшие гостинцы, которыми Гастер на праздник Ллерион баловал взятых в плен женщин, не способствовали появлению хоть намёка на расположение этой гордой девицы.

Не то чтобы Гастер хотел впечатлить прислугу и заслужить её уважение, но ему в отличие от остальных охранников становилось весьма скверно на душе от того, что ка-

кая-то дочка кухарки смеет смотреть на него так, будто он должен ей денег.

— Отходить бы тебя плёткой, чтобы научилась уважению, — поначалу угрожал он Мейре, но угрозы его так и оставались угрозами, а позже и тех не осталось.

«Старый я стал уже воевать с прислугой, — пришёл к угрожающему выводу Болт. — Бог с ней, с дурындой», — и оставил попытки пойти на мировую с безродной гордячкой.

Гастер вытер руки о сюртук и сел за стол, но есть не начал, предпочтя, как обычно, дожждаться Меланту.

Власта Ровенны пришла совсем скоро, минуты через три. Дверь в покои отворилась будто сама собой, и очень тихо, как будто босиком, вошла миниатюрная женщина. На вид ей было едва ли больше двадцати, это говорило в пользу того, что замуж Меланта выходила вовсе не в восемнадцать, как было принято в Ангеноре или на островах, а гораздо раньше. Но сам Гастер слышал, что прабабка её была наполовину эллари, а коли так, поди разбери, сколько ей на самом деле лет: шестнадцать, тридцать или все сорок семь. Он до сих пор не решился у неё об этом спросить.

Фарфоровая кожа её была гладкой и лишённой какого-либо румянца. Небольшие, но очень выразительные глаза цвета зелёного оникса внимательно смотрели на Гастера. Когда она подошла ближе, из-за густой кудрявой тучи за окном выглянуло прохладное осеннее солнце. Яркие лучи скользнули в комнату, будто исследуя. Меланта кротко улыбнулась

и опустила глаза в пол. Чёрные блестящие волосы, забранные на затылке в мудрёный узел из толстых кос, вспыхнули на свету изумрудными лентами, а кожа приятно засветилась перламутровой белизной. Что-то, едва уловимое сходство, угадывалось в лице этой женщины с портретом её мужа, который висел здесь же, закрытый песцовой накидкой. То ли разрез глаз, то ли линия скул и подбородка – это было что-то едва заметное, но настолько очевидное, что вкупе с известными скромными размерами Гирифора и его закрытостью от внешнего мира порождало среди охранников Ровенны шутки о постулах Эвдона и их заразительном примере.

– Добрый день, сэр Болт, – Меланта поприветствовала Гастера на ангенорском, от души сдобренным жутком гирифорским акцентом, и поклонилась. – Я могу пройти?

Она сцепила руки на животе в замок и осталась стоять в ожидании ответа. Гастер собрался было встать, но в последний момент одёрнул себя, с глупым видом заёрзав на стуле.

– Да, конечно, Меланта, – ответил мужчина и жестом пригласил женщину к столу. – Заходите.

Прелат Севера, ещё когда наводил в Ровенне свои порядки сразу после захвата, строго-настрого запретил смотрителю звать эту женщину властью, поскольку положения своего она уже лишилась, но Гастер, которому его собственный титул, жалованный без году неделя, жал, как меньшие на два размера сапоги, отучился от этого только через полгода.

Меланта всё так же бесшумно прошла к столу и села. Её самые лучшие платья из шёлка были конфискованы в пользу казны нового ангенорского короля и, по слухам, пошли на рынок и выплату жалования Огненосцам, как и все найденные украшения, и потому Меланта сейчас менее всего походила на женщину, что совсем недавно правила долиной. Уже пять лет она надевала только платья из самой простой ткани, скромные, но носила их с таким достоинством, что ему могла позавидовать даже властная бабка нового короля, на которой, по мнению самого зрителя Ровенны, даже самый дорогой бархат или шёлк выглядел тряпкой, а самые дорогие колье или кольца были похожи на безвкусные побрякушки цыган.

Шею Меланты тонким кольцом оборачивала ажурная серебряная змейка с глазами из гирифорских изумрудов — единственное украшение, которое ей удалось уберечь от загребущих лап Улиссы Абертон.

Практически сразу вслед за ней в покои вбежал потный мальчишка лет пятнадцати. Звали его все Веснушкой, потому что на его круглом, как картофелина, носу торчало три рыжих пятнышка. Умом он особенно не блистал и редко мог выполнить какое-то сложное поручение, например, запрячь лошадей или помочь Симзе сцедить жир для мыла, зато он был добрым, как деревенский дурачок, шустрым, как таракан, и безотказным в плане перетащить что-то тяжёлое из одного конца Ровенны в другой, из-за чего даже скупая на ка-

кие-либо эмоции, кроме презрения, Мейра угощала его черникой.

– Смотрите, кого я поймал, – за пазухой у Веснушки торчала довольно хмурая, прибитая песком кошачья морда.

– Это дикий кот? – Гастер прищурил подслеповатые глаза.

– Кот, – кивнул мальчик. – Но он не дикий. Он добрый. Теперь он мой. Я назову его Уткой.

На губах Меланты показалось нечто похожее на улыбку.

– Почему Утка, дурень? – хмыкнул Болт, глядя, как сын вынимает из одежды животное, которое, судя по недовольному виду, совсем не испытывало желания становиться чьим-то домашним питомцем.

– Мя-я-я-у!

Едва оказавшись на воле, кот вдруг закрутился, завертелся в держащих его руках, растопырил лапы, закричал и, сделав немыслимый пируэт в воздухе, плюхнулся на пол, прижавшись к полусогнутым лапам.

– Ай! – Веснушка схватился за оцарапанный когтем палец. – Ах ты, дура!

Кот, поняв, что обращаются именно к нему, постоял с пару секунд, выгибая коромыслом спину, и бросился прочь из комнаты, только его и видели.

– Убежала твоя Утка, – буркнул Гастер. – Иди есть.

– Я не голодный, – ответил расстроенный неудачей Веснушка, выдавив из царапины капельку крови, но булку из принесённой корзины взял. Сел на сундук у окна и начал

жевать, обдумывая происшествие.

– Вас не было на завтраке, – заметил Гастер, обращаясь к Меланте. – Что-то случилось?

– Сим случайно обварила руку в котле, – ответила Меланта, беря надломленный ломоть булки. – Я её заменила во время готовки. Ожог ожогом, но пятьдесят ртов не привыкли ждать.

– Да, неблагодарное это дело – набивать бездонные желудки. Мои сжирают всё, как свиньи. Мебель сожрут, если приспичит. Идиотская велеворская привычка – всё подряд в рот тянуть, что гвоздями не приколочено, про запас. Надеюсь, мои проглоты вас не очень утомляют?

– Нет, – скромная улыбка снова скользнула по тонким розовым губкам, на которых Гастер задержал взгляд дольше, чем следовало вдовцу. – У меня хватает помощников. Иолли, Мейра всегда приходят на помощь. И Веснушка. Без них я бы не справилась.

Паренёк, услышав обращённую к нему похвалу, улыбнулся с набитым ртом, отчего его вид стал ещё более придурковатым. Власта тронула тремя пальцами подбородок и развернула их к мальчику, показав гирифорский знак симпатии и благосклонности.

Руки Меланты уже давно потеряли нежность и огрубели – эта женщина, лишённая своего положения, пять лет денно и ночью гнула спину ради оравы голодных солдат. Готовила, мыла посуду, убирала, стирала, драила полы щётками, смо-

ченными в жгучих щелочах, – и, что казалось Гастеру если не подозрительным, то удивительным, делала она это молча и даже с какой-то непонятной ему покорностью, будто вся её предыдущая жизнь сводилась к тому, чтобы в один прекрасный день потерять трон и стать прислугой для бывших охотников, пьянчуг и заключенных, коими и были люди в его подчинении.

Ели в тишине, как обычно. Только Веснушка что-то бормотал себе под нос, глотая булку кусками, как пёс. Меланта редко поднимала взгляд от тарелки. Но когда она это делала, глаза её словно загорались тёплым зелёным цветом в свете, струящемся из окна. Она очень аккуратно управлялась с ложкой от пиалы и подносила к губам, дуя на содержимое. Ломтик хлеба, который держал сэра Болт, задержался у его рта. Тёплая капля похлёбки скользнула по подбородку власты. Гастер, к стыду своему, отметил, что вспотел, как хряк, наблюдая, как Меланта вытирает её пальцем, и ценой огромных усилий заставил себя не пожирать взглядом миловидное перламутровое личико, а вернуться к еде.

– Как вы себя чувствуете? – Меланта отставила пиалу и взяла кубок с вином. – Как ваш желудок? Сим видела снаружи, как вы рвали ветку актинидии. Так вы вняли моему совету?

– А вот у меня уже ничего не болит! – перебил отца Веснушка, что-то изучая у себя на пуговице и даже не поняв, что обращались не к нему. – Спасибо.

Гастер прокряхтел и облизал ложку.

– Да, – ответил он, посмотрев в умные золотисто-зелёные глаза. – Признаюсь, был глуп, когда не послушал вас сразу. Ваше странное лекарство помогло мне унять боль за считанные секунды, а я, дурак, неделями мучился.

– Если хотите, чтобы боль не появлялась более, вам нужно меньше пить. Гирифорские вина не северные и тем более не южные – к ним мало кто привыкает, если не пьёт их с рождения. Всё дело в нашем мхе и можжевельнике. Из-за них у вас скоро появится язва.

– Угу, – кивнул Гастер, пригубив из кубка, – но ваши вина слишком хороши, чтобы от них отказаться. Скажите, Меланта, а отчего вы не торгуете ими с Ангенором? Они бы серьёзно потеснили вина из Приграничья, я считаю.

– Оттого, сэр Болт, что Гирифор – закрытое княжество, и мы планируем таковым и оставаться. Да, мы покупаем у соседей ткани и украшения, ведь у нас нет ни хлопковых, ни тем более шёлковых полей, как в Шеное, и Керестайские горы богаты разве что углём и железной рудой, а у замка Ду Шан добывают изумруды, но мой брат уже давно ими не торгует. Мы покупаем то, что нам нужно, а то, что мы производим, – только наше. Поэтому наши вина – только наши. Рада, что вам стало лучше.

– А я удивлён, что вы мне помогаете.

– Это необременительно.

– Ой, да можно подумать!..

От неожиданного окрика отца Веснушка выронил горбушку.

– Извините.

Меланта, как обычно, восприняла его эмоциональную вспышку с лебединым спокойствием.

– Прошу меня простить, это... это было грубо с моей стороны. Хотя и сущая правда. Власта, – Гастер не заметил, как по старой привычке обратился к женщине по титулу, – мы оба с вами знаем, что вы здесь находитесь в качестве заложницы, а не доброй хозяйки таверны, которая радуется любой возможности услужить дорогим гостям.

– Знаю.

– И только по воле Теабрана Роксбурга вы не пребываете сейчас в кандалах в одной из темниц.

– Только ли по его?

Гастер замолчал и пожевал губу.

– Сэр Болт?

– Ладно-ладно, – смотритель хватил рукой по столу. – Но всё равно это как-то странно. Где диверсии, попытки убежать?

– И скрыться от ваших солдат?

– Вы правы – это было бы глупо. Хотя не скрою, лично я рад, что, несмотря на всё происходящее и потуги моего, прости господи, помощника гнуть пальцы, мы с вами всё же не стали врагами.

– Не стали, – подтвердила Меланта.

Гастеру на мгновение почудилось, что в голосе её прозвучала ирония. Не она ли руководила похоронами матери и сестры своего мужа, которых убили кровожадные фанатики кардинала во время осады? Не она ли прокляла сэра Ричарда, наблюдая, как корчится в огне Ровенна? И теперь она согласна, что они с Гастером не враги?

Но в глазах Меланты не мелькнуло даже тени лицемерия или лжи.

– И, если совсем уж честно, я удивлён, – хмыкнул Гастер, почесав колючий подбородок. – Ладно муж ваш! Я бы ещё понял, если бы он сбежал из Паденброга, собрал остатки своей армии и пришёл за вами выносить двери, но почему ваш брат до сих пор не привёл к стенам Ровенны армию, чтобы вызволить вас? Вот где загадка.

– История семей Балаши и Ээрдели написана кровью обоих кланов, сэр Болт, и кончилась она перемирием. Но Хайсар, вопреки воле нашего покойного отца, как и наши предки, никогда не одобрял любые контакты с родом князей Гирифора. Слишком уж размыт и спорен ответ на вопрос, какому именно роду принадлежит право носить гирифорскую корону. Наши предки долго воевали за неё, но воля нашего миролюбивого отца распорядилась так, что пока это право признано за родом Ээрдели. Брат никогда не принимал его решение. Поэтому едва я взяла фамилию враждебного ему рода, он отрёкся от меня. Я и не ждала, что он придёт вызволять меня из плена. Я для него чужая.

– М-да, – Гастер поскрёб затылок, – печальное это обстоятельство. Напоминает мне грызню трёх богатых эвдонских семей за Источник. И все мы, к сожалению, знаем, как Ингрейн решила эту проблему, м-да...

– Но гирифорцы скорее выждут, пока на горизонте зажгутся погребальные огни над могилой врага, чем сделают то же, что сделала она. В этом мы отличаемся от южан – мы очень терпеливы.

– Это я уже понял. И чего же ждёт ваш брат, разрешите поинтересоваться?

– Я не знаю. Думаю, ничего. Или моей смерти от рук ваших солдат. Влахос в изгнании, его мать и сестра убиты, у нас нет детей. Моя смерть открыла бы Хайсару дорогу к короне. Но идти сюда биться с вашими солдатами за право утопить меня в колодце для него слишком трудозатратно, гораздо удобнее подождать.

– Надо посадить его голым на муравейник, – предложил Веснушка решение назревшей проблемы, которое было доступно его разуму, – или вылить ему на голову ночной горшок. Пусть утрётся.

– М-да, была б моя воля, – Болт вдруг подался вперёд, едва не макнув воротник в еду, и заговорил шёпотом заговорщика: – Была б моя воля, власточка, я бы собрал своих ребят и уплыл бы к себе на Валевор с первым же торговым судном. Вот. И в пекло корону! В пекло Теабрана и его сумасшедшую мамашку вместе с, задери его волки, прелатом! В кон-

це концов, на кой вас охранять, вот скажите на милость, а? Чтобы муженёк не выкобенивался? Ну, допустим. Но на кой тут несколько десятков солдат? По сравнению с армией вашего брата, если он всё-таки явится, это мелочь, а для охраны одной женщины не многовато ли? Чтобы интриги против короны не плела? Так тут двух-трёх достаточно. Да и что против короля может сделать такая женщина, как вы?

– Такая женщина, как я? – переспросила Меланта, и в голосе её прозвучала некоторая степень удивления.

– Ну, да. Юная, всеми покинутая, бедная...

– Возможно, я теперь и бедна, но совсем не покинута, – смущённо улыбнулась Меланта.

– Ой, – заёрничал Гастер, потешаясь над собеседницей. – Ой, да ваши сторонники – три клопа да пара гадюк. Ни брата, ни мужа, ни солдат.

– Зато у меня есть Сим, Иолли и Мейра.

Взрыв хохота Гастера Болта разогнал всех крыс в коридоре.

– Да уж, эта тройка целой армии кадерхана стоит, чего уж! Всех эти бабы ногтями зацарапают до смерти!

– И я совсем не юна.

– А сколько вам лет? Если не секрет, конечно. Вы, конечно, молоденькая, ну, всё же а вдруг?

– Замуж я вышла в пятнадцать. Эту змейку мой дорогой муж подарил мне на третью годовщину свадьбы, за неделю до того, как в Гирифор вторгся Ложный король.

Гастер задумался и принялся считать, загибая пальцы, но, сбившись со счёта, махнул рукой.

– Всё равно моложе моей самой старшей дочери. В пятнадцать, говорите, под венец пошли? – он ухмыльнулся. – А на островах девок замуж выдают до срока, коли терпачки нет у них скорее покувыркаться с кем-нибудь в хлеву. Неужто тоже не утерпели перед князем? Извините за откровенность.

Веснушка засмеялся.

Власта весьма снисходительно отнеслась к его насмешке.

– У нас не было выбора. Нас обвенчала Чарна.

Смех внезапно оборвался, будто его отрезали ножом.

– Да что вы говорите? – ни на секунду не поверил Гастер в откровенную, с точки зрения человека просвещённого, к каким он себя причислял, чушь. – Вот сама Чарна вырвалась из плена в Зачарованном лесу и обвенчала вас, как архонт?

– Да, – с убеждённостью, не приемлющей ни малейших сомнений, ответила Меланта.

– Ух и хороши же ваши гирифорские вина, – прогоготал смотритель Ровенны. – Вам бы тоже, Меланта, знать меру в употреблении!

Власта смиренно дала смотрителю время вдоволь повсмеивать её заявление, и когда он наконец закончил, закашлялся и поспешил смочить горло вином, спокойно ответила:

– Если вы во что-то не верите, это не значит, что это

неправда.

Где-то внизу заорал Мехедар, требуя ещё пива, и подкрепил своё требование матерщиной.

– Не сомневаюсь, – с всё той же иронией Гастер положил руку на грудь в знаке полного доверия. – Верю-верю, всё так и было. Сама богиня оторвалась от своих богических дел и пришла в Гирифор, чтобы обвенчать влюблённую парочку. Конечно.

– Вы практически угадали, сэр Болт, – кивнула Меланта. – Кроме одного. Мы с Влахосом не были влюблённой парой. Он вообще меня не замечал в то время.

Морщинистое лицо Гастера недоуменно вытянулось.

– И как, прошу меня простить, сын князя Ровенны вдруг женился на нелюбимой? Понаслушался рассказов о вашем муженьке, и что-то у меня не возникло ощущения, что его можно было что-то заставить сделать против воли.

– Да, у Влахоса была любимая. Не я.

– Тогда я вообще ничегошеньки не понимаю. На кой он обженился с вами?

– Потому что я об этом попросила Чарну.

– Вообще ничего не понимаю. Вы меня путаете.

– Всё просто, сэр Болт. Я знала, что Влахос будет моим мужем, с первого мгновения, как увидела. Это случилось, когда мы впервые встретились в Ровенне, куда нас с семьёй в качестве жеста примирения пригласил на празднование Лле-риона отец Влахоса, тогда ещё владыка Гирифора. Я знала,

что он есть моя судьба, — власта мило наклонила аккуратную головку. — Меня, правда, тогда он не заметил, мне было всего тринадцать. Его больше интересовала одна из фрейлин его матери Айрены. Она была взрослее, искушённее меня. Её уже давно здесь нет. Я очень нервничала, когда нас представляли друг другу, и когда Влахос ответил на мой учтивый поклон, я сказала ему, что мы поженимся, а он лишь рассмеялся и не воспринял мои слова всерьёз.

— И, как видно, напрасно.

— Я знала, что он мой, — власта взяла из пиалы куриное бёдрышко и начала его изящно глотать. — Даже когда он увёл ту фрейлину с бала за кулису в сторону опочивален, даже когда я отследила их и наблюдала, как они срывали друг с друга одежду прямо здесь, в этой комнате, я знала, что он мой. Я слышала, принц Гирифора обладал репутацией охочего за юбками, но с ней, с той девушкой, он вёл себя не так, как бабник. Что-то было в их глазах, когда они в ту ночь смотрели друг на друга. Это был взгляд не просто двух любовников, между ними было что-то большее, чем похоть. Но даже когда я слышала, как, лёжа в объятиях друг друга на полу, кто-то из них прошептал: «Люблю», а второй ответил: «И я», я знала, что Влахос всё равно будет со мной.

Гастер запыхтел, вгрызаясь зубами в булку, будто заедая удивление.

— Я не знала, что и как должно произойти, чтобы всё изменилось, — продолжала Меланта, оторвав двумя пальчика-

ми кусочек мяса от кости, – но моя уверенность в том, что он будет моим мужем, для меня была высечена на камне рукой богов. Вера в это моя была столь же сильна, как и чувство безысходности от того, что на пути свершения моей судьбы встала эта девка. В ту ночь я ушла в свои покои вся в слезах.

Но, на мою удачу, тогда же в замке Ээрдели гостила ведьма, которая назвалась именем Эйона. Придворные говорили, что она приبلудилась к Ээрдели из смытой во время последнего шторма Карарты незадолго до нашего приезда: в основном она лечила болезненную Айрену, которая была склонна к различного рода эпилептическим обморокам. Я совсем не помню её лица, помню только её глаза на фоне белой кожи – огромные и белые, как чешуя русалки.

– Эллари? Хм... – левый глаз Гастера хитро прищурился. – Помню, была у нас на острове одна такая, прелата нашего – хватать за руку! – и давай орать на него: «Блудливая ты вошь! Содомит!» и «Гореть тебе, гореть в пламени Хакона!» Эллари, что с них? Крикливая, ужас. Так он её на костер на площади у Голой башни и посадил, вот она визжала, и кто оказался прав? Вот и жжём их, как жгли, и жечь будем.

– Жгите, – зелёные глаза снова блеснули на свету. – Кто ж вам запрещает?

– Ну а дальше что?

– А дальше отец сказал, что его пугает эта странная женщина, и попросил поселить его в покоях подальше от неё. Влахос же тогда лишь усмехнулся и сказал, что ведьма живёт

в гостевом доме на берегу и не может зайти в замок, когда ей вздумается. Но когда праздничный шум стих и на Ровенну опустилась густая морозная ночь, я проснулась от тихого стука. Ни мать, ни отец, ни служанки – никто не проснулся. Я прошла к двери и открыла. На пороге стояла Эйона и смотрела на меня, безмолвно протягивая руку. Вопреки всему я её не испугалась и словно поняла, чего она от меня хочет. Я вложила руку в её руку, и она повела меня в темноту прочь из Ровенны, мимо стражи, которая нас не замечала, как если бы нас окутали невидимые чары. В замке было тихо, как в гробу, только змеи шелестели языками по углам. Колдунья из Карарты провела меня во двор к фонтану, тому, что сейчас разрушен, остановилась и сказала... Голос её был нечеловеческим, и говорила она не шевеля губами:

– Я знаю, что ты думала, глядя на него. Это возможно. Все возможно. Стоит лишь только захотеть. Ты любишь его?

Я робко сказала: «Да».

– Ты хочешь быть с ним?

– Да.

– Ты хочешь, чтобы он думал только о тебе?

Я уже открыла было рот, чтобы снова согласиться, как она остановила меня.

– Если согласишься, вас свяжут узы настолько крепкие, что разорвать их не сможет даже смерть. Все его мысли будут о тебе. Все его чувства будут подвластны тебе. Его любовь к тебе будет для него благословением и мукой. Насла-

ждением и болью. Проклятьем. И он не найдёт себе покоя, покуда вы будете в разлуке. Случись так – он украдёт, убьёт, но найдёт путь к тебе. Ты хочешь этого?

Я согласилась.

Тогда ведьма улыбнулась и достала из рукава три длинных чёрных волоса. Это были волосы моего Влахоса. Должно быть, она подняла их с пола, что был ему ложем с той шлюхой, когда они ушли. Эйона сказала мне протянуть руку и дала мне неглубокую чашу, приказав мне набрать воды из фонтана. Я набрала. Она положила волосы в чашу и что-то тихо зашептала. Помню, как чаша нагревалась, пока не стала горячей, будто её поставили на угли. Мне стало больно.

– Не опрокинь, – сказала ведьма. – Ради желанного нужно идти до конца.

И я не опрокинула чашу, хотя мне и было безумно больно. Видите шрам от ожога на моих ладонях?

Гастер пригляделся. Левая ладонь Меланты была немного неровной, как действительно от ожога, а ещё под кожей он заметил странный знак...

– Его я получила в ту самую ночь. Потом я увидела кровь. Ведьма достала откуда-то голубя и полоснула его ножом по горлу. Она призвала меня:

– Стой.

И я стояла, наблюдая, как корчится от боли вспоротая птица. Ведьма сдавила рану и выжала кровь в мою чашку. Кровь смешалась с водой и вдруг вспыхнула. Сначала алым,

потом синим пламенем, потом пламя потухло, а жидкость в чаше загустела.

– Теперь пей, – сказала ведьма, и я выпила. Было горько, хотелось выплюнуть каждый глоток и стошнить, но я удержалась. Когда я выпила последнюю каплю, всё вдруг исчезло. В воздухе, словно сквозь редящий туман, проступал только жемчужный полумесяц за узловатыми ветвями, а на фоне него в небе бесшумно висела тёмная фигура с множеством рук и глазами, сверкающими, как две кровавые звезды.

– Отныне и вовек, – услышала я тихий, как шёпот ветра, голос, – венчаю вас.

И я лишилась чувств. А утром ведьма из Карарты как сквозь землю провалилась... Вламос весь день был бледен и будто отстранён ото всех, не вышел ни на завтрак, ни на обед, не вышел и к ужину. Придворный лекарь сказал, что принц приболел, и прописал ему постельный режим. Таким я его и видела в последний раз прежде, чем мы с семьёй покинули Ровенну, – больным и растерянным. Прошло два года, Вламос так и не явился в Ду Шан просить моей руки, и я прокляла ту ведьму, что не сдержала обещания. Но в ночь на Ллерион, когда я спустилась к заливу загадать желание на падающие звёзды, я увидела его. Мой Вламос шёл ко мне пешком, опираясь на посох, как бродяга, как безымянный следопыт, ловец лесных животных. Десятки лиг, пешком. Увидя меня, он заплакал и без сил упал на колени – измождённый, серый, как от хвори. Оказалось, все эти годы вдали

от меня, как и обещала ведьма, он не мог найти себе места в Ровенне, его сердце рвалось за мной, но разум перечил, говоря, что мы не пара. Он метался, почти не спал, морил себя голодом и жил в аду, пока однажды, наконец, поддавшись странному наитию, не сбежал из замка и не отправился ко мне, влекомый тихим зовом, который направлял его сюда, показывая путь. Потом он увёз меня в Ровенну, и с тех пор мы больше не расставались вплоть до прихода Теабрана. Не могу сказать, что наша с ним жизнь была той, что описывают в сказках: безоблачной и тихой, полной любви. Влахос вспыльчив и порою даже жесток. Он никогда не вёл себя как примерный и заботливый муж, но мы были вместе и были по-своему счастливы. А однажды он признался, что только со мной его более не рвёт на части тот зуд где-то глубоко в груди, который мучил его каждый раз, когда мы находились в разлуке. Уезжая от меня, он не может спать, не может есть, ему плохо, и сердце рвётся обратно. Он назвал это чувство любовью, и это она. Я это знаю.

Гастер долго молчал, о чём-то глубоко задумавшись, о чём-то гнетущем и неприятном.

– Так вы, выходит, приворожили его, власта? Грех ведь.

– И что?

«Действительно», – подумал воевода.

– У нас вон тоже на островах девки на женихов ритуалы всякие приворотные проводили, привязывали их к себе всякими штучками, ворожили, а как они к ним присыхали так,

что не отдерёшь, и заливать свою любовь к женушкам горькой начинали, так гнали их от себя вилами, да не гнались они. Так и тянули с ними лямку, тыщу раз пожалев о магии.

Меланта оскорбилась неуместному сравнению.

– Глупые привороты деревенских баб тут ни при чём. Нас с Влахосом руками эллари обвенчала Чарна.

– А архонт? Архонт-то закрепил ваш союз потом – ну, чтобы по закону?

– В этом уже не было нужды.

– О! То есть по законам Гирифора и Ангенора вы не состоите в браке, получается?

– В Ровенне он был признан, у моих родителей выбора не было, раз дело касалось наследника долины, а что до Ангенора – нас не интересует, что думают чужаки.

– Выходит, ведьма из Карарты была единственным свидетелем вашего, так сказать... э... союза?

– Да.

– А что та фрейлина? Где она сейчас?

– Насколько мне известно, когда она узнала, что Влахос женился, она сунула руку в гнездо гадюк, а тело потом сбросили с обрыва.

Гастер откинулся в кресле, молча жуя губу.

– Я вижу, вы разочарованы.

– Нет, я скорее озадачен. Ведьмы, Чарна, привороты... Вот уж кого бы не заподозрил во всяком таком, так это вас.

– Это была наша с ним судьба.

– А если бы вы сказали Чарне «нет»?

– Но я сказала «да».

– Фу, нечисть! – содрогнулся Гастер. – Фу, эти ваши колдунства.

Продолжали есть молча под громкое сопение Веснушки, отскабливающего ногтем рукав от грязи.

– Да, всё хотел спросить, Меланта, – Гастер снова поймал себя на том, что рассматривает лицо сидящей напротив него женщины. – Почему вы никогда не называете своего мужа по имени? Только и слышу «влахос, влахос». Разве это имя?

– Нет, не имя, – согласилась Меланта. – Как и Веснушка.

– Ну, вот и я о том же. Только всем в Ровенне известно, что моего дурашку Ари зовут, а у вас даже на портрете в тронном зале внизу на табличке гравировка «Влахос и власта Гирифора», а это всё равно что написать «Король и королева». Где имена?

– Влахос и власта – не король и королева, – розовые губки снова растянулись в приятной улыбке. – Скорее князь и княгиня, но по статусу мы ровня королям, здесь вы правы.

– Ну, а звать-то вас всё ж таки как?

– Мы зовём друг друга по именам только в отсутствие посторонних, – власта развеяла надежды любопытного. – Мы в Гирифоре верим: кому принадлежит имя твоей души, тому принадлежит и твоя душа.

– Но нам-то вы своё имя сказали.

– Мне было сложно ответить отказом, когда Мехедар при-

жал меч к моему горлу.

– Стало быть, лично мне принадлежит и ваша душа, и души ваших служанок?

– Отнюдь, – кротко возразила власта. – Меланта – моё первое имя, как имена Иолли, Симзы и Мейры. Вторые имена, имена наших душ, мы оставили себе и нашим мужьям.

– О как. А вы хитры, – усмехнулся Гастер, осушив свой кубок залпом и занюхав его рукавом. – А как вообще? Скучаете по мужу?

Власта будто побледнела.

– Мы не виделись пять лет. Конечно же, скучаю.

Веснушка мечтательно вздохнул, заёрзав на сундуке.

Золотисто-зелёные глаза власты заблестели.

– С ним всё хорошо?

– Сегодня утром я получил письмо от его величества. Ваш муж жив и по-прежнему хочет видеть вас.

Меланта сделала два больших глотка вина.

– Понимаю. Это волнительно.

– Он приедет? Приедет сюда? – женщина с надеждой посмотрела на смотрителя.

– К сожалению, король не дал мне знать.

– Значит, нет.

Смотритель заметил, как дрожит её рука, которой она убрала за ухо прядь волос.

– Король написал, что ваш муж с нетерпением ждёт вашей встречи, и ещё разрешает вам написать ему пару строк.

Приятно, наверное, когда вас так любят, да? Вы же помните, на что он пошёл ради вас?

— Едва ли его поступок был сложным испытанием для его совести, вы же знаете, — тонкие пальцы сжали салфетку. — Не стоит его жалеть.

Впалые щёки Гастера стали ещё более впалыми, в глазах мелькнула тень непонимания.

— И... и вы любите его таким?

— Всем сердцем, — с безжалостной искренностью ответила женщина.

Гастер поморщился и прокряхтел:

— Что ж, это всё объясняет. А... А не боитесь, что он, ну... например, изменит вам? Сами сказали, влахос ваш тот ещё фрукт. За пять лет много воды утекло, пусть вас и связывают какие-то там колдовские узы.

— Я бы это поняла, — золотистые, как брюхо королевской кобры, глаза вспыхнули каким-то потусторонним светом. Гастер поймал себя на мысли, что не мыслит более, а просто любитесь этим красочным магическим переливом, как замороженный, и остался бы глазеть и дальше, если бы не порыв ветра, который ворвался в комнату, стукнув о стену тяжёлой створкой окна. Гастер тряхнул головой, сбрасывая странное наваждение.

— М... Кхм... — кашлянул он и опрокинул в себя остатки вина из кубка. — Уж и поняли бы? Хотите сказать, заберись он какой девке под юбку, вас бы это не потревожило?

Он засмеялся, но сразу прекратил, внезапно остановленный взглядом змеиных жёлтых глаз.

— Нет, — голос Меланты был тих, и вкрадчив, и болезненно нежен. — Во время нашего брака, — сказала она, тронув рукой змейку на шее, — у влахоса уже были любовницы, некоторые из них даже были мне подругами, но его ложе ни одна из них не грела долго. — Губы власты тронула совсем не добрая улыбка, от которой по спине Гастера побежали мурашки. — Chi-ennohar. Нас венчала Чарна, — Меланта едва заметно пожала плечиком. — Его душа — моя, а моя — его. А остальное неважно.

Глава 5 Король изгнанный

– Ай! Осторожнее, ну!

– А ты не вывёртывайся.

Кирасир что-то пробурчал и вернулся в исходное положение, предоставив второму закончить врачевальные процедуры.

Звали его Крайст. Во время побега короля он отбивался от Сеара и его шакалов Ловчих, давая своим людям время добраться до конюшни и уйти. На память об этом событии на его лице теперь заживал смазанный настойкой Халис уродливый порез, идущий через левую бровь и пересекающий нос точно посередине и всю правую щёку до челюсти. Сегодня на его теле появилась новая боевая отметина.

Бэйн, второй кирасир, крупный и лысый, размешал в пиалке резко пахнущую зелёную жижу из подорожника и ещё какой-то бурды, приготовленной девчонкой- травницей, и нанёс её пальцем на плечо своего командира.

– Да осторожнее же! – поморщился от боли в ранке Крайст.

– А вы, командир, в следующий раз бы лучше уворачивались.

– Чтобы королева попала подсвечником в короля?

– Так она и попала.

Сидящий на камне рядом с ними и натачивающий стрелы мальчишка засмеялся.

– Её бы к нам на плац, да? Вот была бы потеха. С расстояния в пять метров и метко прямо в... ладно, понял. Не смешно.

– Малой, – обратился к мальчишке четвёртый погонщик быков, отряхивая от воды кирасирский жезл, которым он недавно добил подстреленного оленя, чтобы не портить ксифосом шкуру.

– А?

– Тряпку неси.

– Понял.

Мальчик переступил узкий горный ручей, в котором охотник отмывал оружие, и протянул тому обрывок ткани.

Рядом с камнями на куске стёганого полотна лежала оленья туша, уже освежёванная и без несъедобной требухи. Печень, желудок и сердце были аккуратно завёрнуты отдельно.

– Эх, славное же будет жаркое, – залюбовался добычей Бэйн. Малой, подстреливший животное, и Даннигерд, так звали разделавшего добычу кирасира, дружно кивнули. – Сюда б ещё златоглавок в ручей и Миртовый дом за холмом, я б такой, что и не против тут остаться с нашими королевичи-

чами.

– Между прочим, – кисло заметил Даннигерд, управившись с оленем, – технически Осе уже не король, а Суаве не королева.

– Технически, – фыркнул Крайст. – Нет, Бэйн, слышал?

– Я те поговорю! – зловеще зашипел на умника Бэйн. – Осе король! Король, и всё тут! Технически ему, – и вперился в юношу таким выразительным взглядом, что у того не осталось никаких сомнений в том, что именно тот выражал. Абсолютно безволосая голова за секунду покрылась красными пятнами гнева.

– Он король, и всегда им будет. А тот ублюдок от его величества Пьяницы и ихней потаскушьеё служанки так и останется бастардом, который напялил на себя корону и возомнил, что может зваться Роксбургом!

– Именно что вовсе она не служанка, – хмыкнул Даннигерд, поигрывая на заслуженном отдыхе отражением заходящего солнца на широком лезвии ксифоса. – Сам, что ли, не читал письмо Корвена? Тебе ж прямо на темечко почтовый сокол его кинул. Не служанка она вовсе, а самая настоящая леди Аранских холмов, и в браке родила. Вот и думай, садится сыночек её на обсидиановый трон заслуженно или нет. Закон-то что на этот случай говорит, а?

– И где вас, таких умных, делают? – сдвинул косматые брови Крайст. – Если ты вспомнил о законе, Даннигерд, то давай посчитаем, сколько получается сыновей у Золотого

Щита, – Командир начал демонстративно загибать пальцы. – Эдгар – раз, Огасовар – два, Теабран – три. А как корона наследуется, если не от отца к сыну? Правильно, от брата к брату. Хорошо, положим, Теабран сын всё-таки законный. Но это не отменяет того факта, что Осе, прямой наследник Щита, ещё жив, факт развода короля никем толком не доказан, а значит, по упомянутому тобою закону корона принадлежит пока именно Осе, и никому другому.

Бейн многозначительно покивал в знак солидарности с командиром.

– Слышал бы тебя Согейр, – продолжал напирать Крайст на Даннигерда, – быстро бы отстегал, как осла, чтобы поучился уважению да попроще бы сделал своё красивое самодовольное личико.

Поборник чести короля и прав на престол зыркнул на огромную кучу тонких веток неподалеку под деревом, намекая, что совсем не прочь перенять некоторые методы воспитания своего легата и применить их к нерадивому подчинённому.

– Я ничего такого не сказал, – возмутился Даннигерд, испугавшись за целостность некоторых частей своего тела, и лицо его действительно стало попроще.

– Вот и заткнулся, – буркнул Бэйн. – Ишь! Ну, а ты чего молчишь? – колючие глаза пристально, будто их хозяин ожидал услышать только правильный ответ, уставились на Малого, замершего от неожиданности на мгновение и пе-

реставшего точить наконечник стрелы, ярко-оранжевые перья лучехвоста на конце которой горели, как огонь от свечи. Его бык, Луч, который лежал у ноги хозяина и отгонял ухом назойливую муху, заинтересованно поднял голову. – Что притих, Малой? Тоже скажешь, что Ложный король теперь на троне по праву?

Малой отрицательно и горячо повертел головой и вернулся к наконечнику, который уже был настолько острым, что мог разрезать сталь, не говоря уже о коже животного. Луч, не дождавшись спора между своим хозяином и его начальником, моргнул и отвернулся от скучных людей.

– Вот, – добивался справедливости Бэйн, поучая невежду. – Даже Малой понимает, что к чему, а самому только вчера Вальдарих клеймо на загривке поставил.

– Что значит «даже»? – обиделся юноша.

Красивые губы Даннигерда презрительно скривились.

– Ты теперь до конца жизни будешь меня пилить, как баба? – огрызнулся он на старшего.

– Если понадобится, то да, – огрызнулся в ответ Бэйн. – Ты клятву верности дал, напомнить? «Мы верны нашему королю Огасовару всегда и во всём! Перед лицом триумфа и краха, в упадке и в возрождении. Наше сердце с вами, наша отвага с вами, наши мечи с вами. Сталью и кровью – мы ваша армия, мы – кирасиры. Кирасиры нашего короля. С нами сила, с нами слава и Закон!» Сам громче всех тогда кричал эти слова на Агерат во время парада, аж надорвался от натуги.

– Кто-кто из нас надрывался? На себя погляди. Аж красный от злости. Сердечко не прихватит? И не надо на меня так смотреть. Кирасиров больше нет – уничтожены. И ни ты, ни Крайст мне больше не начальники.

– Ты совсем охренел?! – вскочил с места Бэйн, швырнув в наглеца пиалу с лечебными травами, но, к стыду своему, промахнулся. – Да я тебе бошку оторву, щенок!

– Бэйн, сядь, – попытался успокоить его Крайст. – Это приказ.

Бэйн сел.

– Нет, Крайст, ты его слышал?

– Слышал. Успокойся. Даннигерд прав.

– Но...

– Бэйн. Я тебя прошу.

Кирасир замолчал.

– Даннигерд прав, – продолжил Крайст, поднимаясь. – В Грот вместе с королём бежало три десятка солдат, а осталось всего четверо. Если Теабран явится сюда, а такое возможно, если Согейр заговорит, то явится он не с парой солдат для захвата, а минимум с целым отрядом, которому мы, без всяких сомнений, проиграем. Поэтому сейчас нам важно – Бэйн, помолчи – важно просто держаться вместе. Сейчас не играют никакой роли ни то, какие у нас с вами звания, ни то, кто кому подчиняется и сколько у каждого из нас зарубок на щитах после встречи с баладжерами, – если сюда придут солдаты Ложного короля, скорее всего, мы все с ва-

ми тут просто умрём. И потому мне меньше всего хотелось бы собачиться с теми, с кем меня потом скинут в одну безымянную могилу.

– Вот именно что. Мы тут все с вами сейчас самоубийцы! – поддержал мрачный прогноз Даннигерд. – Нас тут всех перебьют, как мух, за Кровавого короля, а я хочу жить!

– Даёшь клятву кирасира – будь добр готовиться сдохнуть в бою, – буркнул Бэйн. – Или ты думал, кирасирские шмотки нам даются, чтобы девок кадрить? Раз охота тебе жить, сидел бы и дальше в своей дыре в Речных городах, ублюдков плодил с дочкой местного торгаша. Так нет – славы тебе захотелось, почёта! Не бывает такого у кирасиров, не бывает никогда. Только девки вдоль дороги смотрят, как на богов, цветы бросают с придыханием, а потом мы подышаем, как и все, – только имя на табличке, да остальные потом травят байки у костра о наших вроде как подвигах в Вильхейме. Мы – кирасиры, мы живём так!..

Внезапно неподалёку послышался знакомый, но от этого не менее пугающий звук, похожий на смесь гортанного рыка огромной кошки и рёва медведя, который мгновенно прервал дискуссию.

Бэйн прекратил чесать подбородок. Малой замер, наблюдая за происходящим. Повисла тишина. Было слышно только, как ветер свищет между скалами. Солнце лениво и будто с протяжным скрежетом клонилось к склону Даэнмара.

Шорох.

Кирасиры одновременно обернулись в сторону альмионов, которые густо росли неподалеку, между двух скал, где воины обычно расставляли силки. Рык повторился, но уже как будто ближе. Луч вскочил на ноги, повёл носом по воздуху и выставил в сторону леса рога. Крайст почувствовал, как становятся дыбом волосы на его шее.

– Так... – медленно протянул он сквозь зубы, не сводя глаз с места между деревьев, где будто бы промелькнула быстрая тень. – Малой, Бэйн, быстро оленя на быка и пошли. Ещё не хватало чудище Мериана тушкой раздражить. Это ж оно кровь почуяло. Даннигерд – хорош столбом стоять. Кулёк с требухой на камень – да, сюда. Пусть эта тварь лучше её жрёт, чем наши ляжки. Быстро, назад.

Кирасиры послушно собрали добычу и поспешили в Грот. У несведущих лиц, слышавших слова «замок Грот», безусловно, возникали фантазии об огромном дворце чёрного камня, который прятался в недрах Перламутровых гор. О могучей угрюмой твердыне с большими башнями, покатыми каменными крышами и толстыми стенами, которые невозможно было пробить ни одним тараном или пушкой, способной разнести в щепки даже Ворота Мира, и окнами-стрельницами, презрительно взирающими на мрачный неприступный ландшафт Даэнмара. Но в реальности всё обстояло иначе. Собственно, только представление об общей угрюмости этого сооружения и толщине его стен и было истинной правдой – стены Грота имели такую невозможную

с точки зрения обывателя толщину, что если бы пришлось выдолбить любую из них, то там, внутри стены, запросто бы уместилось новое помещение, например, общая комната или спальня для нескольких человек.

Реальный Грот был самым крошечным замком из тех, что когда-либо существовал в мире. Состоял он всего из нескольких жилых комнат, соединённых между собой длинными узкими проходами, одной кухни и одной уборной, что всё вместе больше напоминало полуобжитую пещеру с трещинами вместо окон, чем настоящий замок.

Грот притаился невидимкой в горах, буквально втиснувшись между круч в закутке к северо-западу от Рогов Саттелит под холмом Даэнмар – там, куда здравомыслящий путник и не подумает пойти, опасаясь наткнуться на волков или, ещё хуже, заплутать в лабиринте ненадёжных тропинок из сыпучих камней. Большинство этих дорожек были так же капризны, как и знаменитые своим коварством тропы в долине Королей, которые в самый неподходящий момент подводили мародёров и лишённых какого-либо ума странников; были они витиеваты и узки, вплоть до того, что на них едва могли разойтись два коня, а также извилисты, и грозились осыпаться в пропасть, упади на них хотя бы крошечное пёрышко. Но среди этого клубка опасных дорожек была одна, незаметная тропа, что вела именно туда, где пряталось тайное убежище королей.

Была она такая же неудобная, поросшая травой и ядо-

витыми грибами, и практически ничем не отличимая от остальных, кроме одной детали, которую мог разглядеть только тот, кто знал, куда смотреть, — остальным же искателям Грота судьбой было предначертано бесследно затеряться на дне каменной пропасти, поросшей мхом, сучковатыми альмионами и лишайником.

Замок в скале в настолько труднодоступном месте приказал высечь король Эссегеретт Роксбург, прозванный за бельмо на глазу Серебряным Глазом. После того, как ему донесли о подавленном с трудом бунте эвдонских дааримов против тогдашнего постула, наследник Ардо II Терпеливого понял, что короли не так уж неуязвимы, как ему казалось, и трон под ним может весьма ощутимо зашататься в любой момент. И хотя самому ему прятаться среди неудобных скал так и не пришлось, как и практически всем его потомкам, всё же он настоял на том, чтобы всеми, кто был связан с Гротом, соблюдались два главных условия для обеспечения безопасности этого места.

В первую очередь это касалось того, что о местоположении убежища должно было знать ограниченное количество людей, а именно трое: король, королева и легат Королевских кирасиров. Для этого информация о местонахождении тайного замка передавалась от легата к легату, из уст в уста, и когда проходила церемония коронации очередного Роксбурга, новоиспечённый король с королевой, не сообщая придворным, отправлялись в Грот вместе с легатом через один

из тайных ходов Туренсворда, где предводитель армии, стоя у входа на колене перед своим новым владыкой, приносил клятву, что даже под пытками не скажет, где находится замок.

Этот незатейливый ритуал служил частью коронации, а также помогал участником ангенорского таинства соблюсти и второе правило безопасности, а именно избежать записи правильного пути и описания ориентиров на какой-либо карте, которая могла попасть в неправильные руки.

В Гроуте, как обычно, было темно и мрачно. Давящую тишину горной утробы нарушало только привычное журчание ручья, который брал своё начало в источнике под землёй, а жуткую темноту жилых помещений и ещё более жуткий мрак тоннелей между ними разбавляли грустные зажжённые свечи в настенных захватах.

Тягостную духоту пропитал запах сырости, мокрого камня, костра и обеда из окуней. По пещерам гуляло тихое эхо плача Суаве, который, по представлениям охранявших королевскую чету кирасиров, с каждым днём все больше походил на вой заплутавшего в недрах гор привидения.

Кухня, к которой из прихожей вели вырезанные в камне крутые ступени, была достаточно просторной, чтобы служить общей комнатой. Она вмещала в себя большой обеденный стол по центру; несколько стульев, расставленных по периметру; другой небольшой стол, служивший письменным; скромный камин с вертелом и чаном, дым из которого стре-

мился вырваться наружу через крохотное окошко под потолком, прикрытое снаружи ветками альмиона; довольно вместительный, забитый книгами в жирных переплётках шкаф; три резных кресла с набивкой из гусиного пера и пуха; gobelen, изображающий легендарный пожар в замке Туманная Высота; и небольшой алтарь с ликами богов, за которым ухаживал Осе и который полностью игнорировала Суаве.

Король сидел в кресле и с помощью ножика, который ему дал Бэйн, вырезал из ветки альмиона очередного дракона или лошадь — он сам пока не понимал, что у него получится в итоге. Рыжеющая в свете огня борода, ранее ухоженная и подстриженная, отросла и загустела, глаза, грустные и усталые, впали, как и щёки, отчего знаменитые на весь Ангенор скулы Роксбургов ещё больше заострились, а одежда, совсем недавно бывшая королю по размеру, висела на нём как мешок. У его ног на подушке из стружек и кусочков коры дремала, раздувая опилки, приبلудившаяся невесть откуда пару недель назад горная козочка, которую эллари прозвала Крапивкой. Рядом с рукой Осе на столе возле уже вырезанных корявых фигурок подобий животных лежали приготовленные заранее чистые тряпки и пузырёк с настойкой из сухоцвета, которой Халис обычно после того, как король вдоволь наиграется с ножиком, промывала ему порезы. Впрочем, к своему удивлению, сегодня, осматривая далеко не готовое изделие, мастер отметил, что умудрился ни разу себя не порезать, и потому пришёл к выводу, что настойка ему

не понадобится.

У большого стола кирасиры заканчивали разделявать оленью тушу, которую собирались сегодня же приготовить на ужин. Внизу у входа громко таскали по камням кормушки быки и мычали друг другу на своём на бычьем, жалуясь на судьбу, а кони короля и королевы громко стучали копытами и ржали. Громче всех требовал еды Баюн, бык Даннигерда; чуть потише, но таким же требовательным тоном настаивал на кормёжке здесь и сейчас Луч; а Вулкан и Гранит, быки Крайста и Бэйна, подчёркнуто игнорировали бунт молодёжи и смиренно ждали, когда люди освободятся и принесут то, что им полагается.

На табуретке у книжного шкафа на носочках стояла девочка, маленькая и тоненькая, как оленёнок. Её звали Халис, и о ней при дворе ходило не меньше легенд, чем о Роксбургах.

Халис была из рода эллари, и жила она в Гроте, если верить хронистам, ещё со времен Серебряного Глаза, что косвенно подтверждало догадки людей о возможности представителей этих странных горных племён жить столетиями, если их не умертвлять насильно. Впрочем, точного подтверждения тому, что ныне живущая в Гроте эллари была той самой, что поселилась в убежище при том самом короле, не было. Свидетели того, как Серебряный Глаз пустил её на порог, уже давно находились в земле, а сама эллари, которой на вид было не больше шестнадцати, после обращённого

к ней вопроса о возрасте предпочитала загадочно улыбнуться, пробормотать на безбожно ломаном ангенорском: «Не понимай», а потом убегала куда-нибудь в огород, оставляя любопытных с носом.

Она проговорила всего один-единственный раз, когда сказала Крайсту, что помнит, как однажды видела в ночном небе в стороне Паденброга такие яркие взрывы, что ночь превратилась в день, а, как известно в Ангеноре, такое явление наблюдалось только один раз – на свадьбе королевы Сегюр и Скольда Молодого, когда в небо запустили такое количество фейерверков, что видно их было на несколько лиг вокруг. Вторым доказательством того, что Халис легко может быть старше всех обитателей Грота вместе взятых, служили слова самого короля Осе, с которым они виделись во время присяги легата. Он сказал, что видел эллари и за восемнадцать лет её лицо не изменилось ни на день.

Халис была непохожа на своих странных сородичей. В первую очередь тем, что волосы её были чёрными.

– Обряд не проходить, – объясняла она такую аномалию, несвойственную её седоволосым соплеменникам. – Потому не седая. Мать выбросить меня в горы, когда маленькая быть. Потому что только у чистых эллари глаза серебро, а у меня синие. Грязная кровь. Не пустить в Зачарованный лес. Плохо. Смерть. Но меня подобрать доброе племя. Жалость. И вырастить меня сами без обряда.

Однако пронзительный взгляд её раскосых глаз, ярко-си-

них и прозрачных, как турмалины, нет-нет да иногда и заставлял усомниться в том, что их обладательница действительно не умеет ни читать мысли, ни лечить прикосновением руки, ну, или хотя бы видеть сквозь стены.

Питалась она, пока жила одна-одинёшенька, с огорода, что разбила за Даэнмаром, а там и морковь, и капуста, и свёкла – было полно всякой зелени. А уж как там всё это богатство росло, кирасиры себе только магией и объясняли – всем было давно известно, что на каменистой сухой земле среди гор пустить корни могли разве что неприхотливые альмионы да какой-никакой живучий сорняк, не то, что нормальные овощи и ягодные кусты, которые хозяйка вырастила также на любой вкус. Мяса она не ела, как все эллари. Говорила, что всё живое – дети Берканы, и есть её детям друг друга нельзя, потому как это чистый каннибализм, на что кирасиры только ухмылялись да спорили: мол, а как же тогда волки и лисы, которые жрут животинку поменьше? Птицы, которые клюют жуков да червей? А эллари многозначительно смотрела на вопрошающих турмалиновым потусторонним взглядом, не считая нужным объяснять законы, по которым живёт дикая фауна, и продолжала воротить нос от вертелов с крольчатинной или птицей.

Пока Грот пустовал, она коротала годы скучного ожидания и одиночества за хозяйством: оттирала стены от плесени, готовила, стирала ковры с гобеленами, платья, припасённые в сундуках ещё сестрой Серебряного Глаза, да уха-

живала за огородом, а когда дел совсем не оставалось, лепила фигурки из глины, что нашла у ручья, или забиралась на вершину Даэнмара. Там она собирала листья лишайного куста и сухоцветы на просушку, из которых готовила настойку для промывания порезов и ссадин – таковых на её руках и коленках всегда было предостаточно. А если все баночки и скляночки уже были полны лечебной настойкой, просто сидела, уставившись в небо, прислушиваясь к шороху облаков, и ждала, когда совершится то, что ей было когда-то предсказано на камнях, а когда наконец услышала ответ на своё долгое ожидание – гулкий, как топот подбитых железом копыт, улыбнулась, спустилась с горы ко входу в пещеру и склонила голову в смиренном поклоне.

Сейчас эллари, сдувая со лба прядку взмокших волос, старательно тёрла стену от плесени и неодобрительно косилась на довольных, с её точки зрения, глумлением над природой кирасиров. Халис, само собой, и пальцем не собиралась притрагиваться к оленьей туше, предпочтя сгрызть на ужин запечённый кабачок или листик капусты, а вот желудки голодных воинов, привыкших резать живую плоть, уже ныли в предвкушении того, как их зубы вопьются в хрустящую, шипящую жиром корочку. Все молчали, только далёкий плач Суаве и эхо её сбивчивой жаркой молитвы напоминали о том, что в Гроте есть кто-то ещё.

– Ай! – Осе случайно порезал остриём ножика подушечку большого пальца. – Нет, Эгиль всё-таки сделал меня кри-

воруки! Нет-нет, – он жестом показал Халис, что справится с ранкой сам, и обернул палец тряпкой. – Пора бы мне уже взяться за ум и привыкнуть к постоянным порезам, – он промокнул каплю крови и оценил потери. – Знаете, – он обратился ко всем находящимся в комнате, – когда во время моей коронации архонт впервые надел мне на голову альмандиновую корону, она ведь порезала меня не сразу, – он растёр вновь проступившую каплю крови. – Я тогда ещё подумал: «Неужели я достоин, неужели корона меня признала?», и даже испугался возможному неожиданному открытию, но когда я обернулся к собравшейся на площади Агерат толпе, то почувствовал резкую острую боль, полоснувшую меня по лбу от виска до виска.

Осе повернул к эллари лицо и показал пальцем на тонкий, едва заметный шрам, тянувшийся вдоль его лба.

– Кровь тогда мне всё лицо залила. Я испугался, поспешил вытереть её рукавом, но от этого стало только хуже. Корона будто обиделась и ещё раз полоснула меня чуть выше. Во вторую ранку попала инфекция – и Геза, тоже эллари, как ты, но ты, наверное, её не знаешь, – лечила меня от воспаления.

– Почему Халис не знать? Халис знать Геза, – смотрительница Грота вопросительно подняла чёрную бровку, улыбнулась королю, обнажив маленькие чуть выступающие вперёд жемчужные зубки, и усиленно заскребла ногтем кусочек приставшей к камню плесени. – Её все в нашей деревне

знать. Много-много лет назад. Геза сильная эллари. Гадать на камнях – всё говорить, всё угадывать. Мне сказать, что со мной быть и...

– Что «и»? – спросил заинтригованный король, ожидая продолжения, но Халис вместо ответа покраснела, смущённо засмеялась и отвернулась к стене.

– Хэх, дитё! – усмехнулся Крайст, отметив про себя, как заблестели глазки девчонки.

– Да, – король с грустью повёл худыми плечами, – она и мне много чего говорила, ещё когда я корону не носил, а я не слушал. Слепо следовал традициям. Вот зачем мне сдалась корона, скажи? Я ведь не король. Никогда им не был. А брат был. Каким бы Эдгар ни был, но вот он был настоящим королём...

– Королева говорить, что Эдгар тоже раны на лбу иметь. Как вы, – Халис потыкала мокрым пальцем у себя над бровями. – Корона резать его, как всех. Оставлять глубокие шрамы.

– И это разве не странно? Халис, вот ты мне скажи, – Осе снова взял нож и поскрёб по куску дерева там, где хотел вырезать в будущем глаз, – как такое возможно?

– Королева говорить, что корона капризна. Но корона не капризна.

– Значит, она перепутала голову Эдгара с чьей-то ещё.

– Корона Эгиля не ошибаться.

– И в чём же тогда мой брат был недостойным королём?

Он был умён и смел, – Осе снова отложил поделку и нож и начал загибать пальцы, перечисляя достоинства брата, – отчаянно боролся за каждый дюйм земли Ангенора, дрался с баладжерами – он был воином, которого в Ангеноре до сих пор боготворят, а я кто? В детстве хотел стать поэтом или звездочётом, но не стал ни тем, ни другим. Я не храбр, я потерял Приграничье, всё королевство, семью. Ты даже не представляешь, какими страшными вещами я угрожал своей племяннице, когда вернул её из Эквинского замка. Девочке совсем. Я, взрослый мужчина!

Кирасиры у стола притихли и переглянулись, как если бы вдруг поняли, что стали свидетелями разговора, который им слышать не следовало.

– Я ничего не умею, – продолжал Осе, распаляясь в своём отчаянии, – даже несчастную фигурку из дерева вырезать не могу по-человечески. Только и умею вдруг терять сознание и трястись, пытаюсь откусить себе язык.

Крапивка проснулась, бекнула и боднула ногу короля. Осе погладил белую головку с крохотными рожками. Козочка, довольная лаской, перевернулась на другой бок и снова повалилась спать в разбросанные стружки.

– Вы уметь делать фигурки, – попыталась утешить короля Халис и указала пальцем на ряд неказистых поделок, вырезанных Осе. – Только очень нехорошо, но уметь. Эти уродцы мне нравятся. Раньше они быть гораздо страшнее. И тот, что вы мне дарить. Он лежать на полке у кровати у меня,

и я смотреть на него перед сном. Это кролик?

– Подразумевался как рыбка.

– Я и говорить – рыбка. Красивая рыбка, и пусть кролик.

– Это златоглавка. У нас их ловили в Руне и продавали на рынке по три крефа за связку.

– Убивать рыбок плохо.

– Наверное.

– И оленей плохо убивать, – сказала эллари громче, глядя на Крайста тем особенным взглядом из своего богатого арсенала, в котором читалось больше всего упрёка.

– Родная, извини, – хмыкнул Крайст, не отрываясь от дела, и отрезал от бедра оленя огромный кусок мяса, кинув в миску, – но одними кабачками не накормить пятерых здоровых мужиков.

– У меня есть и картохель... – фыркнула Халис, отвернувшись.

– Картофель, – спокойно исправил её ошибку король.

– Да, и картоф-ф-фель есть у меня тоже! И редис, и морковь, и капуста, и свекола... как её?

– Свёкла, – напомнил забытое эллари слово Осе.

– Спасибо, – эллари быстро присела в смешном своей неказистостью реверансе и ткнула в Крайста грязной тряпкой. – И она. Всем хватит и без оленей. И пятерым, и десятерыми.

– Десятерым, – снова исправил её король, отметив, что ему опять придётся повторить со смотрительницей Грота

числительные и падежи.

– И им тоже. Ты никогда не ешь мой тушёную морковь с капустой с сушёным мхом и листом лисьей лапы. Если бы съем, сразу бы забыть про оленей.

Даннигерд закатил глаза.

Плач Суаве, всё это время доносившийся из дальней комнаты, где располагалась спальня супругов, вдруг стих.

– Слава богам, – буркнул Крайст, – наплакалась на сегодня.

– Пора бы уж, – ядовито ухмыльнулся Даннигерд. – Уже солнце у горизонта, а наша королева не замолкает с зари. От её воя у меня уже уши болят.

Бэйн воткнул ксифос в кусок мяса, перегнулся через стол и молча вlepил Даннигерду ладонью по уху.

– За языком следи. Мать оплакивает своих детей.

– А нечего было давать бабе вести войско в атаку. Вот и полегли, – буркнул не желающий учиться на своих ошибках кирасир, растирая ушиб, за что сразу же получил по второму уху.

– Эта «баба», как ты выразился, – вскипел гневом Бэйн, – была твоей принцессой, и она оседлала самого бешеного из всех быков. И сделала она это, между прочим, если ты вдруг не заметил, быстрее, чем ты управился со своим Баюном.

– Даннигерд прав, – вдруг отозвался Осе, оторвавшись от выразительных глаз Халис, которые удовлетворённо на-

блюдали за тем, как король ласкает сопящую Крапивку. – Мне вообще не стоило ввязываться в эту войну. Сейчас я это понимаю. Не надо было винить Вечеру в смерти сына, не надо было её изгонять, злить своей неприязнью, прятаться за её спиной. Вообще не стоило становиться королём, если говорить по правде. Да, я Вечеру никогда не любил – это ни для кого не было секретом. Перед самой битвой я даже корону ей отдал. Я это сделал не потому, что признал её наследницей, нет. Просто избавиться от этой ноши хотел... а теперь девочка гниёт на дне Змеиной ямы. Неупокоенная, одна, во мраке. Как бы я к Вечере ни относился, она этого не заслужила, и мне стыдно. Представляете, мне стыдно перед ней. А всего несколько месяцев назад я угрожал ей жуткими последствиями, если она посмеет отобрать корону у моей Ясны. А теперь что? Сiju в пещере, ненавидимый и без того не любящей меня женой, без сына, племянницы, дочери...

– Принцесса Ясна жива! – неожиданно даже для себя самого взял на себя смелость перебить Осе Малой и вдруг осёкся, поняв глупость своего положения.

– Нет-нет, говори, – Осе, однако, казалось, совсем не возмутился фамильярностью самого юного кирасира.

– Вы... Вы сами читали письмо Корвена. Её держат в башне. Она под охраной, но жива. Её кормят, не обижают, иногда разрешают гулять в саду. Это ли не главное?

– Объясни это моей королеве, – с грустной улыбкой отве-

тил Осе, и глаза его совсем потухли. – Может быть, тебя она послушает? Наша дочь жива до тех пор, пока я сижу тише воды ниже травы – и я буду сидеть, но, если Теабрану вдруг покажется, что я что-то замыслил, или графы, мои сторонники, что-то затеют, голова моей дочери уже через секунду окажется на пике у ворот Туренсворда. Как думаешь, каково это – жить в постоянном ожидании смерти? И Ночная Гарпия, это бесполое пугало, ты читал в том послании, постоянно подсовывает ей под дверь рисунки с отрубленными головами и выколотыми глазами. Издевается над моей дочкой! Я писал графам Старого двора и Стрельцовых башен, чтобы они и не думали поднимать бунт против Теабрана, но... для некоторых, как оказалось, клятва верности не является пустым звуком. Если бы вы только знали, как я боюсь за Ясну. Боги, если бы вы только знали... Она всё, что у меня осталось.

– У вас есть ещё королева, – нахмурился Крайст.

– Суаве у меня никогда не было. А теперь в её глазах я вообще чудовище. Она говорит, что я виновен в смерти Вечеры, и она права. Во всём, что случилось, моя вина, потому что я *не* король и никогда не должен был им становиться.

– Что ж, нам теперь уйти и преклонить колено перед ублюдком Петры, как её там, которую по пьяни обрюхатил Золотой Щит?! – Бэйн с негодованием посмотрел на короля, который в безнадёге своей и самобичевании превратился в тень ещё менее реальную, чем те, что отбрасывали на стену

стоящие на столе вырезанные деревянные фигурки.

— Если вы хотите, вы можете покинуть Грот, я не буду против, — опустошённым тихим голосом ответил Осе. В полумраке пещеры его глаза, потерявшие живой блеск, походили на два тоннеля, в глубине которых таилось такое бескрайнее отчаяние, что даже выдавшим всякие ужасы в этой жизни присутствующим в комнате кирасирам стало не по себе.

Все обескураженно замолчали и уставились на короля, будто ослышавшись. Даже Халис перестала протирать дырку в стене и застыла с прижатой к каменному выступу тряпкой.

— Да, вам не слышалось, — так же тихо повторил король. — Я так решил. Если вы хотите, вы можете уйти, я не буду вас ни удерживать, ни обвинять в предательстве. Я освобождаю вас от кирасирской клятвы, данной мне когда-то. Отныне вы можете вернуться в Паденброг и присягнуть Теабрану. Если нужно, я напишу каждому из вас указ, который вы сможете предъявить новому королю.

Кирасиры недоуменно переглянулись.

— Халис, — Крайст повернул голову к эллари, — Халис, милая, оторвись, пожалуйста, от стены и принеси нашему королю выпить этой своей настойки на хмеле и мху. Из-за треклятой духоты он начал нести всякую чушь.

— Нет, это лишнее, — поспешил остудить его пыл Осе.

— Да как же так?

— Я настаиваю. Такова моя последняя королевская воля.

— Извините за бестактность, мой король, — Крайст обло-

котился обеими руками на стол, — но ваша последняя воля будет тогда, когда вы будете лежать на смертном одре, а пока что извольте, но лично я вас слушаюсь. Мы верны нашему королю Огасовару всегда и во всём. Перед лицом триумфа и краха, в упадке и в возрождении. Наше сердце с вами, наша отвага с вами, наши мечи с вами. Сталью и кровью — мы ваша армия, мы — кирасиры. Кирасиры нашего короля, мы никуда не уйдём.

— Я тоже, — поддержал своего командира Малой, перестав ковырять ножиком упругий хрящик. — Я никуда не уйду. Я тоже клятву давал.

— И я, — шмыгнул носом Бэйн, как если бы ситуация не стоила и выеденного яйца, не выдержав хотя бы небольшую паузу, чтобы подчеркнуть торжественность момента.

Молчание.

Бэйн пнул под столом табуретку, та стукнулась о ногу Данигерда. Крайст, Малой и Бэйн многозначительно посмотрели на четвёртого кирасира.

Он уже было открыл рот, но вдруг осёкся.

— Вы не шутите? — спросил он, обернувшись к королю. — Я имею в виду указ. Я смогу просто уйти?

— Да, я не шучу, — лицо Осе оставалось таким же спокойным и уставшим, как и минуту назад, будто согласие одного из охранников покинуть своего короля никоим образом не ранило его и не удивило. — Я напишу его после ужина, а потом ты можешь покинуть Грот.

– И... И без последствий?

– Я уже сказал, что вы все свободны, – ответил король без какой-либо злобы. – И если ты хочешь покинуть это место, я не буду противиться.

– Да, я хотел бы покинуть Грот, – кивнул Даннигерд.

– Тогда у тебя есть ещё пара часов, чтобы попрощаться.

Вечером, когда солнце уже скрылось за горизонтом и на небе начали проступать первые звёзды, король сдержал обещание и написал указ на имя Даннигерда об освобождении его от клятвы верности, скрепив бумагу печатью со своим гербом. Когда кирасир покидал Грот, было уже совсем темно. Он не стал утруждать себя прощанием с другими воинами и тем более с малограмотной Халис, которая вышла вместе с Осе на улицу перед его отбытием, не подошёл он даже к королеве, которой тоже когда-то клялся в верности, лишь чуть поклонился Осе, поправил на поясе чистенький ксифос, вскочил на Баюна и исчез во мраке ночи тихо, как тень ушедшего дня.

А на рассвете за холмом, где смотрительница Грота высадила свой огород, среди взрытых вдоль и поперек бычьими копытами грядок, растоптанных кабачков, побитых ксифосом кустов смородины и изрубленных кочанов капусты, на самом краю, у спуска, эллари обнаружила тело.

Покойник лежал лицом вниз в сырой земле недалеко от места, где им напоследок было оставлено вандальское послание верным клятве обитателям Грота. Руки неуклюже вы-

вернуты под неестественным углом, один сапог спал и валялся недалеко, рядом с оторванным от подпруги стремянем Баюна. В спине покойника торчало две стрелы с ярко-оранжевыми перьями лучехвоста на концах.

Даннигерд не покинул Грот, теперь он остался на своём посту навсегда.

Глава 6 Отравленное перо

Из неглубокой дремоты Четту вырвал грохот и пронзительный крик. Она вздрогнула и испуганно распахнула глаза. Травник, который графиня взяла у придворного лекаря накануне, лежал у её ног. Толстая книга в потрёпанном переплёте с металлическими углами, вся в заметках, алхимических значках и комментариях Фермина, только что шлёпнулась на мозаичный пол и раскрыла жёлтые страницы на главе об обеззараживающих настояках.

На Вилле де Валента было непривычно темно и тихо, не было слышно ни слуг, ни Лаэтана с Аэлис, чей смех обычно разносился по замку весёлым эхом круглые сутки, ни даже обычной для дворца нежной лютни местного придворного поэта.

Вопль повторился.

Четта не стала поднимать бесполезную книгу. Вместо этого она устало уронила лицо в ладони и заплакала. Рядом со шкатулкой с нюхательной солью стоял синий флакончик, закрытый золотой крышкой с печатью на нитке. Это бы-

ла настойка лавандовых листьев, мяты и горнянки, которую в Кантамбрии использовали, чтобы успокоить нервное напряжение и быстро уснуть, но графине она уже не помогала – впрочем, как и остальные отвары, которые выдумывал мастер зелий для неё и её мужа.

Прошла минута, затем вторая.

В приоткрытую дверь залы перед покоем, где спал граф Монтонари, просунулась обёрнутая пёстрым платком головка Золотой Росы. Девочка тихо, словно мышка, на цыпочках подошла к своей хозяйке и тронула её за плечо. На её ноги, как на ноги всех, кто жил в замке, были надеты специальные туфли из нескольких слоев бархата на подошвах, который делал звуки шагов практически не слышными.

«Вам что-нибудь принести, ми сенья?» – показала немая девочка жестами и подняла упавший травник. Большие и добрые, как у котёнка, глаза внимательно смотрели на графиню в ожидании ответа, крошечные веснушки золотились на угольного цвета коже, как искорки.

– Нет, спасибо, – ответила Четта и промокнула глаза носовым платком, который достала из потайного кармана накидки. Растёрла и сжала виски. – Боги, как же у меня болит голова, – простонала она, шмыгнув носом. – Просто разрывается пополам...

Золотая Роса подошла к окну и как можно тише распахнула тяжёлые деревянные створки. В комнату ворвался свежий морской воздух, наполненный ароматами соли, пряно-

стей и цветов. Альгарда уже давно проснулась и купалась в лучах тёплого солнца, радовалась новому дню и грядущему празднику Винья де Соль, что служило разительным контрастом скорбной обстановке, царящей внутри Виллы де Валента, погружённой во тьму и ожидание худшего.

Девочка подошла к столику у окна, налила в кубок вина и поднесла графине.

«Вы бы поспали», – показала Роса. Её личико выражало искреннюю озабоченность измождённым видом графини: «Вы бледная, круги вокруг глаз, мало едите. Вы совсем себя замучили».

Четта сделала глоток. Вино показалось ей безвкусным, как вата.

«Я могу подежурить у покоев вместо вас, а вы поспите».
– А толку-то? – графиня почувствовала, как её взор заволакивает прозрачная пелена слёз. – Не могу ни есть, ни спать с тех пор, как мужа привезли с поля битвы за Паденброг. Забыла, что такое отдых. За что нам это всё, а? Вечера, сестра, Эрнан... закрываю глаза, а их лица передо мной, всплывают из темноты. Ты слышала, что они сделали с племянницей? Зарезали, как овцу. Разве тут уснёшь? – заплаканные глаза смотрели на немую. – Рана мужа всё никак не заживёт. Фермин говорит, что, если она будет продолжать нагнаиваться и дальше, ногу придётся отрезать.

Золотая Роса достала из-за пояса небольшой пузырёк из сиреневого стекла с пробкой на цепочке.

«Фермин сказал, что нашёл ещё один рецепт обезболивающего для графа, – зажестикуютировали тонкие руки. – Он приготовил его сегодня утром. Кажется, он говорил про хлопник и бузину. Он говорил, что этот отвар используют повитухи. А ещё я вчера собирала у бухты листья белоглава, они помогут вытянуть гной. Они будут готовы к обеду».

Четта взяла протянутый флакон, но лицо её не выразило особой надежды на благоприятный исход. Боль Эрнана не могли унять даже самые сильные травы, что уже говорить о хлопнике, в чьих обезболивающих свойствах лично она разуверилась ещё во время своих последних родов.

– Моему дорогому мужу больно от всего, – вздохнула женщина. – От яркого света, от звуков, даже от запахов. Он постоянно кричит. Кричит даже во сне, в бреду, не приходя в сознание. Когда же это закончится? Мой дед потерял обе ноги в каменоломне, когда его придавило мраморной плитой, но он остался жив, потому что согласился их отрезать, а Эрнан!.. Он такой упёртый!

Четта почувствовала, что вот-вот снова расплачется, и подошла к окну. Пряный ветер приятно, словно тёплой ладонью, скользнул по лицу. Внизу в саду внутреннего двора не особенно рьяно трудились слуги. Кухонные девки о чём-то перешептывались, неся корзины с апельсинами, и смеялись. Мальчишка-лютник мечтательно брел на струнах и наблюдал за фигуристкой молоденькой прачкой, развешивавшей здесь же бельё и отстиранные повязки, которыми

бинтовали ногу графа Кантамбрии. В фонтане, отделанном бело-синими изразцами, шустрые воробьи дрались с толстыми голубями за хлебные крошки, которые кидал в воду подмастерье лекаря. Поварята вытаскивали из спелых слив косточки и оставляли сочные половинки сохнуть на солнце, чтобы позже старшая повариха наварила из них варенье. Эта идиллическая картина казалась отгороженной от хозяйки Южных земель толстым стеклом, которое невидимой преградой отсекало её от тепла и беззаботной радости разморённых на дружелюбном солнце обитателей виллы.

– Четта!.. Четта!..

Смуглые руки сжали подаренные сыном жадеитовые чётки с руной Веньё. Четта отвернулась от окна и испуганно посмотрела на Золотую Росу.

«Хотите, я к нему пойду?» – спросила девочка.

– Четта!..

– Нет, не надо, я сама.

Графиня быстро подошла к зеркалу, висящему между окон. Кожа серая, глаза красные, опухшие от слёз, блёклые. Женщина быстро пригладила выбившиеся из причёски пряди волос и больно ущипнула себя за обе щеки. Кожа налилась обманчивым румянцем. Пора.

Она открыла дверь в покои тихо, будто не желая спугнуть находившегося в комнате зверя, и медленно вошла.

Внутри стоял настоящий мрак из-за закрытых плотной тканью окон и воняло хуже, чем в лепрозории: пылью, тра-

вами, потом и гниющей плотью. От царящего внутри смрада потянуло вывернуть наизнанку желудок.

На кровати в окружении одеял и подушек лежал её муж. Одна его нога была чуть приподнята и покоилась на скрученном покрывале. Стопу покрывала повязка, пропитанная настойкой гармалы, поверх которой проступало жирное тёмно-коричневое пятно. Даже в скудном свете стоящей на прикроватном столике одинокой догорающей свечи было видно, что кончики пальцев графа Южных земель начали темнеть у ногтей.

– Милый, ты меня звал? Как ты? – умирающим голосом спросила Четта.

– Обезболивающее готово? – раздался грубый хриплый голос. – Дай!

На Эрнана было страшно смотреть. Смуглую кожу покрывала испарина, глаза запали внутрь черепа, губы были бледными и сухими, ночная рубашка вся пропиталась потом и прилипла к изнурённому болью, худому, как смерть, телу.

Четта, преодолевая волну отвращения, подошла к мужу и протянула ему сиреневый флакон. Эрнан привстал на перине, выхватил вожаделенную бутылочку, вырвал из горлышка пробку зубами и жадно опрокинул в себя горькое содержимое. Упал на подушку. Графиня Монтонари взяла со столика платок, намочила в стоящей там же чаше с водой и отёрла потный лоб и шею графа.

– Ты весь горишь, – прошептала она.

Мышцы лица Эрнана на секунду передёрнул сильный нервный тик.

– Больно... Больно... – застонал он. Четта взяла мужа за руку. Тонкие и огрубевшие, как у старика, пальцы графа больно стиснули руку жены.

– Ш-ш-ш, сейчас обезболивающее подействует. Ш-ш-ш-ш...

Прошло несколько бесконечно долгих минут, прежде чем мышцы на лице Эрнана наконец-то начали расслабляться, соразмерно волнам утихающей боли в ноге, а на лице его появилось выражение, отдалённо напоминающее облегчение. По крайней мере, его жене хотелось так думать.

– Эта рана убивает меня... – прошептал граф, косясь на почерневшие ногти на пальцах ноги.

– Тебе нужно послушать совета Фермина, – Четта думала, что не найдёт в себе смелости снова предложить ему ампутацию. – Иначе ты можешь умереть.

– Никогда! – сверкнули во мраке темно-зелёные глаза графа. – Никогда, слышишь?! Я не позволю ему отрезать себе ногу!

– Милый...

– Нет! Пусть ищет лекарство... Нож... нож этой белобрысой девки был... отравлен! Очевидно! А раз есть яд, должно быть... и противоядие! Противоядие должно быть!.. Пусть Фермин лучше копается в своих книгах, за что я ему плачу? Уж не за то, чтобы он сидел на кухне и сжирал всё, что ви-

дит... пусть ищет... А не найдёт, так... гони его. В Кантамбрии полно других лекарей!

– Эрнан, ты не хуже меня знаешь, что Фермин – один из лучших лекарей юга. К нему даже обращаются за помощью из академии. Именно у него желают учиться многие врачи.

– А какое мне до этого дело?! У меня болит нога! Неужели так сложно понять, чем был намазан проклятый нож этой дряни!

– Фермин уже обращался к другим лекарям и в Скорпионьей норе, и Аквамариновой бухте, написал даже в академию алхимиков Эвдона. Они не знают, что это может быть за яд. Он уже всё перепробовал, все противоядия, которые у него есть! А что, если это новый яд, противоядие от которого ещё не придумали, Эрнан?

– Я не дам ему отрезать себе ногу! – Эрнан грубо отбросил руку жены. – Лучше дай мне воды.

Четта протянула мужу кубок, который стоял здесь же.

– На.

Эрнан сделал первый глоток и тут же выплюнул его, забрызгав и себя, и кровать.

– Почему вода горькая?! – в ярости завопил граф и сплюнул остатки.

– Разве? – испугалась Четта.

– Попробуй сама, – Эрнан оттолкнул протянутый кубок.

Четта сделала глоток.

– Она не горькая, милый, – женщина удивлённо посмотрела на кубок, затем на мужа. – Это обычная вода.

– Ты врёшь!

– Нет. Выпей ещё.

– Нет, принеси другую! Роса! Роса!

Девочка вбежала в покои. В отличие от Четты, она не смогла не поморщиться от отвращения, вдохнув жуткий запах.

– Роса, принеси мне воды!

Эрнан приподнялся на дрожащей слабой руке, выхватил у жены кубок и с размаху швырнул его в служанку. Немая девочка в последний момент успела увернуться от точного броска. Кубок со звоном влетел в стену и отскочил в сторону с огромной вмятиной на боку.

Резкий звук удара больно пронзил виски Эрнана. Он сжал ладонями уши и упал на спину.

– Больно!

– Что ты творишь?! – воскликнула Четта, глядя, как девочка отряхивает обрызганное водой платье, но мгновенно осеклась, видя, какую боль резкие звуки причиняют её мужу. – Прекрати!

– Неси другую воду. Эта отравлена!

Золотая Роса выбежала в зал.

– Эрнан, это всё яд, – попыталась она достучаться до одурманенного отравой разума мужа.

– Нет, это эта баладжерка... – Монтонари схватился

за шею, будто что-то начало душить его изнутри. – Балладжерка... Это она, я знаю... Она... Она ночью крутилась у моего кубка и добавила что-то туда, пока думала, что я сплю. Я видел! Надо было отдать её в Дом невест! Мне за неё сотню сибров предлагали!

– Прекрати... Эрнан, прошу тебя, прекрати!

– Золотая Роса хочет меня отравить!

– Никто не хочет тебя отравить!

– Не смей мне врать – я всё видел!

– Золотой Росы не было здесь ночью – я ночевала у твоей двери, – Четта упала на колени рядом с кроватью мужа и схватила его руку, прижав к груди. – Роса спала в своей комнате. Здесь была только я!

Эрнан посмотрел на жену в замешательстве.

– Милый, тебя никто не хочет убить. Это рана. Фермин говорил, что из-за неё тебе может казаться то, чего нет.

В проеме двери снова показалась обёрнутая платком голова Золотой Росы. Девочка, прижимая к груди серебряный кувшин с чистой водой, с опаской посмотрела внутрь комнаты, выглядывая, не кинет ли хозяин в неё чего-нибудь ещё, и, удостоверившись, что опасности нет, вошла.

Эрнан бессильно упал на мокрую подушку и заплакал.

– Мне больно. Если бы только знала, как мне больно...

– Я знаю, – Четта тронула мокрые волосы мужа.

– Нет, не знаешь. Ты даже понятия не имеешь. Посмотри.

Он взглядом показал на свою ногу. Четта и Роса перегля-

нулись. Девочка взяла на себя смелость приподнять повязку. То, что предстало перед их глазами, ужасало всей реальностью серьёзного ранения. Под мизинцем Эрнана, там, где его кожу поцарапало лезвие крошечного ножа Ночной Гарпии, нарывала сочащаяся гноем язва. Кожа вокруг раны вспухла и приобрела пунцовый оттенок.

Четта закрыла лицо рукой, подавив рвотный рефлекс. Было очевидно, что за последние сутки воспаление стало больше и захватило новые ткани.

– Позови Фермина, – тихо сказала она Росе. – Быстрее.

Фермин был тучным, грузным мужчиной. Свою внушительную комплекцию он списывал на замедленное пищеварение и раннюю подагру в то время, как на Вилле де Валента бытовало мнение, что причиной, скорее всего, являлось то, что лекарь семьи Монтонари ел больше кого бы то ни было, не делая различий по плотности блюд между завтраком, обедом и ужином, а также никогда не отказывал себе ни во втором завтраке, ни в полднике, ни во втором обеде, ни в традиционном вечернем чаепитии.

Как все люди его профессии, он носил белый сюртук с красной каймой на рукавах и обвязывал талию – если то пузо, что росло у него прямо под грудью, можно было так назвать, – серым поясом с многочисленными карманами, в которых он, по обычаю, хранил массу флакончиков с целебными настойками, кое-какие инструменты, изготовленные им же таблетки и даже небольшую фляжку с вином. Помимо

избыточной массы Фермина отличал и довольно-таки большой рост, как если бы среди его предков отметились великаны. Лекарь был на полторы головы выше даже далеко не низкорослого графа Монтонари, а ладони его были такой величины, что запросто могли вместить с десятков пузырьков с разными снадобьями. Чтобы сшить ему обувь или одежду, сапожникам и портным приходилось использовать в полтора раза больше материалов, что делало лекаря их любимым клиентом. А чтобы накормить – в два раза больше еды, из-за чего граф выделил ему отдельного повара.

Вопреки своим непривычным для обычного человека габаритам, Фермин обладал весьма маленьким лицом, будто оно в своё время не успело вырасти вслед за телом, отчего вид у лекаря был достаточно нелепым, как у маленького ребёнка, внезапно оказавшегося заложником великаньего тела. Фермин стеснялся этого недостатка, и потому предпочитал прятать своё лицо младенца за густой пушистой бородой. Особенной представительностью и солидностью вопреки его ожиданиям, борода его не наделяла, но зато, как только она появилась на его лице, его перестали бояться дети, отчего осмотр их ссадин и опрелостей становился гораздо спокойнее.

При своей кажущейся неповоротливости кантамбрийский мастер снадобий обладал удивительной способностью передвигаться по Вилле де Валента с невероятной быстротой и проворностью. Утром, едва успевали пропеть зорянки, он

уже ухитрялся спуститься в свою лабораторию и сварить новое обезболивающее для графа, осмотреть осипшее горло певчего, который накануне напился из фонтана холодной воды, ощупать живот старшей кухарки, которая была уже пятый раз на сносях, и предупредить, чтобы она перестала тягать тяжёлые противни. Сегодня к девяти утра он уже принял пятерых слуг с различными жалобами, от фурункулов за ушами до мозолей; их тётушек с жалобами на странный колдовской кашель; троих детей с серными пробками и поносом; их младших сестёр и старших братьев с головной болью и царапинами; одну придворную даму с жалобой на ежемесячное недомогание; и даже её мужа со срамной болезнью, подхваченной им в Доме невест, которую тот теперь всеми правдами и неправдами отчаянно пытался скрыть от супруги.

Основной его маршрут пролегал по главному коридору Виллы, от которого во все стороны отходили, подобно веткам, коридоры поуже, отчего можно было наблюдать, как шустрый лекарь целыми днями мелькает в дверных проёмах, перемежая посещение обитателей замка с частыми визитами в свой кабинет и на кухню.

В Кантамбрии Фермин снискал репутацию одного из лучших лекарей, в арсенале которого, кроме обычных снадобий и настоек, находились такие редкие рецепты, что похвастаться их использованием могли разве что алхимики Эвдона или редкий старообрядец с Холодных островов, который знал

с ведьмами эллари.

Когда к нему подбежала испуганная Золотая Роза, Фермин сразу побросал все свои пробирки, схватил с подоконника два тонких отрезка испачканной в некоем сусле ткани, бегло посмотрев их на свет, и, изменив планам полакомиться парной телятиной в качестве приятного аперитива перед полдником, поспешил в покои к своему графу с той скоростью, на которую был только способен, – слишком плохим признаком служило упоминание девочкой чёрного гноя.

Увидя рану воочию, он только удостоверился в своём мнении – яд побеждал, и старые примочки переставали сдерживать отраву. Поменяв повязки, дав Эрнану ещё одну порцию обезболивающего и дождавшись, когда тот уснёт, лекарь обратился к графине.

– Ми сенья, всё очень серьёзно, – сказал он с неподдельной озабоченностью, оглядывая рану. Голос его был тихим, хотя и встревоженным. – Нужно срочно уговорить графа ампутировать ногу. Сейчас будет достаточно стопы, но, если сделать операцию позже, придётся удалить ткани до колена, и чём больше мы теряем времени, тем меньше остаётся гарантии, что это поможет. Яд выработал иммунитет к моим примочкам. Я слышал, что такое бывает, хотя на практике встречаю впервые. Яд уже проник в ближайшие ткани. Смотрите, – он начертил в воздухе круг над мизинцем. – Видите? Это мёртвая кожа, иными словами – начальная стадия гангрены.

Четта схватила за сердце и поспешила сесть в кресло. Золотая Роза побежала в соседнюю комнату за нюхательной солью.

– Но можно же что-то сделать? – графиня умоляюще посмотрела на лекаря. Фермин вздохнул и достал из одного из многочисленных кармашков два отрезка ткани.

– Посмотрите, ми сенья.

– Что это?

– Мой эксперимент. Я искренне надеялся, что ошибаюсь, но вот...

Он протянул графине отрезки.

– Это кровь?

– Это гной. Гной из раны графа, который я выдавил ещё на первой неделе, как он вернулся из Паденброга. Мне уже тогда не понравилось ни то, что рана отказывалась затягиваться, ни сам характер пореза.

– Муж говорил, что ножик, которым его уколола Ночная Гарпия, был совсем крошечным, лезвие не больше безымянного пальца, тонкое, из колчедана, а рана была не глубже царапины. Даже болеть сразу перестала, а потом...

– Да, я знаю такие ножи. Их используют на Холодных островах и в Касарии в качестве дротиков во время охоты. Это даже не ножи вовсе, а наконечники для стрел. Если мне не изменяет память, называют их Перья. Сравнительно недавно их стали применять как ножи. Убить ими сложно, если, конечно, не воткнуть их противнику в висок или глаз,

но вот в качестве отравленного оружия эта вещь идеальна. С виду не опаснее ножа для конвертов, а на деле всё оборачивается вот этим. Я искал кое-что в книгах, изготовил реактивы и нанёс их на эти отрезки ткани, сверху я капнул гной из раны графа, чтобы увидеть реакцию, и чем дольше она не наступала, тем больше я убеждался, что прав. Окончательного результата моего исследования ещё нет, но я уже готов дать свой ответ.

– Какой?

– Лезвие Пера было смазано двумя видами ядов, ми сенья. Один из них – Сонный Пурпур.

– Что это?

– Один из редчайших ядов. Его действие чрезвычайно медленное, поэтому самим по себе пользуются им единицы. Чаще его используют как замедлитель для других ядов, чтобы не убивать жертву сразу, а заставить её помучиться. Видите алый ободок по краю вот этого пятна? Это реакция на солнечные лучи этого самого пурпура, а гангрена и характерный запах из раны говорят о том, что основным ядом, которым Гарпия смазала лезвие, был Черноцвет, которым когда-то был убит король Эдгар. Но в его случае Сонного Пурпура не было, поэтому он и отмучился относительно быстро, если сравнивать с действием Пурпура. Черноцвет – балджерская отравка, да, но купцы могут достать что угодно откуда угодно, даже из самой Псарни, и притащить хоть в недра Перевёртышей за достойную плату, так что неудивитель-

но, что этот сомнительный товар оказался аж на краю света. Я не знаю, кто догадался смешать яды, Ночная Гарпия или этот эвдонский чародей, но одно я знаю теперь точно, ми сенья: мне искренне жаль, но против такого сочетания ядов нет противоядия, и даже самые дорогие безоары тут тоже бесполезны – лечение здесь только одно.

– А листья белоглава? Золотая Роса говорила, что это может помочь.

– Белоглав хорош, но только в том случае, когда мы говорим о гнойниках, а не об отравленном оружии. Он вытянет гной, но не яд. Погодите.

Фермин вынул из-за пояса тонкую серебряную палочку и провёл её концом вдоль стопы Эрнана. Стопа чуть дёрнулась, пальцы растопырились и сжались.

– Что же, рефлексy ещё не нарушены, – толстая бровь изогнулась удивлением, будто её хозяин ожидал увидеть иную картину.

– Это же хорошо? – вспыхнула надеждой Четта.

– Как сказать, ми сенья. Это значит, что яд ещё не поразил нервные окончания, но судя по этим пятнам и скорости распространения... у нас в запасе есть неделя, может быть, две.

– Веньё, дай мне сил...

– Ампутация тут была бы полезнее. Я всё ещё жду сообщение от своего старого друга из Виа де Монте. Может быть, ему известен состав против Пурпура. Мы учились с ним вместе, и он на нашем курсе был известен тем, что проявлял ин-

терес к нетрадиционным наукам. Из-за одного несчастного случая в лаборатории ему, правда, запретили вести отличную от общепринятой практики деятельность, но он мог сохранить кое-какие связи с... Впрочем, посмотрим.

– Поверить не могу, что такое могло произойти, – вздохнула Четта и нервным движением провела пальцами по лбу. Губы её затряслись. Роса, только что впорхнувшая в комнату, протянула хозяйке шкатулку с нюхательной солью. Но Четта не стала её открывать, а поставила на колено.

– Муж всегда хотел участвовать в настоящем бою, – тонкий палец остановился на виске и помассировал кожу, – грезил битвой. Он, видите ли, пресытился размеренной спокойной жизнью Альгарды, готовился к встрече с войском Теабрана, будто на парад. Никогда не понимала этой его радости, отговаривала его! Умоляла вернуться в Альгарду с нами, а он!.. Он был похож на дитя, которому в руки попали вместо оловянных солдатиков настоящие. Вы бы его видели, он не выглядел таким счастливым даже в день нашей свадьбы или когда родился Лаэтан! Будь проклята та девица, Теабран, все те, кто задумал ту драку! Я виновата. Надо было быть настойчивее. В конце концов, надо было усыпить его накануне и вернуть домой завернутым в плащ! Всё я!

– Кхм-кхм... Прошу, простите неуместность моего вопроса, ми сенья, – замешкался Фермин, – но я слышал, что, несмотря на ваше участие в битве, вам пришло приглашение на коронацию. Ваш сын сказал.

– Да, и что?

– Вы поедете?

– Поехать – значит признать легитимность притязаний самозванца на престол. Эрнан на это никогда не пойдёт.

– Поразительная преданность.

– Глупость, – перебила лекаря хозяйка. – Глупость, упрямство и настырность. Муж никогда не признает короля. Признать его – значит признать поражение. А ты хотя бы раз видел, как он признавал поражение хоть в чём-то? Он умрёт, но не сдастся. Но не из верности, а из глупого упрямства. Даже если мы с детьми упадём перед ним на колени. Я бы уже давно присягнула королю, но муж – никогда!

– Может быть, стоит обратиться к Сальвадору?

– Сальдо? – наивный вопрос лекаря отвлёк Четту, увлечённую страданиями.

– Они же братья.

– Помнят ли об этом они сами? В мире нет более чужих друг другу людей, чем они.

– А Виттория-Лара? Когда-то они были друзьями.

– У мужа нет друзей.

– Но кто-то же должен иметь возможность повлиять на графа?

– Только чудо.

– К сожалению, моя профессия не располагает к вере в чудеса, но опыт говорит, что если не голос разума, то невыносимая боль рано или поздно заставит графа согласиться.

Сейчас ему больно, да, но что такое настоящая боль, он поймёт совсем скоро, когда отравы поднимется чуть выше. Я, честно, не хотел бы до этого доводить.

– Иногда я, грешным делом, думаю, что желаю мужу испытать эту боль, – прошептала Четта и на мгновение замолчала. – Скажи, а в твоей лаборатории есть средство, которое её усилит?

– Ми сенья, я... – лекарь бросил взгляд на погружённого в глубокий сон графа.

– Фермин. Пусть это останется только между нами. Просто кивни, и я пойму. Я пойду на что угодно, чтобы спасти моего мужа. Даже на это.

Лекарь замешкался.

– Пожалуйста, сделай это, и благодарность моя будет соразмерна твоему труду. Дайте мне слово...

Фермин кивнул.

Глава 7 Искусство дипломатии

Когда граф Урбино прибыл на аудиенцию в Крак Виа де Маривет, его встретила не хозяйка замка, как того требовал этикет, а её казначей.

Чиро сидел в отделанном бархатом кресле в самом тёмном углу гостиной возле большой картины в дубовой раме – портрета Виттории-Лары, и, приоткрыв указательным пальцем затворку крохотного, спрятанного в перстень на изображении, тайного окошка в соседнюю комнату, наблюдал за происходящим внутри, параллельно занося какие-то пометки в книгу, лежащую у него на коленях.

В комнату вошёл старичок лет семидесяти, очень энергичный и очень подвижный. Обменявшись с хранителем казны графини учтивыми поклонами, гость сел в предложенное служанкой кресло в середине комнаты и взял протянутый кубок с вином.

– Ей-богу, Чиро, у вас невероятно жадные слуги, – буркнул граф, укоризненно косясь на содержимое кубка, будто оно было размазано по самому донышку. – Неужели в этом

доме скупердяйство в порядке вещей? Налей ещё, красавица, – приказал он девчухе с кувшином. – Не жадничай – да, ещё... вот так, да, до самых краёв.

– Но сенья предупредила, что ваш лекарь запретил вам пить больше половины кубка в день, – попыталась возразить служанка.

– Тогда ей не следовало умолять меня приехать в Мари-вет, чтобы я пятеро суток трясся в карете по пыльным и душным шенойским долинам ради половины кубка. В самом деле! Мне не двадцать. А раз я потратил почти неделю своей и без того склоняющейся к закату жизни на тяжкий и полный лишений путь, то уж лучше я помру от разрыва сердца сейчас, прямо на этом ковре, опрокинув в себя больше прекрасного вина, чем мне разрешает мой шарлатан, чем доживу до ста лет, боясь выпить лишнюю каплю. Я слишком стар и болен, чтобы лишать себя гастрономических радостей, кои в нашем краю существует в избытке.

Чиро улыбнулся, оценив явно иронично настроенного гостя, и взглядом показал служанке, что всё в порядке и что, если слова графа Урбино вдруг станут пророческими, в этом не будет её вины.

– Предполагаю, новая жертва? – осведомился гость, насладившись дивным видом сверкающего в кубке вина, и сделал два глубоких глотка. На его сером морщинистом лице проступили яркий румянец и пот. – Фух, хорошо!

Левая рука вцепилась в подлокотник кресла, вторая по-

спешила ослабить шёлковый узел на воротнике. По всему было видно, что два вполне безопасных для человека со здоровым сердцем глотка дались ему трудно и ускорили кровоток в его сосудах до нежелательного значения.

– С вами всё в порядке? – Уверенность Чиро в том, что графу ещё рано на тот свет, мгновенно улетучилась, и в глазах казначея мелькнул испуг, – вдруг упрямый дурак и правда накликал на себя кончину, – забыв про тайное окошко, он бросил молниеносный взгляд на служанку. – Мне вызвать лекаря?

Граф тяжело вздохнул, выгнул спину и откинулся на спинку кресла.

– Спокойно, – он жестом показал не на шутку испугавшимся хранителю казны и служанке оставаться на местах и не высовываться в окно, вызывая о помощи. – Если костлявая и придёт за мной, то придёт она с бокалом «Анны-Каталины», но никак не вашего виноградного сока для грудничков, – он махнул на початый кубок, погрешив против истины, потому что пригубленное им вино вовсе не было лёгким. – Так что там, Чиро? Кого там пожирает ваша хозяйка?

– Барон де Нов, – ответил хранитель казны, с облегчением выдохнув, когда понял, что ему не предстоит оживлять старика после сердечного приступа.

– У-у-у, – протянул Урбино, вытянув губы трубочкой, – Гильдия южных торговцев. И что же ему надобно? Опять кланчит уменьшение налогов?

– Боюсь, на этот раз причина его визита куда более обыкновенна. Гедеон снова проиграл целое состояние, – развёл руками Чиро. – Не то чтобы эта сумма сильно навредила нашей казне, но вы сами знаете, даже терпение Виттории имеет пределы.

Граф усмехнулся.

– Виттория? Гедеон? И с каких это пор вы зовете графиню и её мужа по имени?

Карие глаза Чиро заблестели в полумраке дальнего угла, как золотые монетки на его казначейском сюртуке.

– С тех самых пор, когда для всего Шеноя наши отношения перестали быть тайной. Бросьте, граф, я ни за что не поверю, что слухи о том, что происходит в этих стенах, не дошли до Серого Камня. Ваш старший сын, Раймунд, женат на старшей дочери Виттории, ох, если вам более привычно – графини Аларкон, а Валеска часто пишет сестре, как и брат. Флорестелла узнает от них обо всём, что здесь происходит, быстрее кого бы то ни было в Шеное. А где Флорестелла, там, безусловно, и вы. Я знаю, что вы читаете её почту, а раз так, то вы знаете всё.

Граф засмеялся, подивившись осведомлённости казначея о своих делах и привычках.

– Такая жизнь, такая жизнь, – он почесал редкую бородёнку.

– Не доверяете невестке? – поинтересовался Чиро и поспешил развеять опасения гостя. – Прошу, поверьте, это пу-

стое. Флорестелла совершенно бесхитростна.

– Она дочь своей матери. Кто знает, каким боком мне выйдет её родство с графиней?

– Значит, не доверяете Виттории? И отчего же, разрешите спросить?

– Разве не безумие доверять человеку, в чьём доме полным-полно тайных окошек? – граф ткнул пальцем в стену, рядом с которой пристроился Чиро. – Недоверие порождает недоверие. Тем более когда мы говорим о семье Паучихи.

– Зато это исключает любые неожиданности.

– С этим трудно спорить, – согласился граф. – А *Виттория* знает, что вы подсматриваете за ней и председателем Гильдии?

– Ну, разумеется, – покивал казначей. – Она сама меня об этом попросила. Если вы действительно читаете письма Флорестеллы, то для вас не будет новостью, что я не только отвечаю за деньги Виттории, но также являюсь и её доверенным лицом, и потому я всегда должен знать, что происходит в любых уголках её территории. К тому же, если де Нов позволит себе лишнее, Виттория покажет мне условный знак, и я прерву их встречу под благовидным предлогом. В отличие от моих коллег, я не служу обезличенной казне, я эгоистично служу её хозяйке. Я только на её стороне и блюду только её интересы.

– А как казначейская клятва, эгоистичный вы мой? – поинтересовался граф.

– Я придерживаюсь более прогрессивных взглядов на традиции.

– И вас ещё не лишили за это лицензии?

– Как видите.

– Хм... Впрочем, чему тут удивляться? – граф жестом позвал служанку с подносом и взял засушенный фрукт из чаши с курагой. – И что там? Оплела уже Виттория жертву паутиной или пока просто играет?

– О, она только начала, – Чиро внимательно взгляделся в окошко, следя за происходящим по ту сторону. – Хотите присоединиться? – он кивком пригласил графа на соседнее кресло возле такого же тайного окошка в метре от себя. Урбино с энтузиазмом принял приглашение и с невероятной прытью для человека своего возраста и со своими болячками быстро оказался в указанной точке, прильнув к окошку лицом.

Первое, что он увидел, когда взглянул внутрь, была светлая уютная комната, настолько плотно занавешенная лёгкими кружевными полотнами, что невольно напоминала паучий кокон изнутри. Посередине за изящным чайным столиком белого дерева сидела женщина в кружевном платье с атласными вставками. Маленькая, с волнистыми волосами цвета горького шоколада, румяная, светлоглазая, аккуратная – она излучала такую ауру благополучия и доброжелательности, что можно было невольно поддаться обманчивому ощущению безопасности и принять её за безобидное

существо. Виттория-Лара даже в молодости не отличалась какой-либо красотой. От признанных шенойских красавиц, дородных пылких девиц с широкими бёдрами и пышными формами, её отличали слишком мелкие черты лица, слишком худое телосложение, слишком низкий рост и нос с ярко выраженной горбинкой. Впрочем, все свои возможные недостатки она с лихвой компенсировала удивительным обаянием и взглядом невероятно счастливой женщины, чему не могло помешать ни то печальное обстоятельство, что после последних тяжёлых родов месяц назад она потеряла возможность ходить, ни то, что после этого она была вынуждена постоянно принимать обезболивающие настойки. Вдобавок ко всему, Паучиха относилась к тому типу женщин, которые становились с возрастом только краше, и потому, по мнению многих приближённых к шенойскому двору, несмотря на инвалидность, графиня Аларкон считалась одной из самых привлекательных женщин своего края, в пику тем, кто оценивал её красоту прямо пропорциональной размеру её капитала.

На руках она держала месячного сына Сезарио и кормила его грудью. Напротив неё, как на иголках, сидел председатель Гильдии южных торговцев, явно смущённый тем, что после достаточно бесцеремонного вторжения в детскую во время интимного момента общения матери с ребёнком его заставили там и остаться, и потому старательно отводил взгляд от обнажённой груди женщины, которой та совершен-

но не стеснялась.

— Ми сенья, вы меня не поняли, — пыхтел барон, покрасневший, как девственник в Миртовом доме, заметив краем глаза розовый сосок графини.

— Чего же тут непонятного? — ласково, по-матерински, спросила графиня Аларкон и через мгновение одарила барона де Нова тем самым легендарным взглядом, который в мгновение ока изгонял из гостей, рискнувших ставить графиню Шеноя в неловкое положение, любую решимость делать это сейчас и когда-либо вообще в жизни. — Вы вполне ясно выразили свою мысль. И я вас за это уважаю. Редко кто может заявиться в мой дом с подобными требованиями, не боясь того, что его спустят по лестнице вниз головой.

Напыщенность, с которой барон переступил порог комнаты несколько минут назад и которую тот намеревался сохранить до самого конца беседы, став очередной жертвой красноречивого взгляда, предательски дрогнула и медленно, но верно начала покидать главного председателя Гильдии торговцев. Почувствовав неприятную внутреннюю дрожь перед сидящей напротив миниатюрной и хрупкой, как из хрусталя, женщиной, он сглотнул, поджал губы, поправил широкополую шляпу с красными перьями из хвостов минимум двенадцати экзотических птиц и поднялся, гордо выправив спину.

Глядя на то, как отчаянно вставший во всю величину своего впечатляющего роста усатый мужчина пытается придать

себе грозный вид за счёт внешних атрибутов, обозначающих его высокий статус в Гильдии, Виттория-Лара мягко улыбнулась.

– Мне не нужно ваше уважение, – громко заявил о своих намерениях барон. – Мне нужны деньги.

– Боюсь, что моё уважение в Шеное гораздо ценнее пары монет, – спокойно, даже по-доброму ответила Шенойская Паучиха.

– Пары?! – возопил барон.

Виттория-Лара выстрелила из кулачка указательным пальцем, призывая повисившего голос мужчину не наглеть. Растолковав жест правильно, барон замолчал, сглотнул и снова заговорил, но уже намного тише.

– Пары?! Мы говорим о сумме гораздо более серьёзной, чем пара треклятых сибров! – с жаром прошептал он.

– Вот как? А кричите вы именно так, как кричат обычные торговцы финиками на базаре, не досчитавшись грошей. Когда же о деньгах более крупных говорят люди посolidнее мелких лавочников, они не срываются на крик, а ведут цивилизованный диалог. Вы так не считаете?

– Считаю, – вынужденно согласился барон.

– Тогда изложите суть своего вопроса без криков. Иначе вы испугаете моего сына, и тогда я буду вынуждена принять меры. Вы же не хотите, чтобы я приняла меры?

Графиня Аларкон улыбалась, но от слуха барона не ускользнула та особенная интонация, от которой исходи-

ла самая настоящая угроза ему, его супруге, его детям, внукам и всему его роду вплоть до троюродных племянников.

– Я смею напомнить вам о моём праве обещанного выкупа! – раздул щёки де Нов и облокотился обеими руками о резную столешницу. – Вам напомнить, в чём оно заключается?

Малыш на руках матери выронил грудь и закричал.

– Ш-ш-ш-ш, дорогой, ш-ш-ш, – Виттория-Лара ласково погладила сына по голове и поудобнее расположила его головку в шёлковом чепце у своей обнажённой груди. – Знаю-знаю, – снова улыбнулась графиня, любуясь розовым личиком Сезарио. – Право обещанного выкупа – право, коим награждается победитель карточного турнира в случае, если у проигравшего не оказывается с собой нужной суммы, чтобы покрыть свой проигрыш. В этом случае победитель вправе просить у проигравшей стороны всё, что, по его мнению, окупит не полученный наличными деньгами выигрыш. Я всё знаю. Вы так и собираетесь стоять?

– Я...

– Сядьте.

– Но...

– Сядьте.

Де Нов послушно сел.

– И не повышайте голос, последний раз предупреждаю, вы не у себя дома. К тому же вы напугали моего Сезарио.

Она поводила по губам сына соском, и тот снова ухватил-

ся за кормящую грудь. Сконфуженный сценой кормления де Нов возрадовался, что его покрасневшие щёки скрывает густая борода, которой он очень гордился.

– В таком случае я вынужден требовать!..

– Вы снова собираетесь кричать? – тонко очерченная аккуратная бровка графини вопросительно поднялась.

– В таком случае я вынужден требовать, – намного тише повторил председатель Гильдии торговцев, – чтобы вы удовлетворили моё право.

– Напомните, пожалуйста, барон, сколько проиграл мой муж?

– Триста тысяч сибров, – без запинки выпалил гость, – а если быть совершенно точным, то триста тысяч пятьсот двадцать сибров. Золотом.

Виттория-Лара цокнула язычком.

– Серьёзная сумма, – согласилась она.

– И у вашего благоверного её с собой не оказалось.

– Для вас мой благоверный, как вы посмели высказаться, всё ещё граф Гедеон де Бароз.

– Ой, да какой он граф...

– После свадьбы мой супруг разделил со мной мой титул, – лицо Виттории- Лары вдруг стало непроницаемым, – а я – его шёлковые плантации. Так что для вас он самый настоящий граф. Но ближе к делу, сколько у него было денег в наличии?

– Сотня золотых. Всего сотня!

– Странно, что не меньше. Я приказала своему казначею больше не давать моему супругу на руки наличности, потому что он обычно спускает всё за пару часов.

– Вот поэтому им и было применено право обещанного выкупа после нашей с ним партии в «Францисканку». Право было закреплено словом благородного графа при пяти свидетелях. Все правила были соблюдены.

– Согласна.

– Поэтому я и пришёл сюда с требованием снизить процентную ставку для Гильдии в отношении торговли шёлком на пятнадцать процентов в следующем квартале и на двадцать в начале следующего года. Именно эта сумма покроет проигрыш графа благодаря моему праву обещанного выкупа!

– Мой супруг никогда не был силён в расчётах, но я никогда не думала того же и о вас. Ваши расчёты завышены в три с половиной раза.

– Вы обвиняете меня во лжи?! – вскочил с места оскорблённый председатель Гильдии.

– Ну что вы? Только в том, что вы не умеете считать, само собой.

Малыш Сезарио снова выпустил материнскую грудь и закусился.

– Ми сенья, женщине в вашем положении не стоит идти на конфликт с Гильдией, – решил добиться своего любой ценой барон.

– Женщине в моём положении? – переспросила графиня, однако на лице её едва ли появилась хотя бы тень какой-либо озадаченности или растерянности. – В каком таком моём положении?

– А в таком, ми сенья, что после того, как был свергнут король Огасовар, вы лишились одного из крупнейших рынков сбыта, а именно лояльной прежнему королю Кантамбрии, а Гильдия, в коей я занимаю, как вам хорошо известно, высокий пост, имеет контракты с графом Монтонари на поставки, что ввиду сложившейся ситуации делает эту самую Гильдию единственным поставщиком и вашим представителем на востоке, что, согласитесь, даёт мне право требовать пойти нам на кое-какие уступки.

– И потому вы решили, что это даёт вам право заявляться в мой дом, чтобы вымогать нужную вам сумму? – наклонила головку графиня.

– Право обещанного выкупа – не вымогательство, а закон. Сезарио заплакал. Виттория-Лара испепелила гостя взглядом, от которого тот поймал себя на мысли, что желает как можно скорее покинуть замок и больше не приближаться к нему ближе, чем на пятнадцать лиг. Графиня начала укачивать грудничка.

– Ей-богу, ми сенья, давайте продолжим в следующий раз, – покраснел до самых пяток торговец, глядя на всё ещё обнажённую грудь. – Я сказал всё, что хотел. Вы знаете мои условия, я приду в следующий раз за вашим решением.

– Вы будете ждать его здесь, – Виттория-Лара на мгновение прервала колыбельную и указала гостю сидеть и ждать. Барон поперхнулся очередным возражением и остался ёрзать на бархатном сиденье, послушно выжидая, пока ему соизволят вновь уделить достойное его персоны внимание. К его великой радости, ребёнок успокоился довольно быстро и уснул, не желая вновь продолжить трапезу, а графиня, опять же к огромному облегчению барона, наконец убрала грудь под накидку.

– Я готова дать вам свой ответ, – румяное личико Виттории-Лары снова просияло благосклонной улыбкой, которой она обычно награждала желанных гостей. Барон оживился в ожидании обещанного куша.

– Мой ответ отрицательный.

Де Нов растерянно моргнул.

– Что-что? – его круглое бородатое лицо стало овальным.

– Вы поняли.

– Но... Но постойте, ми сенья, я напомним, что право обещанного выкупа нельзя отвергнуть.

– Право – нет, – кивнула графиня. – А вот выкуп – вполне возможно.

– Но как же?..

– Милый барон, напомним мне, пожалуйста, – её губы снова тронула мягкая дружеская улыбка, – что я вам говорила пять минут назад? Про сумму, которую я даю своему мужу.

– Что вы выдаёте ему не больше сотни золотых, – пожал плечами барон. – Но при чём тут это?

– А при том, что об этом знают все. Мой супруг – известный транжира, поэтому я и не вижу смысла давать ему сумму большую, чем человек его статуса способен потратить за день – при разумном подходе к этому делу, разумеется. А ещё он известный карточный игрок, прославившийся тем, что постоянно проигрывает. И теперь вы говорите, что играли с ним в карты? Играли на деньги. Скажите, вы часто садитесь за карточный стол? Вы, человек, который, в отличие от Гедеона, знает цену деньгам? Нет, такие люди, как вы, начинают играть только в том случае, когда точно знают, что выигрыш неизбежен. У моего мужа не было с собой денег, вы знали, что победите, ставки росли. Не потому ли вы сели с ним за стол, чтобы позже прийти в мой дом и заставить меня выполнить условия сделки, из-за которой я буду вынуждена потерять огромную сумму, а Гильдия – а точнее её отдельные члены – пополнит свои карманы?

– Право, ми сенья, игра была честной. Ваш муж сам пришёл в мой дом.

– Знаю. Я сама попросила его принести вам на подпись те договоры о закупке. Поверьте, я ничего не имею против честной игры, но то, о чём мы с вами говорим сейчас, – мошенничество. Скажите, что мне мешает прямо сейчас приказать моим стражникам схватить вас, лишить всех титулов Гильдии, которая, если вы забыли, была основана моей се-

мьёй, посадить вас в самую дальнюю темницу, рядом с уличными карманниками, и запереть в колодки за оскорбление? Что мне мешает завтра же отдать приказ казнить вас за попытку обмана? За попытку вымогательства?

– Что?! – завопил барон.

– Будете утверждать, что и не помышляли обмануть меня? Тогда почему вы воспользовались правом на обещанный выкуп? Почему требуете в несколько раз больше, чем проиграл мой муж? Не делайте удивлённые глаза, я знаю вашу бухгалтерию, а точнее человека, который её ведет и который, по счастливой случайности, отчитывается перед моим личным казначеем. О ваших деньгах, расходах и доходах я знаю лучше вас. А ещё я знаю о вашей жене и её довольно частых визитах к одной женщине со, скажем так, необычной репутацией, которая даёт ей настойку одной травы, которая лечит определённого рода бессилие... о чём никому, конечно же, в Гильдии, знать, разумеется, незачем. Но кто знает, вдруг я случайно проговорюсь баронессе де Малари, жене вашего заклятого друга, о данной ситуации? А что будет, если я расскажу ей о некой сумме, которая не так давно пропала из казны Гильдии в период, когда отчётность вели вы? Что? Не помните? Не утруждайтесь, я напомним. Сто тысяч двести сибров серебром и пятьсот тысяч золотом, которые исчезли за три года, – помните такое? Нет? А вот у меня есть бумаги, подтверждающие, что сумма эта исчезла, когда за доходы Гильдии отвечали вы. Что станет с вашими эпо-

летами председателя, когда я расскажу об этом вашим коллегам? Или не расскажу. Кто знает? Но я отвлеклась. В любом случае обстоятельства складываются так, что я откровенно вам говорю, что требуемые вами проценты слишком большие. В отличие от вас я умею считать. Посему, с учётом вашей попытки вымогать у меня большую сумму, чем проигрыш, и вашего оскорбления моей семьи, я считаю нужным возместить нанесённый вами моральный ущерб. Я высказываю вам своё намерение воспользоваться своим правом отнюдь не карточного характера. Отныне я повышаю налог для Гильдии в пользу казны Шеноя на три процента в следующем квартале и на пять – в начале следующего года. Ваш казначей теперь совершенно официально будет отчитываться перед моим хранителем казны, и упаси вас боги скрыть от него хотя бы один отчёт. Вы знаете Чиро и его методы. В противном случае я применю свою власть, уволю вас с вашего поста и лишу права на возвращение. Шеноем правлю я, а не Гильдия и не Совет, и пора бы вам это уже понять. Кстати, там о нашей с вами ситуации уже знают и готовят все необходимые бумаги. Вы получите их завтра. Очень надеюсь, что подписи представителей Гильдии на них не заставят себя ждать. У вас есть ещё вопросы?

– Сучка! – пробормотал барон де Нов, выходя из детской после унижительной аудиенции у Шенойской Паучихи. Не удостоив прощальным поклоном ни казначея, ни прибывшего в Виа де Маривет графа Урбино, он стрелой вылетел

в открытые двери, сшибив с ног слугу.

– Я восхищён! – воскликнул граф, глядя на Чиро. – У вас прекрасный вкус на женщин.

Хранитель казны благодарно улыбнулся.

Через несколько минут на пороге появился камергер и сказал, что графиня готова принять долгожданного гостя.

– Виттория, вы были великолепны! – раскинул руки граф, застав на пороге в комнату, где сидела хозяйка. Ребёнка у неё уже не было, по всей видимости, его забрала нянька.

– Чиро разрешил вам вести наблюдение? Что же, я это учту, – Паучиха радушно улыбнулась казначею и жестом пригласила гостя сесть. – Проходите, прошу.

Граф Урбино прошёл к женщине и с жаром поцеловал ей руку.

– Прекрасно, просто невероятно! Восхищён вашими навыками шантажа.

– Предпочитаю называть это искусством дипломатии, – графиня была польщена. – Но вот уж не думала, что вас так вдохновит сцена чьего-то унижения.

– Чьего-то нет, – признался граф Урбино, садясь, – но Гильдия, по моему, отнюдь не скромному личному мнению, уже давно заслуживала получить подзатыльник. Ей-богу, ми сенья, они назначают мне такие чудовищные налоги на продажу мандаринов и специй, что скоро мне будет проще нанять тройку нелегальных каравелл и вести торговлю с Эвдоном самому через чёрные рынки.

Чиро прошёл в угол к графину и налил апельсинового сока.

– Ми сантин? – обратился он к гостю, предлагая кубок и ему.

Граф от напитка отказался.

– Нет, – продолжал он восхищаться хваткой графини, – я, конечно, слышал, что вы бываете жестоки, но что при этом вы так изящно затягиваете на шее оппонента удавку, я не знал. Не хотел бы я когда-нибудь почувствовать её на своей шее.

– Уверен, теперь в Гильдии подумают трижды, прежде чем высказывать нам свои кабальные условия, – хранитель казны протянул своей хозяйке кубок и сел напротив.

– Спасибо, Чиро.

Граф Урбино заметил, что улыбка, просиявшая в тот момент на лице женщины, из множества увиденных им сегодня была единственной искренней.

– Хотелось бы, чтобы это привело к нужным результатам, – заметил Чиро. – Гедеон проигрывает подобные суммы уже не первый раз.

– Ох, мой милый муж не знает слова «нет». Придётся что-то придумать. Например, ввести закон, по которому в этом городе игра с ним на деньги будет караться штрафом, в три раза превышающим его проигрыш, или ещё что-нибудь.

– Плётки, – предложил граф.

– М-м, боюсь, дыра в кошельке пугает местных господ

больше, чем горящие борозды на спине. Хотя, – призадумалась графиня, – если лишить их права воспользоваться услугами мальчиков для битья... Я подумаю об этом. Иначе из-за мужа я скоро стану совсем седой, – её лицо внезапно стало другим, будто мысли в её голове изменили вектор. – Впрочем, иногда я даже нахожу его выходки забавными. Не будь он таким неудачливым в картах, я бы потеряла свою хватку. Что поделать? Я вышла за него, зная, что беру. К тому же я была молода. Когда, как не в молодости, совершать подобные ошибки? Зато в любовники я выбрала человека гораздо надёжнее.

Виттория-Лара засмеялась, ничуть не смутившись характером изложенного. Белая рука легла на смуглую руку хранителя казны. Чиро накрыл её руку второй ладонью и с нескрываемой любовью посмотрел на графиню.

– Как вы добрались, мой дорогой граф? – спросила Виттория, перестав любоваться глазами влюблённого в неё мужчины. – Всё ли было хорошо в дороге?

Урбино махнул рукой и поуютнее устроился в кресле.

– В моём возрасте сложно не жаловаться на путь длиною в несколько суток да по нашим неровным дорогам, но были в моей жизни путешествия и гораздо сложнее. Всё прошло хорошо, и Керро понравилось.

– Вы привезли с собой и сына? – удивилась Виттория.

– Да, – кивнул граф. – Он никогда раньше не выезжал дальше границ Лагримоны, но на прошлой неделе он устро-

ил драку с одним мальчишкой по какому-то несущественному поводу, и я решил, что небольшая смена обстановки пойдёт моему мальчику на пользу, чтобы остудить его горячую голову, иначе в нём снова разыграется кровь его матери, и он начнёт огрызаться на преподавателей. Представляете, в пути он возомнил себя кирасиром, пустил коня галопом, упал прямоком в куст куманики и набил шишку на копчике, – граф пожал плечами. – Очень надеюсь, что, может быть, это наконец отобьёт у него желание сворачивать горы во главе выдуманной армии ради несуществующей прекрасной дамы и заняться делом. Мой мальчик – романтик, а совсем не романтичный быт – прекрасное от этого лекарство.

– Надо же, а мы думали, что тягу к романтизму он перенял именно от вас, – ответил за двоих казначей.

– С чего бы это? – изумился граф.

– С того, что вы отказались, и весьма прямолинейно от присяги новому королю. Это ли не романтизм? – голос Виттории-Лары был добрым, а интонация мягкой, но старик почти сразу поймал себя на мысли, что шёлковая удавка графини, которую он так не хотел ощутить на своей шее, там и оказалась, соскользнув с шеи униженного председателя Гильдии.

– Ой, да какой, в пекло, романтизм?! – воскликнул вертлявый старичок, неосознанно мазнув плечом под ухом.

– А такой, что своим отказом вы ставите мою дочь Флорестеллу в сложную ситуацию, – озабоченная положением

дел, вздохнула графиня и, вооружившись самой благодушной улыбкой из своего арсенала, облокотилась на подлокотники. – Милый граф, вы же понимаете, что я не могу вот так всё оставить? Моя дочь замужем за вашим старшим сыном, и если вы не присягнёте новому королю, то вы тем самым поставите под удар и её. Вы и без меня знаете одного южного графа, который недооценил всю силу Ложного, как вы говорите, короля, – и что с ним сейчас? Что с Эрнаном Монтонари? Он разбит, повержен, ранен, от его армии остались крохи.

– Дудки, его армия все ещё насчитывает около трёх тысяч человек, – возразил граф, откашлявшись из-за внезапно пересохшего горла.

Хранитель казны молча придвинул графу кубок с соком. – Пусть три тысячи, – заметила графиня Аларкон, – но они подчиняются Монтонари, у вас же армии нет вовсе, а армия Теабрана по-прежнему бесчисленна. Что будет, если он, науськанный своей матерью, решит пойти на вас с мечом? Что, если он применит к Серому Камню свой Огонь? Что, если Ночная Гарпия перебьёт всё живое вокруг Серого Камня, осадив ваш замок? Вы слышали, что случилось в Приграничье? Я ни на секунду не поверила, что Негерд выжгли люди Осе. Осе слаб как король, но он не тиран, чтобы таким способом мстить графу Корбелу за то, что тот примкнул к самозванцу. А Гирифор? Теабран уничтожил целую долину, которая в два раза больше вашей Лагримоны. Что

же ему помешает убедить вас преклонить перед ним колени уже знакомым ему способом?

Граф улыбнулся сквозь серебряную бородку.

– Ми сенья, вот только не надо меня пугать возможными последствиями моего неповиновения. Я пережил уже трёх королей. Если Теабран сунется в Лагримону, ему ещё придётся пройти через перевал между Караульными башнями, а он настолько узкий, что бесполезно любое численное превосходство его армии, и солдаты на башнях вооружены отнюдь не рогатками. Так что, дорогая графинюшка, вы переживаете за меня совершенно зря и напрасно применяете ко мне эти ваши штучки. Я стар, но не глуп, и понимаю, что к чему.

Чиро и Виттория переглянулись.

– Мой отказ давать присягу связан с совсем другой проблемой, – поспешил объяснить своё поведение Урбино.

– Какой же? – спросил казначей.

Граф подался вперёд и навалился на стол.

– Король – бастард, что есть бесспорный факт, пока не предоставлены опровергающие это бумаги, независимо от того, что говорит сейчас его жадная до власти мамаша.

– Как и половина шенойских детей, как и половина детей в мире, – не понял хранитель казны. – Сейчас куда ни плюнь – попадёшь в чьего-то незаконнорожденного отпрыска. Теабран завоевал трон, свергнув короля, так делали и раньше, действующие постулы, например. В чём вопрос?

– А в том, Чиро, что Лагримона, в отличие от всего Шеноя, Кантамбрии или Ангенора, в этом вопросе достаточно консервативна. Вы думаете, я просто так заставил своего писаря раздобыть бумажку, которая подтверждает, что мой Керро был рождён не от сиюминутной связи с его матерью, а в браке, который продлился, прости господи, неделю, был скреплён архонтом, но был расторгнут по причине того, что к моменту его заключения я был ещё официально женат на своей покойной жене, потому что в Совете кое-кто вовремя не поставил нужную печать на нужную бумагу. Да, это фикция, но для Лагримоны мой бастард, пусть и носящий фамилию его матери, Гримани, с такой бумагой уже не бастард, а законный сын от второго брака. Да, я его признал, дал дом, образование, упомянул в завещании, но вы сами понимаете, что в моём окружении есть люди, которые не верят в правомерность раздобытого документа, потому я и отправил Керро в Коллегию казначеев. Сами знаете, в хранители казны чаще всего идут юноши с нулевыми шансами на выгодный брак, а надев на себя сюртук казначейского сословия, они приобретают в обществе определённый вес, – граф положил руку на грудь. – Чиро, не считите за оскорбление.

Хранителя казны ничуть не смутило высказанное замечание.

– Правда глаза не колет.

Паучиха фыркнула.

– Неужели в ваших землях так остро стоит проблема ба-

стардов, что даже собственного отпрыска вы готовы дважды подстраховать?

— Ми сенья, вы даже не представляете, насколько остро, — лицо графа приобрело весьма озабоченное поднятым вопросом выражение.

Чиро заинтересованно наклонился вперёд.

— Я уверен, что вы нам сейчас всё подробно расскажете.

— Мой Керро, — начал граф, — при всей моей любви к нему и несмотря на бумажную кутерьму, в глазах моих вассалов ничем не отличается от любого другого бастарда. Именно поэтому едва ли у него есть шанс удачно жениться на какой-нибудь дочурке барона, по крайней мере в Лагримоне. В Шеное и Кантамбрии он мог бы найти подходящую партию среди начитавшихся любовных романов графских дочек, но он младший мой ребёнок, а потому доля его наследства по закону гораздо меньше доли Раймунда, что, согласитесь, не делает его завидным женихом. Я мог бы отписать ему ровно половину своих земель, наплевав на закон, но тогда это станет опасным для Лагримоны прецедентом. Не я один, Чиро, как вы совершенно правильно выразились, имею незаконных детей. Мой друг и вассал барон Апулья имеет пятерых незаконных детей, один из которых перегрызёт рождённым в браке детям глотки ради того, чтобы стать главой его дома после его смерти. Мой второй вассал барон Барди, не меньший придурок, имеет трёх бастардов, один из которых, по его подозрениям, стал причиной внезапной

смерти его единственного законного наследника полгода назад, что сделало его старшим, пусть и незаконным наследником. У моего третьего вассала тоже есть бастард, а ещё истеричная жена, которая только месяц назад разродилась-таки законным наследником. Представьте, что будет, если своей присягой я признаю притязание незаконного ребенка на титул и власть наравне с законными детьми? Шеной Шеноем, но я не хочу идти на поводу у вашего страха за свою власть и стать причиной того, что бастарды моих охочих до каждой юбки вассалов в погоне за титулом зальют кровью всю Лагримону.

– И надо полагать, что вы обеспокоены такой же проблемой и с Керро? – задала закономерный вопрос Виттория-Лара

– С Керро? Нет, – с уверенностью, не терпящей каких-либо сомнений, ответил граф. – Он умный мальчик и прекрасно понимает, кто он и каковы законы. Да, он грезит о том, чтобы стать полководцем, и от скуки берёт уроки фехтования, но он понимает, что живёт в реальном мире, где казначейские пуговицы не менее ценны, чем военные эполеты, вам ли не знать, Чиро?

Казначей согласно кивнул.

– Вот. И я донёс эту незатейливую мысль до его разума. Он для моего Раймунда безобиден и, более того, собирается стать его казначеем после того, как получит диплом. Клятва клятвой, а когда казначей служит собственной семье, в его

верности едва ли возможно будет усомниться даже самому заядлому скептику.

Чиро поспешил спрятать усмешку за бокалом.

– И снова намёки.

– Вы знаете, что говорят за пределами Виа де Маривет о вашем младшем сыне, ми сенья, – многозначительно посмотрел на графиню Урбино. – И отчего-то у меня нет причин сомневаться в том, что эти слухи не отличаются от правды, за исключением разве что того момента, что ваш муж якобы сам дал на это согласие. Так что моя проблема с ба-стардами не только моя.

Сказанное вызвало у Паучихи снисходительную улыбку.

– И всё же я обеспокоена тем, что из-за укоренившегося отношения к незаконным детям среди ваших вассалов они сами станут жертвами прогрессивной действительности, – к графине вернулась прежняя серьёзность. – Новый король, кем бы он ни был, наша реальность, и мы обязаны с ним считаться, иначе мы оглянуться не успеем, как его Ночная Гарпия нацелит на нас своё оружие, а мы перед его или её – не знаю, кто это, – воинами совершенно не защищены. И говоря «мы», я имею в виду и вас, ми сантин. Сколько солдат охраняет Караульные башни? Сотня, две сотни? Сколько времени уйдёт у Гарпии, чтобы взять крепости измором? А найти тайный лаз у Пика Спящей Дамы? Реши король навестить меня – ваши земли будут первыми на его пути, а позади вас будет находиться лояльный королю Шеной.

– Быстро же вы перешли от шёлковой удавки к угрозам, ми сенья, – усмехнулся граф. – Потерять хватку вам едва ли когда-либо грозит.

– Пока я всего лишь пытаюсь воззвать к вашему рассудку, мой друг, но, если понадобится, ради благополучия своей дочери я буду вынуждена пойти на крайние меры. Например, в обмен на уступки в торговле изразцами и жемчугом я могу попросить Пелегра Димаксиса предоставить мне часть своей армии. Думаю, пять тысяч солдат. Или шесть? Я могу выторговать у эвдонцев и семь тысяч. Этого более чем хватит, чтобы победить три тысячи ранее упомянутых кантамбрийцев, если даже вы каким-то образом уговорите графа Монтонари или его будущую вдову войти в ваше положение, – лицо Виттории-Лары озарилось тошнотворной в своей благожелательности улыбкой, рука сжала руку Чиро. – А что, если я скажу глубоко уважаемому мною постулу, кто помог его брату Алмекию сбежать с Эвдона? Пелегр сам пустит по вашему следу целую армию ради мести и не оставит в Лагримоне камня на камне. Я понимаю, что вы в долгу у семьи Роксбург, но что мне помешает заручиться поддержкой нового короля и признать новым графом Лагримоны кого-нибудь из ваших баронов?

– Я не позволю! – воскликнул граф Урбино.

– А что, если я настрою против вас всех ваших вассалов, признав со своей стороны право их бастардов на наследство в равной доле с законными детьми? Я тоже могу ввергнуть

Лагримону в хаос, подписав всего один указ. Я уважаю законы и порядки вашей земли, ми сантин, но не пришло ли время что-то менять? – ласково, по-матерински улыбнулась Паучиха. – У вас нет особого выбора, Урбино. Возможные проблемы с вассальскими бастардами, если вы примете присягу, или вполне реальная война с ними же, если их против вас настрою я. Вы в любом случае лишитесь своего положения, но в первом случае я могу дать вам свою поддержку, вы же сами понимаете, что ни Шеною, ни вам война не нужна.

– Уж не собрались ли вы под это дело забрать себе мои земли, милая, вместе с сахарными и фруктовыми рощами, а также малахитовыми каменоломнями? – догадался о хитроумном плане Паучихи Урбино.

Её молчание было ответом.

– Понятно. Очень удобно, ми сенья. Очень. Не зря вас прозвали Паучихой. И что же я буду в этом случае делать? Без земель? Стану вашим вассалом?

– Неужели это настолько плохая роль?

– После хозяина? Вы смеётесь?

– Тогда вы можете им остаться и ввязаться в войну, а её я вам обеспечу.

– Мне нужно время на размышление, – помрачнел старик, сгорбившись на своём сиденье. – На сколько я могу рассчитывать?

Глава 8 Бастард

Во внутреннем дворе крака Виа де Маривет под цветущей черешней сидел и скучал молодой человек. На коленях его лежала истрёпанная толстая книга, полная таблиц и кудрявых формул, которые ему было необходимо выучить уже к следующей субботе для третьего в этом месяце экзамена. С каждой новой прочтённой страницей жизнь казалась ему всё более безотрадной, полной лишений и несправедливости от осознания того, что, несмотря на аккуратно начерченную на подошве перевёрнутую руну Гутт и обещание отцу во что бы то ни стало получить оценку «отлично», в реальности его, скорее всего, ожидал феерический провал.

Находясь на грани отчаяния от неизбежного унижения перед уважаемыми председателями Коллегии и прочими представителями чарующего мира сводок, дебетов, кредитов и налоговых вычетов и удручённый перспективами быть с позором изгнанным из Коллегии с вещами, брошенными ему профессорами из окна, он вздохнул и пробормотал себе под нос очень неприличное слово, которое не преминул сра-

зу вывести на полях учебника напротив формулы вычисления возвратного налога, запечатлевая в нём всю свою горечь и злость на проклятую судьбу.

Шлёп! Спелая сочная ягода стукнулась прямым о кудрявую макушку и, отскочив, ударилась о страницу рядом с жирно начерченным ругательством.

– Эй! – сидящий под деревом молодой человек отвлёкся от грустного созерцания видения своего печального будущего на оплетённой виноградной лозой стене и посмотрел вверх.

Из листвы на него с интересом смотрела симпатичная мордашка с большими аквамариновыми глазами в обрамлении густых чёрных ресниц и вздёрнутым конопатым носиком. В буре растрёпанных волос торчали ветки и листья.

– Почему ты побитый? – Валеска рассматривала его царапину на носу.

– Подрался, – студент удивлённо посмотрел на внезапно появившуюся на дереве девочку, потому что был абсолютно уверен, что всё это время сидел здесь совершенно один.

– Зачем ты подрался?

– Теперь это уже неважно.

– Болит?

– Немного.

– Хочешь, я подую, и всё заживёт?

Керро улыбнулся.

– Твоя сестра уже подула. Ты откуда здесь взялась? – спро-

сил он, покраснев. – Я думал, ты с учителем пения.

– Он нудный, я от него и спряталась, – пожалала загорелыми плечами Валеска и, отогнав от щеки пчелу, свесилась с толстой, густо усыпанной черешенками ветки в попытке рассмотреть в книге что-нибудь интересное для своей любознательной натуры.

– Ты это слово написал?

Керро быстро захлопнул книгу, спрятав от любопытных девчачьих глаз неприличную надпись.

– Чего краснеешь? Я уже слышала это слово от Чиро, когда папа якобы случайно бросил в камин какие-то его бумажки.

– Я готовлюсь к экзамену «Анализ эффективности и ликвидности торговых путей и методы контроля реализации продукции в южных регионах». Всё, что я люблю, – рука Керро неуверенно поводила по обложке, а зелёные глаза стали совсем печальными, как у сиротки.

– Язык сломать можно, – сочувствующе вздохнула девочка и сунула в рот сорванную ягоду, заболтав в воздухе бо-сой чумазой ногой. – Почему учёные любят такие зубодробительные названия? Я бы давала диплом уже за то, что кто-то вообще может выговорить это без запинки.

Студент снова попытался сосредоточиться на чтении.

– Уиньк! – испачканные в соке указательный и средний пальцы оттянули угольную курчавую прядку страдальца, как пружинку.

– Эй?! – будущий хранитель казны схватился за волосы. – Ты чего?

– Мне скучно, – буркнула младшая дочка Виттории-Лары и облокотилась о выдолбленную выемку в стволе, будто о спинку личного кресла.

– Мне тоже, но я же не хватаю людей за волосы.

– А я хватаю.

Керро нахмурился, оскорблённый неуважением к своему тяжкому бременю.

– У меня скоро экзамен, не мешай.

– Но мне ску-у-учно. Развлеки меня, – заскулила девчонка, подперев очаровательные пухленькие щёчки руками.

– Я не трубадур. Я занят.

Юноша фыркнул и снова погрузился в унылое чтение. Графская дочка надула губки, сильнее затянула на поясе узел, собранный из юбок, чтобы те не мешали лазать по веткам, и забралась выше, туда, где черешня цвела самым буйным цветом. Из недр густой листвы раздался ещё один скорбный вздох.

Керро почувствовал вину за то, что обидел подругу.

– Ты-то что вздыхаешь? – он посмотрел вверх в поисках Валески, но увидел только босую стопу, торчащую из листвы почти у самой макушки. – Не тебя в следующую субботу вышвырнут из Коллегии с позорным письмом.

– Мир – ужасное мрачное место, полное подлости, лжи и коварства.

– Книжек начиталась? – юноша без труда узнал знакомый слог романов, которыми зачитывалась Флорестелла.

– Сужу исключительно по своему печальному жизненному опыту.

– Ого.

– Не «ого», а факт. Я серьёзно говорю.

Стопа исчезла. Вместо неё появилась всклокоченная голова. Голубые глаза были грустными-грустными, словно вобрали в себя всю печаль, известную человечеству со времён раскола горы Норинат.

– А я тебя слушаю. Серьёзно, – Керро не стал ехидничать или усмехаться, хотя было у него такое желание.

– Сальвадор прибыл к нам сегодня утром и даже не подошёл поздороваться, – ответила Валеска голосом, полным такой экзальтированной обиды, что её мрачный призрак можно было увидеть запутавшимся среди веток.

– О, так вот в чём твоя печаль, – Керро почувствовал облегчение.

– Сразу прошёл к маме на срочную аудиенцию, а я всё два часа под дверью сидела, пока меня Чиро не прогнал. Я в соседнюю комнату, а там отец, пьяный, – как начал на меня кричать, я и убежала в конюшню. А там лошадь Сальвадора. Я дала ей яблоко и редьку, а теперь она заболела. Ангенорские скакуны, оказывается, вообще не переносят редьку. У них от этого начинает болеть желудок.

– О!

– Ну, откуда мне было знать, что у неё начнутся рези? Весь день коту под хвост. А всё из-за Сальвадора. Он такой дурак.

– Неужели? Только потому, что он не сказал тебе: «С добрым утром, ми сенья»?

– Да.

– Возможно, один из лучших выпускников Коллегии может позволить себе быть иногда пренебрежительным.

– Всё равно он дурак.

– Человек не может быть одновременно умным и дураком.

– А он может. Вот обижусь на него и больше не буду к нему подходить.

Керро сдержал смехок.

– Напугала пчелу мёдом. Он тебе только спасибо за это скажет. В прошлом году ты всюду хвостом за ним ходила. Сама говорила.

– Мне было тринадцать. Я была юной и глупой.

– А, ну, с тех пор ты значительно повзрослела и поумнела. Поэтому и не стала ходить за ним по пятам, а просто сразу отравила его лошадь. Ай! – Половинка черешни попала Керро прямо в лоб.

– Это тебе за то, что ты такой вредный! Я тебе серьёзно говорю, а тебе шуточки. Ужас просто, какие вы, мальчишки, бестактные.

– Понял-понял. Извини.

– Ходит мимо, будто я пустое место, а я ведь его люблю.

– Но ты же ещё маленькая, вот он тебя и не видит. А когда

вырастешь, ещё бегать за тобой будет, вот посмотришь.

– Не будет. Он такой одинокий. У него совсем нет друзей, кроме какого-то старика в Туренсворде. Всё время в работе.

– Он же казначей.

– Чиро тоже, ну и что?

– Это другое.

– Конечно, другое. У всех всегда всё другое. А по мне, так у всех все то же самое, было бы желание. А эти казначейские законы уже давно быльём поросли, в какого казначея ни плюнь в Шеное, так у всех женщины и семеро по лавкам, только Сальвадор эти законы и соблюдает... Тьфу! Неужели он не хочет быть счастливым? Просто счастливым? Я же правда его люблю, а он меня не замечает. Это несправедливо, понимаешь?

Керро её искренне не понимал, но инстинкт самосохранения заставил его согласиться с её негодованием и не ставить под сомнение мечты девочки, которая с высоты своих розовых фантазий, очевидно, представляла хранителя королевской казны страдальцем, который долгое время пребывает в томительном ожидании своего спасения из темницы собственных страхов и жаждет излечения своих любовных ран.

– Расскажи мне что-нибудь, – канючила Валеска.

– Что? – Керро едва сдержал восторг, когда она сменила тему.

– Не знаю, – повела плечом девочка. – Что-нибудь интересное. Иначе я заплачу.

– Только не это, – утрированно испугался студент, придав своему лицу такое выражение, что пусть уж лучше планета сойдёт со своей оси, что вызовет сокрушительный ураган и цунами, чем сидящая на ветке девочка проронит хотя бы одну слезинку.

– Тогда расскажи о сестре. Как там Флорестелла?

– А что можно сказать о твоей сестре интересного? Она же замужем за моим братом. Её жизнь скучней, чем эта книга, – Керро шлёпнул рукой по странице с изображением портрета носатого мужчины в крошечных очках.

– Неужели всё так плохо?

– Ну, по большому счёту, не так уж и плохо, – поспешил возразить Керро. – Раймунд хороший муж и хорошо относится к твоей сестре, но... брат – это брат. Где он, там болото.

– А я думала, после свадьбы он изменился.

Керро запрокинул голову и засмеялся.

– Такие, как брат, не меняются ни-ко-гда. Он из тех душ- нил, кто только и способен говорить, что о делах. Нет, он хороший, я не спорю, но... – Керро внезапно понизил голос, имитируя голос старшего брата, и чуть выдвинул вперед челюсть: – «Сантин Канно, как продается "Анна-Каталина"? Пора бы повысить налоговые сборы на сахар. Саранча съела урожай? Что на этот случай говорится в договоре?» Только и слышишь: ссуды, налоги, договора, отчётность. «Керро, как проходит твоя учёба? Надеюсь, ты получишь диплом с отличием. А что у тебя на пальце? Этот перстень тебе Фло-

рестелла подарила? Мило-мило, огненные опалы очень хорошие камни и ценятся на рынках Эвдона. У моей жены хороший вкус. А что по поводу торговцев специями? Где отчёт о прибыли за прошлый месяц? А полугодие? Мне нужны бухгалтерские книги за три последних года, хочу узнать, куда делить те два сибра, которые нам должен был постул Димаксис за партию кофе!» И опять деньги-деньги, дела-дела. А как Флорестелла попросит пойти с ней на турнир, так: «Любовь моя, у меня полно работы», и с ней иду я. Прогуливаю занятия, получаю штраф и иду. Ты знаешь, что такое штраф в Коллегии? Это когда ты гнёшь спину в библиотеке, печатывая старые, никому не нужные отчёты под нескончаемое бу-бу-бу зрителя о его молодости, когда молодые люди были куда вежливее и уважали стариков. Казначеем отца должен был стать брат, а мне бы ксифос поострее да быка с вот такими рогами, – Керро руками показал, с какими. – Я в прошлом году едва не попал на тавромахию, хотел взять Гнева, да отец поймал у Креста, дал по шее и на месяц запер в замке.

– И правильно сделал, – нравоучительным тоном заметила Валеска. – Тебя бы убили на арене.

– Зато хоть какое разнообразие, – не согласился студент. – Вот посидела бы в Коллегии хотя бы денёк, поняла бы, что там и как. Это скучнейшее место на свете. Зато Эсти приезжает ко мне в полдень и привозит еду. У нас на обед подают только пшеничную кашу без масла и воду, чтобы будущие

казначей не приучались к изыскам – мы же служим казне и не должны блюсти свои интересы и нужды, вот все и ходят угрюмые, а твоя сестра меня балует.

Керро грустно улыбнулся. Они замолчали. Из окна, что выходило во внутренний двор из детской, раздавался взволнованный голос графа Урбино. Слов не было слышно, но интонация, с которой говорил отец, привлекла внимание юноши. Прозвучало приглушённое ставнями: «Я не позволю!»

«Чтобы отец и кричал?» – подумалось юноше с тревогой.

По всей видимости, Виттория-Лара поспешила доказать, что Паучихой её прозвали не ради красного словца. Кто-то внутри Керро, пока не знакомый ему, насторожился. По коже скользнул неприятный озноб.

Валеска, прикрыв глаза, что-то тихо мурлыкала себе под нос, явно увлечённая мечтами. Керро прислушался, но больше ничего не услышал. Может быть, ему показалось или те явно выкрикнутые отцом слова не имели никакого отношения к угрозам? Из окна, которое будущий казначей продолжал сверлить внимательным взглядом, донёсся женский смех, заговорили двое мужчин. Керро пожалел, что не может карабкаться по голым стенам, как летучая мышь, чтобы подслушать. Нет, похоже, ссора, которую нарисовало буйное воображение мальчишки, больше не разгоралась. Видимо, отцу и Шенойской Паучихе удалось прийти к решению, которое удовлетворило обе стороны. В груди разжался нервный ком. Мурлыканье сверху стихло.

– Уиньк! – загорелая рука снова предприняла попытку дотянуться до очередной завитушки бастарда графа Урбино.

– А вот и нет! – рука несостоявшейся жертвы покушения перехватила тонкое запястье. Скудная книжка оказалась безжалостно отброшена в апельсиновый куст.

– Попалась? – Керро потянул Валеску на себя. Девушка схватилась за ветку второй рукой в попытке удержаться на дереве.

– Ай, пусти!

– Не пущу.

Юноша вскочил на ноги, подпрыгнул, обхватил прыткую девчонку за талию и сдёрнул с дерева.

– Ой! – засмеялась она, когда они вместе плюхнулись на траву, быстро поднялась на корточки, кинула в противника упавшие черешни, подхватила юбки и опрометью кинулась к дорожке. – Не поймаешь!

Керро бросился в погоню.

– Поймаю.

Смеясь и вереща, распугивая слуг, они побежали через двор к фонтану в виде двух ундин и черепахи, который выпирал из стены.

– Не догонишь, не догонишь!

– Догоню!

Валеска резко сменила траекторию у чаши фонтана, вскочила вверх по ступенькам и побежала вдоль балюстрады внутренней галереи. Керро перепрыгнул через ступеньки,

не уступая бегунье в прыти.

– Эй! – он едва не схватил Валеску за атласную юбку, но путь преследователю преградила внезапно вывернувшая из дверного проёма в коридор кухарка, несущая большую корзину с виноградом. Едва увернувшись от столкновения, которое неминуемо бы кончилось катастрофой, извинившись и откланявшись оскорблённой безрассудностью молодёжи женщине, Керро снова кинулся наверстывать утраченную возможность быстро закончить погоню. Валеска обернулась и, убедившись в собственном преимуществе перед застигнутым врасплох преследователем, высунула язык.

– Догоню-догоню! Три сибра, что догоню!

– Пять, что не догонишь! У меня ноги быстрее! Ой!

Со всего разбега она врезалась во что-то мягкое и плотное. Послышалось отчётливое ругательство, похлеще увиденного в книге Керро. Высокая тёмная фигура, в которую влетела раззадоренная игрой девчушка, покачнувшись, едва устояв на ногах.

– Осторожнее!

Голубые глаза испугано посмотрели вверх.

– Простите, ми... ми сантин Монтонари...

Загорелые щёки вспыхнули, как алые розы. На скулке отпечатался рельеф монетки-пуговицы.

Девочка спешно поклонилась.

– Сенья Валеска? – казначей короля заметил отметину на лице девчонки и ответил на учтивый, хотя и неуклюжий

реверанс. – Вы не ушиблись?

Вопрос был задан очень формально.

– Я?..

– Вот и попалась! – Керро шлёпнул обнажённое плечо Валески. – С тебя три сибра. Ой, добрый день, ми сантин Монтонари, – не успев отдышаться, но почтительно он поклонился будущему коллеге. – Спасибо, что поймали её для меня.

– Рад услужить, ми сантин Гримани, – ответил Сальвадор, не сильно похожий на обрадованного такой редкой возможностью.

– А я думала, вы уже уехали, – ещё больше покраснела Валеска, задыхаясь. – Я видела, как седлали вашу лошадь.

– Я тоже думал, что уже уехал, – ядовито ответил хранитель казны. – А потом кто-то дал моей лошади редьку, и теперь придётся ждать, когда у неё закончится несварение.

Юноша засмеялся.

– Как ваши успехи в Коллегии? – спросил Сальвадор, не понимая причину его внезапного веселья.

Смех мгновенно прекратился.

– Понятно, – без лишних уточнений догадался казначей. – Вы же учитесь на втором курсе?

– Да, – кивнул студент. – Заканчиваю.

– Значит, в следующем году вас будет вести профессор де Си?

Керро снова кивнул.

– А что?

– На его лекциях всегда садитесь на средние ряды. Он не любит ни тихонь, ни подлиз. На экзамене старайтесь цитировать книги по его предметам и указывать, откуда та или иная цитата. Половину этих авторов он учил сам и считает себя их вдохновителем. У профессора Гальяго внимательно читайте сноски на полях. По ним он задаёт уточняющие вопросы на экзаменах. И прекратите драться. Старшекурсникам такое не прощают.

– Спасибо.

– Нравится учиться?

– Если честно, то лучше бы отец отдал меня в архонты, – признался Керро, сам не зная, шутит он или говорит чистую правду.

Монтонари едва заметно кивнул. Юноша покраснел, пожалев, что ляпнул не подумав.

– Я имел в виду...

– Я знаю, что вы имели в виду, – по лицу Сальвадора было сложно понять, произвели ли на него необдуманные слова мальчишки ошеломляющий своей наглостью эффект. – На втором курсе я тоже так думал. После экзаменов будет легче.

– Если до них я не сбегу куда-нибудь в горы. Последнее время мне кажется, что уж лучше жить отшельником где-нибудь среди холмов Пустодола и питаться подножным кормом, чем учить статистику продаж мёда с полей Аквамариновой бухты за последние десять лет. А вы виделись с отцом?

– Да, до того, как он пошёл к графине.

– Вы говорили о новом короле? О нём сейчас все говорят.

– В основном, – не делая секрета, признался казначей. –

Кто, что, откуда взялся. Многих сейчас интересует его персона. Сплетни сплетнями, но вашему отцу хотелось узнать информацию о нём из первых рук.

– И какой он? – заинтересовался Керро.

Сальдо мотнул головой, показывая, что хочет пройтись. Польщённый тем, что его как равного себе вызвали на беседу, второкурсник кивнул. Троица прогулочным шагом двинулась вдоль галереи.

– Пока сложно судить, – признался хранитель казны. – На первый взгляд...

Он не успел договорить. Валеска, не желая плестись позади, втиснулась между мужчинами и подхватила их обоих под руки.

– На первый взгляд, человек он неплохой, но рядом с ним его мать.

– А правда, что армию Теабран получил от тёмных сил? – неожиданно встряла в разговор Валеска, не желая, чтобы мужчины игнорировали её присутствие, говоря о политике.

– Не понял, – будто смутился от мракобесного предположения Сальвадор.

– Говорят, в его армии все солдаты на одно лицо. Это ведь так?

Керро не сдержал хохота.

– Конечно, это называется маска. Они носят маски с чёрными глазницами, которые полностью закрывают лица, как Ловчие, вот потому они и одинаковые.

– Я не глупая, я знаю, что такое маска, – надула щёки Валеска. – Но я слышала, что и под масками они одинаковые.

– Кто говорит?

– Неважно, я слышала разговор одних торговцев, которые прибыли из Паденброга.

– Нашла кого слушать – суеверных неучей. Они и на рыночную площадь не выходят, не обернувшись трижды на пороге и не съев щепотку тёртого перца, – иначе же торговля не заладится.

– А вы видели их без масок, ми сантин Монтонари? – Валеска подёргала Сальдо за рукав. – А Огненосцев? Говорили с ними? Правда, что ими руководит двуполый человек? Я слышала, что это и девушка, и юноша, и всё в одном лице.

– Такого не бывает, – фыркнул Керро

– Согласен, – поддержал его разумные сомнения казначей.

– А вот в Скорпионьей норе однажды родился ребёнок двух полов, – голубые глаза вдруг широко распахнулись. – И рос он быстрее обычного, и зубы у него были с рождения. А когда архонт читал над ним Раду Иммар, он начал изрыгать пламя и слизь. А если он был проклят повитухой?

– Байка, – поспешил развеять суеверную уверенность Валески юноша. – Проклятые слизь не изрыгают. Это давно из-

вестный факт.

– И вовсе это не смешно. Так вы общались с этой Гарпией? Видели её... его лицо?

– Нет, – повертел головой Сальвадор, подумывая попросить шуструю дочку графини Шеноя не стискивать его локоть с такой силой, будто ослабь она хватку, он убежит. – Я был лишён такого удовольствия. Мне хватает общения и с её светлостью Улиссой.

– А что она?

Сальвадор повёл бровью, подбирая слова.

– Зла, обижена, амбициозна, чрезвычайно набожна и очень сильно влияет на внука. Даже если Теабран не захочет доказывать законность своих притязаний на трон железом и кровью среди непокорных графов, под её влиянием он вполне может устроить вторую ночь Унганн-Геде.

– Думаете, может дойти до такой крайности? – усомнился Керро. – Мы же не дикие племена.

– До того, как кирасиры вырезали пятнадцать тысяч баладжеров, люди тоже так думали. Поэтому лично я бы принял во внимание возможность и такого развития событий.

– Вы намекаете на моего отца?

Троица приостановилась. Землистое лицо Сальвадора оставалось непроницаемым, только тонкие губы чуть дрогнули.

– Трудно не брать в расчёт его весьма прямолинейный отказ от присяги на верность Теабрану. Отчасти в том, что

сейчас происходит между вашим отцом и Витторией-Ларой, есть моя вина. Мы говорили сегодня утром, я высказал ей некоторые свои измышления, которые, по всей видимости, произвели на неё впечатление и привели её к определённого рода выводам на сей счёт.

– Она ему угрожает? – догадался Керро.

– Согласен, не все методы графини отличаются корректностью по отношению к оппоненту.

Керро едва сдержался, чтобы не назвать мать Валески шлюхой.

– Значит, угрожает.

– Не могу спорить, я не подслушивал.

Юноша стушевался.

– Сантин Гримани, просто поверьте, вашему отцу лучше не идти на конфликт и преклонить колено. Так будет лучше для всех. В политике гордыня неуместна.

– Не согласен, – категорично возразил юноша.

Серое лицо казначея вытянулось, красивые глаза озадаченно посмотрели на мальчишку.

– Нет и нет! – с горячностью, свойственной молодости, повторил Керро. – Мой отец прав. Нельзя ему присягать. Это погубит всё, во что мы верим.

– И во что же вы верите?

– В истину, – зелёные глаза загорелись огнём борьбы за правое дело. – Теабран – Ложный король, по происхождению и по сути. Вечера, вот кто должен был получить корону.

Только она! Я её знал, мы в детстве дружили, она приезжала к нам по пути в Эквинский замок после изгнания. Она нравилась отцу, он называл её королевой по крови, а Теабран её убил. И теперь отец должен преклонить колено перед ним? Нет! И я буду настаивать.

Сальвадор внешне остался совершенно равнодушен к пылу юного идеалиста.

– Боюсь, когда над вашей головой зависнет топор палача, вы быстро пересмотрите значимость своих детских привязанностей.

– Нет! Она королева, – настоял Керро, – и всегда ею будет!

– И она мертва, – привёл разумный довод казначей.

– И пусть, – снова возразил юноша. Его смуглые щёки вдруг вспыхнули, как два граната. – Зато она была настоящей. Чёрт возьми, она оседлала быка! А Теабран такое сделал?

– Боюсь, ми сантин Гримани, в нынешней реальности это очень слабый аргумент, – посмешил Сальвадор успокоить всполошённого посягательством на свою святыню юного борца за справедливость. – К тому же, я слышал, Теабран вообще подумывает упразднить тавромахию.

– Что?! – воскликнул Керро. Высокий лоб покрыла испарина. – Но тем самым он лишит Ангенор его сути!

– Всё меняется, и суть в том числе.

– Я не согласен! – вознегодовал Керро. – Прошу меня простить, сантин Монтонари, но вы не чувствуете себя предате-

лем? Перед тем как присягнуть Теабрану, вы хотя бы сомневались, что поступаете не наперекор собственной совести? Родители королевы Суаве были первыми, кто склонил голову перед Ложным королём. Их дочь вынуждена прятаться в горах, потеряв всех детей, а они уже улыбаются самозванцу. Граф Ревущего холма принял присягу, хотя его дочь замужем за легатом, которого пытаются каждый день. Вы служите тирану, который покалечил вашего брата! Все вы в одну секунду отреклись от родных. Я один считаю, что так делать нельзя?

– Смею уточнить, что казначеи служат не королям, а казне, – спокойно возразил Сальвадор. – Но ваш пыл мне понятен. Мне тоже когда-то было шестнадцать.

– Нет, не понимаете!

– Нет, понимаю, – настоял хранитель казны. – Но ваше возмущение преимущественно бесполезно. Теабран, ложный он или нет, единственный король, которым мы располагаем, а армия его, поверьте, действительно так огромна, как о ней говорят. Может быть, в ваших глазах я и не выгляжу человеком высокой морали, зато я неплохо считаю и сравниваю. Если Теабран направит на Лагримону Ночную Гарпию и армию Огненосцев, у вас и вашего отца, при всей вашей личной верности покойной принцессе, не будет ни единого шанса выжить. И расстанетесь вы с вашей гордостью в тронном зале под аплодисменты придворных или под руку с ней окажетесь на плахе, будет зависеть только от вас.

– Тогда лучше оказаться на плахе! – гордо заявил Керро и, желая оставить последнее слово за собой, высвободил рукав из цепкой ручки Валески, чтобы уйти, но хранитель казны не дал ему этого сделать.

– При всём моём уважении, сантин Гримани, – осадил его прыть казначей, – вам ещё никогда не выносили смертный приговор, а я уже видел людей, которые дрались за свои убеждения и отказывались от них за минуту до того, как взойти на эшафот. Вы сами ещё не знаете, от чего отречётесь за секунду до смерти.

Оба замолчали. Валеска робко поглядывала на друга, прижавшись к руке Сальвадора.

Керро понял, что проиграл.

– Прошу меня извинить, отец уже наверняка меня ищет.

С этими словами он наспех откланялся и поспешил удалиться, неся на плечах весь груз оскорблённой чести бастарда.

Глава 9 Ведьмы

– Отпустите! Отпустите! Прошу, пожалуйста, не надо!..

Крик прервал глухой удар топора о плаху. Озябшее худенькое тело девушки в одной холщовой замызганной рубашке вздрогнуло, руки в последнем рефлексе дёрнулись к шее. Задрожали, царапая перерубленный позвоночник, сбитые пальчики. Голова, отделённая от тела, с мерзким хлопом стукнулась о мёрзлые доски и покатилась к краю покрытого коркой льда эшафота. Тело в последней конвульсии сжалось, замерло и обмякло.

Продрогший до костей мальчишка – помощник палача, который со скучающим видом ковырял в носу на самом краю залитого кровью помоста, спохватился и успел подставить ногу, чтобы голова не упала на землю, где к ней уже тянула руки толпа, готовая прорваться сквозь круг из воинов кадерхана и вырвать испачканные кровью волосы казнённой, чтобы сделать из них амулеты от ведьминого глаза.

Глядя на их выпученные от желания урвать вожаделенный кусок плоти, глупые, как у кур, глаза, мальчик нагло хмык-

нул и сплюнул себе под ноги. Ещё не хватало, чтобы суеверная темнота расхватала некогда красивую головку на кушочки бесплатно. Мальчик слышал от своего пьяного вдрызг головотяпа, когда тот надирался накануне в корчме, что он не продаст ни единого волоска колдуньи меньше, чем за саргон за пучок толщиной с горошину, а унцию крови – и вовсе загонит за пять, и то по договорённости только местным повитухам, которые, по слухам, за отдельную плату подкладывают пузырьки драгоценной крови роженицам под подушки, чтобы плод не застрял на выходе из утробы. А уж череп... Череп, он слышал тогда же, у прилавка, уйдёт не меньше, чем за три десятка серебряных монет с оттиском медвежьей морды одной личности, чья репутация в Таш-Харане не оставляла сомнений в том, что ремесло её и казнённой ведьмы было одним и тем же.

Местные бабки говаривали, что нет способа связаться с потусторонним миром и покойниками, застрявшими в Междумирье, лучше, чем обваренный в кипятке череп обезглавленной на полнолуние чародейки. Рубашку казнённой, как сказала жена палача, она порежет на лоскуты для новорождённых как оберег от детской смерти, верёвки с ног продаст местным купцам на удачу, а прокажённым – от язв. Прах, который останется от тела убитой после сожжения, уйдёт местным девкам, желающим подсыпать его в пиво женихам, чтобы те забыли соперниц, а собранная накануне казни моча – их мамкам, чтобы отвадить мужей от бутылки.

И мальчишке хороший процентик от сделок достанется, чтобы не болтал о тайных сделках своего учителя на углах. Казни ведьм в Касарии были весьма прибыльным предприятием для заплечных дел мастеров, но самрату, конечно же, о талантах торговца своего палача знать было незачем, ведь у того нет никакого желания пополнить ряды безголовых.

Когда помощник оттащил тело в сторону и оставил на краю эшафота, двое других, держа за вывихнутые из суставов плечи, подняли на помост вторую приговорённую к смерти. Толпа возбуждённо заулюлюкала, загалдела. Этой казни ждали больше всего. Поговаривали, что из двух эта была самой главной колдуньей, и что именно она стояла за снежной бурей на прошлой неделе, и именно она навела мор на кур и овец на прошлой луне – знай ожидай всякого ужаса, когда головка отделится от плеч.

На лице девушки остались следы от белой и золотой краски, пальцы все были переломаны, вырваны ногти, ноги после дыбы волочились по доскам. На лицо самая обычная, даже чем-то симпатичная – по крайней мере, была до недавнего времени. Палач посмотрел на девицу:

– Мать твою перемать!

Девка оказалась острижена почти под самую кожу. А ведь знал, знал, что неспроста она вчера ночью перешёптывалась с одним из стражников. Видать, заплатили ему, чтобы остриг он головушку, чтобы волосы палач не распродал после казни. Жаль, такой товар пропал. Ох, как жаль! Волосы-то были

длинные, кудрявые и золотые-золотые, совсем не как у касариек. Такие бы ушли по два саргона за пучок, не меньше. Палач харкнул в девчонку с видом, будто она его обокрала.

Девушка не кричала, а только стонала сквозь зубы, сжатые судорогой. Бросили на плаху, прижали голову к колодке, потому что встать на колени она не смогла. Видать, совсем разбили ей позвоночник, что и пошевелиться не может. Руки свесились по бокам, как верёвки. Она не сопротивлялась, даже не шептала своих заклинаний. Просто лежала с неестественно выгнутым позвоночником и смотрела перед собой сквозь редкий, сыпавший с неба снег в окно в серой стене Таш-Харана, на белое лицо женщины, что стояла там, словно призрак. Окровавленный топор взмыл вверх. Призрак исчез. Удар. Стриженная голова упала на доски. Толпа замерла и огляделась.

– И всё?

Никаких чудес момент её смерти никому не явил. Не последовало ни грозы, ни молний, не поднялась и выюга, изпод земли не вырвалось ни всполоха так всеми ожидаемого пламени, ни рокот не спустился с небес. Всё прошло тихо. Обычно. Толпа разочарованно загалдела, затопталась на месте.

– Расходитесь! – скомандовал Гзар-Хаим, придерживая перевязанную руку, и кивнул палачу. Народ послушался приказа и медленно потянулся с площади, обсуждая увиденное и описывая такие подробности, подмеченные или выду-

манные, что, уже разойдясь по домам, и сам поверил собственным выдумкам: и про огненный всполох, что вырвался из-под земли, когда головка стукнулась о помост, и про гром, который вроде как слышали, и даже про то, как местный дурачок, что глядел на ведьму из-за повозки с навозом, вдруг начал биться в конвульсиях, проклятый последним ведьминым словом, выкрикнутым за секунду до смерти.

Когда толпа разошлась, трое воинов кадерхана, повинувшись приказу своего предводителя, скинули обмёрзшие тела в тележку, срезали ножами рубашки и верёвки и небрежно бросили на трупы грязное покрывало.

– Самрат приказал похоронить отдельно, – сказал Гзар-Хаим, протягивая алчущему быстрой наживы палачу корзину с головами и снятыми с тел тряпками. – Не сжигать.

– Конечно, похороню, начальник, – с жаром пообещал палач, прижав к груди вожака добычу. – Как пить дать сегодня же закопаю у склона, начальник. Далеко от честных людей. Проклятые души!

И исчез, как и не было. Мальчишка-помощник обернулся на испачканную свежей кровью колодку, воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что никто не смотрит, достал ножик и принялся счищать густеющую кровь на грязный платок.

Владыка Касарии сидел в своих покоях и смотрел на полыхающий в стене огонь. Комната, которую занимал самрат, была небольшой, намного меньше, чем у его сардари, и тём-

ной, как подвал. Источниками света ему служили высокое, до самого потолка, и узкое, не шире ладони взрослого человека, окно, которое делило внешнюю стену на две равные половины, и камин во всю боковую стену, от угла до угла, из-за чего, когда слуги разжигали огонь, казалось, что в Таш-Харане начался пожар. Сейчас в длинном камине с яростью горел яркий ненасытный огонь, который жадно пожирал принесённые слугами поленья. Камин пыхал пламенем, как окно в подземелья Малам, и выплёвывал в дымоход пучки огненных мух. Всюду в помещении – на полу, мебели, широкой кровати – были разбросаны шкуры медведей и волков, которых во время охоты убивал сам Тонгейр, а также оленей с куницами, которых из лука подстрелили Сента и Астура, когда им было по двенадцать и обе хотели порадовать отца своими достижениями охотниц. Единственное окно едва пропускало внутрь помещения свежий воздух. Было жарко и невыносимо душно, как в домне.

Самрат сидел у самого пламени, проминая пальцами ног горячий медвежий мех, и думал. Он не чувствовал ни жара раскалённой печи, ни душного горячего воздуха, ни тепла шкур. Ему было холодно. Холодно до смерти. Холодные камни, холодный свет из окна, холодное кресло, холодный огонь... Продрогшие кости выкручивала привычная судорога. Синие замёрзшие руки сильнее вцепились во внутреннюю отделку наброшенной на плечи шкуры. Стекланные медвежьих глаза сверкали, отражая огонь, как два рубина.

Служанка бесшумно подошла к Тонгейру и поднесла дымящийся кубок, который она только что наполнила из котелка, что висел над огнём в дальней части камина.

– Выпейте, это должно вас согреть. Только не обожгитесь.

Самрат усмехнулся, взял протянутый в учтивом поклоне кубок горячего рома с тимьяном и опрокинул в себя содержимое. Кипяток привычной студёной волной скользнул по горлу в пищевод и желудок. Тонгейр поморщился и занюхал горячее рукавом.

– Вам лучше?

Лицо служанки было расписано как у вдовы, не понять – красавица или уродка, на голове вдовый же капор крупной вязки из дешёвой белой шерсти, закрывающий волосы и шею. По голосу совсем молодая. Платье с юбкой под самую грудь скрывало любой намёк на фигуру. Даже рук не видать под толстыми рукавами по самые расписные запястья.

– Меня не согреет даже лава Китореса, влитая мне прямо в глотку. Подай ещё углей.

Служанка поклонилась и послушно, но с осторожностью, будто подкрадываясь к жерлу вышеупомянутого вулкана, выскребла кочергой из-под золы раскалённые угли, собрала их в железный короб с прорезями и двумя длинными ручками и взяла моток шерстяного сукна, чтобы завернуть грелку и поставить эту конструкцию под ноги своему господину.

– Не надо её кутать, – прохрипел уставший грубый голос, будто самрат был давно и глубоко болен.

– Но вы обожжётесь.

Он жестом показал ей поставить железную грелку ему под ступни, как есть. Служанка повиновалась.

– Вот так хорошо.

На грубом, покрытом жёсткой щетиной лице Тонгейра появилось нечто, отдалённо напоминающее блаженство.

– Значит, проклятье – правда? – спросила служанка. Кажущиеся в темноте чёрными, как гематит, глаза, подведённые серыми полосами от висков до переносицы, внимательно смотрели на владыку. – Исидея, Гата, озеро Нетающего Льда?

Самрат растянул синие губы в улыбке. Из окна подул ветер. В комнату ворвался пучок снежинок, мгновенно растаивших от тепла.

– Закрой.

Девушка, прихрамывая, подошла к окну, дёрнула за шнур, идущий вдоль по стене, и сверху вниз опустился толстый отрез стёганой ткани. Поток прохладного свежего воздуха, в котором отчаянно нуждалось разогретое, как печь кузнеца, помещение, прекратился.

– Вот так.

– Что мне ещё сделать для вас, самрат? – невысокая фигурка в бесформенном платье замерла у стены в ожидании приказа.

– Кто ты? – спросил Тонгейр, обведя фигурку взглядом сверху вниз. – Я тебя раньше не видел.

– Нергуй-Хаан попросила меня заменить вашу постоянную служанку. Она подхватила лихорадку и слегла. Лекарь даёт ей не больше трёх дней. Меня зовут Надашди.

– Подойди, сядь, – Тонгейр взглядом указал ей на пол рядом со своей ногой.

Девушка подошла тихо, словно на цыпочках, села у ноги самрата и поправила шерстяную накидку, которой тот укрывал замёрзшие ноги.

– Дулма Надашди, значит, – Тонгейр скрестил руки на груди, разглядывая взопревший, выбеленный краской лоб.

– Нохой, – исправила самрата прислуга.

– Нохой? – низкий покатый лоб разрезали морщины. – А раскрашена как вдова.

Служанка растерялась и тронула лицо.

– Простите. Мой муж погиб совсем недавно, я ещё не привыкла. Вы правы, я – дулма.

– Когда он умер?

– Месяц назад.

– Как?

– Его загрыз медведь, когда мы отправились в лес за кислицей. Унюхал еду в его сумке, был голоден, напал. Я убежала, он нет, – тёмные глаза с грустью смотрели в пол. – Так я стала дулма Надашди.

Самрат молчал. Недоверчивый взгляд изучал разукра-

шенное до неузнаваемости лицо.

– Кислица, значит? И откуда ж ты такая? Кислица не растёт в этих местах.

– Да, я не отсюда, – кивнула Надашди. – Мы жили в деревне около Звёздного Чертога. Оттуда я родом.

– То-то, смотрю, говоришь ты нечисто.

– Прошу прощения, самрат.

Тонгейр махнул на девушку рукой и растёр холодный лоб.

– Надашди, Надашди, – задумчиво произнёс он. – И давно ты в Таш-Харане?

– Всего неделю.

– Хм, и уже прислуживаешь мне? Быстро ты добралась от Звёздного Чертога аж до самратской ноги.

– Нергуй-Хаан добрая. Она увидела меня на рынке, у меня не было денег купить даже кролика. Она предложила мне работу на кухне.

– А могла бы пойти в Миртовый дом. Там всегда нужны молодые и опытные.

– Единый Бог не поощряет такого! Я лучше бы умерла с голоду, чем начала торговать собой. Я хочу получить душу и никогда не опущусь до греха!

– Тише-тише, ты, – поторопился успокоить Надашди самрат, несколько обескураженный праведной яростью служанки в ответ на его колкость.

– Извините, самрат, я... я погорячилась. Извините. Мои родители были религиозны и против Миртовых домов. Со-

всем.

– Всё хорошо.

Они замолчали.

– Так ты, стало быть, сама согласилась прислуживать мне? – Тонгейр жестом приказал снова наполнить свой кубок горячим ромом.

– Да, – кивнула служанка, исполняя молчаливый приказ. – Когда Нергуй-Хаан сказала, что Юункан заболела и что вам нужна новая служанка, всё на кухне замолчали, начали переглядываться. Кто-то предложил тянуть жребий. Я посчитала, это глупо и недостойно, и вызвалась сама. Почему они вас боятся?

Самрат громко засмеялся и пригубил рома.

– Ещё бы им не бояться, когда трёх предыдущих слуг я приказал обезглавить, а четвёртая предпочла заразиться лишаем и сама отправиться на тот свет, лишь бы я до неё в конце концов не добрался.

– Те девушки сегодня?

– Ага.

– А почему вы приказали их казнить? – девушка снова сидела у ног своего владыки, с присущей касарийкам скромностью сложив руки на животе.

Тонгейр молча наблюдал, как тонкие серые и чёрные линии на лице новой служанки выются симметричными узорами по её скулкам, подчеркивая умные заинтересованные глаза, глядел на замазанные белилами полные губы, красивый,

хотя и с небольшой горбинкой носик с полосами, идущими от внутренних уголков глаз.

Он протянул руку и провёл большим пальцем по остренькому белому подбородку Надашди.

– Всегда удивлялся, сколько времени нужно вам, женщинам, чтобы так разукраситься? Даже свою жену я никогда не видел с чистым лицом. Хм... Красота касариек поистине удивительный феномен. Она подобна загадке, которая прячется за слоями белил и полосами краски, как тайна, которую хочется раскрыть и оставить сокрытой.

– Они были ведьмами? – Надашди не отстранила лицо, безропотно позволяя самрату задумчиво водить пальцем по её лицу. – Служанки.

– Да, – самрат тронул выбеленную губку. – Их поймали на кладбище. У обеих в руках по корзинке с костями младенцев. Кто знает, для чего они их собирали? Уж не для чего-то хорошего. Обе ввали, что это куриные кости, которые они несли голодным псам, но я ведьм узнаю с полувзгляда, а пытки делают всё остальное. Мука вовсе не обязана быть изощрённой, чтобы ведьма призналась, но иногда, как с той второй без волос, даже пытаю приходится придумывать что-то эдакое, чтобы развязать чародейкам язык. Знай, Надашди, истинный Бог всегда даст невиновной сил выдержать даже самую жуткую боль, а Малам покидает своих прислужниц за секунду до признания. Та, первая, созналась в колдовстве, едва её окунули голую в прорубь, а вторая терпела до полу-

ночи. Дай-Гуру пришлось переломать ей все кости в позвоночнике прежде, чем она признала вину.

– А если бы она промолчала?

– Тогда он бы её убил – из милосердия, разумеется, и она бы получила душу как мученица. Но девка предпочла остаться с Блудницей. Вот теперь и сидит у её ног, облизывает туфли из кожи нерождённых – и будет лизать целую вечность.

На улице слышался шум. Кричали воины кадерхана, слышался военный клич. Служанка вздрогнула и посмотрела в сторону окна.

– Не пугайся, – успокоил её самрат. – Это Гзар-Хаим собирает всех на площади.

– Вчера я обрабатывала рану у него на руке. Он сказал, его укусил горный волк, когда он с воинами возвращался из кузницы у Китореса с новым оружием.

– Так повязка – твоя работа?

– Моя.

– А он мне не говорил. А что волк?

– Гзар-Хаим отдал его шкуру Нергуй-Хаан на отделку сапог для ваших дочерей.

Самрат хмыкнул.

– Принеси ещё рома.

Его задумчивый взгляд устремился в дальний угол комнаты, где на грубом столе из куса гематита на сшитых вместе шкурках белок стояло шесть круглых урн из чёрного мра-

мора с белыми и золотыми прожилками. Надашди как-то, идя по коридору, видела, как Тонгейр подходил к этим ёмкостям и клал руку на каждую из них, молча проводя пальцами по отполированным крышкам.

– Что в них? – нерешительно спросила она, отследив от-
решённый, обращённый внутрь взгляд.

Самрат молчал. Пляшущий в камине свет играл на его жёстком, словно выдолбленном в камне лице и отбрасывал на стену причудливую тень. Он молча поднял руку, чтобы служанка замолчала, и показал на свою правую ступню.

– Разотри.

– А ром?

– Оставь.

Служанка кивнула и сунула обе руки под покрывало к щиколотке самрата. Его нога была холодной и сухой, как у покойника.

– У тебя тёплые руки.

Надашди скромно улыбнулась, отвела взгляд в сторону и начала разминать ледяную стопу.

Было тихо, как в гробнице, только огонь уютно потрескивал в камине. Надашди смотрела вниз и не видела, как взгляд самрата перешёл с урн на неё. Служанке было невыносимо жарко и душно. Дешёвая шерсть нагрелась от огня, жгла и щекотала кожу. По спине струйками тёк пот и собирался в пятна на одежде. Дышать!.. Хотелось поскорее закончить работу и высунуться в окно, подставив лицо ветру

и снегу, и вдохнуть морозной свежести касарийского вечера, но на её лице не проявлялось даже намёка на какое-то недомольство.

По пересечённому полосками виску побежала дорожка пота. Торчащие из-под капора тёмные волоски – то ли чёрные, то ли русые, то ли пепельные – скрутились в кудряшку, которую захотелось накрутить на палец.

Самрат наклонил голову набок. А ресницы у Надашди – длинные-длинные, до бровей, загнутые, тёмные. Только нос с горбинкой, как мозоль после побоев. Видать, побивал её муженек, прежде чем медведь обглодал его косточки, и шрам небольшой под краской у губы видно и на виске.

Побивал, ох и побивал. Знать, и на теле у неё таких шрамов с десятков, не считая тех, что на стопах её появились до свадьбы.

Надашди подняла глаза и заметила, как самрат любит её. Засмушалась, улыбнулась, отвернула лицо.

Вдруг Тонгейр поднял голову и прислушался.

– Что-то случилось?

– Она идёт, – с горечью произнёс самрат. – Я слышу шорох её юбок.

– Кто?

Дверь в душевные покои с тихим скрипом отворилась, словно сама по себе, из коридора пахнуло морозной стужей и запахом сырости вперемешку с горячей смолой. Комната внезапно наполнилась странным ощущением, будто внутри неё

вздымалась тяжёлая океанская волна, мощь, густеющая в полумраке. Воздух стал осязаем. Огонь в камине вдруг заискрился, заплясал, извернувшись в ярком всполохе странных фигур. Затрещали поленья.

Самрат не обернулся.

Надашди поспешила встать, поправила юбку, поклонилась хозяйке, попятилась назад и осталась стоять у сундука с покорно опущенной головой.

Выбеленная краской рука с длинными пальцами легла на плечо Тонгейра.

– Явилась.

Перстень из колчедана, нанизанный на указательный палец, сверкнул в свете пламени.

– Я знаю, что ты приказал палачу отсечь головы обоим только со второй попытки, но, как видишь, послушал он меня.

Меганира обошла мужа спереди. Белые холодные пальцы скользнули по щетинистому подбородку.

– Заплатила ему?

– Нет.

– Его право, если хочет работать бесплатно, тут я ему не хозяин, – пожал плечом самрат, выражая полное безразличие к решению палача.

– Нет, – медленно помотала головой сардари и нагнулась.

Сапфировые, страшные, будто в них жило само Зло, глаза ведьмы оказались напротив глаз Тонгейра. Широкие зрачки

смотрели на него, как две дыры, на дне которых шевелился умирающий зверь. Озноб прошиб плоть самрата, в груди до боли сжался комок. Надашди увидела, как он изменился в лице. Решительность, уверенность и наглость в одно мгновение уступили место испугу и бессильной злости.

– Нет, – тихо, почти промурчав, как ласковая кошка, повторила сардари.

Голос её был полон сумрака и власти.

– Ты снова допускаешь одну и ту же ошибку, моя любовь. Ты пытаешься всем доказать, насколько велик Тонгейр Свирепый, Сын Трона. Насколько он силен и жесток. Ты убиваешь, мучаешь и предаёшь. Ты великий воин, бесстрашный правитель. За время своего правления ты замучил и сжёг больше ведьм и колдунов, чем живёт во всем Ангено-ре. Но я Дочь Трона. В моих жилах течёт кровь Иинмарин и Чарны. Ты можешь унижать меня, оскорблять в присутствии других правителей и королей, пускать им пыль в глаза, и я позволю тебе почувствовать твоё величие, но помни, любовь моя: меня твои люди боятся больше.

Глава 10 Ягнята, гарпии и змеи

Он пришёл рано утром. Вошёл тихо, осторожно ступая по ковру совсем без шума, словно по воздуху, как привидение, тайный любовник, а единственным звуком, что выдал его присутствие в покоях, был шорох плаща. Алая накидка Ловчего свисала с его плеч, отражая яркий луч восходящего солнца, пробивающийся в её комнату сквозь мозаичное окно с толстыми стёклами.

Железная набойка на каблуке едва слышно стукнула о каменный пол.

– Ясна...

Звук его голоса, низкий и нежный, коснулся её ушка, как перо, и растворился в неге тёплого утра. Однако именно этот исчезающий шёпот, шелест вырвал принцессу из полудрёмы, тёплой и томной, в которой она пребывала, словно плывя по поверхности озера, нагретого летним солнцем рядом с покрытым цветами берегом.

– Ясна...

Не ответила. Сделала вид, что всё ещё спит. Замерла, вы-

жидаю, пока он подойдет ближе и сядет рядом с ней на кровать. Длинные светлые ресницы подрагивали. Он медленно подошёл и сел с самого края, уверенно опершись рукой о перину за спиной принцессы.

– Ясна...

Нагнулся. Чёрные волосы защекотали обнажённое плечо и шею. Плавное горячее дыхание скользнуло по щеке и ресницам. Она улыбнулась, медленно перевернулась на спину и сладко потянулась.

Влахос осторожно положил руку ей на ключицу, скользнул по груди. Ясна запустила пальцы в его волосы. Он нагнулся и поцеловал её в губы. Она выпрямилась, голые руки нежным обручем обхватили шею мужчины, который уже настойчиво искал под одеялом путь к её бедрам. Губы скользнули по шее. Она, не избегая его ласк, выгнула спину. Доспехи Ловчего были скользкими, как зеркало, и холодными. Он поднял лицо и посмотрел на неё.

Испуг ударил её по лицу, как пощёчина. На неё смотрели ледяные глаза предателя и убийцы.

Ясна вскочила на кровати, будто её укололи иголкой. Солнце за окном стояло уже высоко. Холодный липкий полдень или даже позже.

Огляделась.

Комната была пуста. Призрак вожака когда-то, будто в прошлой жизни, мужчины растворился в воздухе, как отравленная дымка, мираж. За дверью громко чихнул страж-

ник, звякнула медная насадка на древке алебарды. Раздался шум, возня. Она настороженно прислушалась. Замок с лязгом открылся, дверь отворилась.

В комнату не вошёл, влетел Влахос Бродяга, решительно приблизившись к заложнице короля.

– Проснулась?

Ясна натянула на плечи одеяло и вжалась в спинку кровати. В проёме мелькнула рука стражника, ухватилась за медную ручку и захлопнула дверь. Они остались наедине.

– Что тебе надо? – испуганные то ли светло-зелёные, то ли голубые глаза, – Влахос никогда не придавал их цвету значения, – уставились на мужчину.

– Не передумала?

Понятно.

– Я не знаю, где он, – тихо произнесла она, с опаской следя за каждым движением Ловчего и улавливая исходящую от него угрозу.

Подошёл, так же тихо, как во сне, нагнулся.

– Врёшь! – прошипели тонкие змеиные губы.

«Сейчас он меня ударит», – шевельнулось в груди тревожное предчувствие. Замахнулся. Ясна вжала голову в плечи, извернулась ужом, соскользнула с кровати вместе с одеялом и юркнула в угол.

Эрдели оскалился, перешёл в наступление.

– Не надо!..

Бледная рука вцепилась в белокурые волосы, подняла де-

вочку на ноги.

– Не сметь!

Швырнул на кровать. Змеиная маска Ловчего больно впи-
лась краем в бедро.

Забилась, забрыкалась, завопила... Влахос схватил Ясну
рукой за лицо.

– Где они?

– Я не знаю, – заскулила она.

– Где они?!

– Не знаю!

Девочка попыталась ударить его – как и ожидалось,
неудачно. Рука только хило мазнула по острой скуле гири-
форца.

– Нет, знаешь! – Влахос влепил девчонке пощёчину. Та за-
кричала, схватилась за щёку, заплакала. – Ты не можешь
не знать! – тряс он её за плечи, оставляя синяки. – Не мо-
жешь не знать! Говори. Говори, убью, сучка!

– Нет, не знаю! Мне никогда не говорили, где Грот! О нём
знают только мама, отец и легат! При чём тут я?!

Он внезапно отпустил её и выпрямился. Огромный,
взъерошенный, потный. Колено в высоком сапоге упёрлось
в кровать между двух синюшных ножек. Ясна замолчала, за-
дрожала, прижала к себе одеяло, будто оно как-то могло по-
мочь ей отбиться от мужчины.

Влахос ехидно хмыкнул, окидывая взглядом худенькое
юное тельце в лёгкой ночной сорочке, на которое уже давно

облизывались охраняющие его солдаты, особенно когда надирались по вечерам. Правая рука смело схватила принцессу под коленом. Нога напряглась, стала как деревянная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.